ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

ТРОПА МЕРТВЫХ

ЭКСМО

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

ТРОПА МЕРТВЫХ

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

ТРОПА МЕРТВЫХ

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Сое)
Р 67

James Rollins
The Skeleton Key
Tracker
City of Screams
Blood Brothers

The Skeleton Key © 2011 by James Czajkowski
Tracker © 2012 by James Czajkowski
City of Screams © 2012 by James Czajkowski and Rebecca Cantrell
Blood Brothers © 2013 by James Czajkowski and Rebecca Cantrell

Роллинс, Джеймс.

Р 67 Тропа мертвых / Джеймс Роллинс ; [пер. с англ. А. В. Бушуева]. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-75976-7

Не так давно Сейхан, наемная убийца, работала на зловещую организацию «Гильдия». Но сейчас она сбежала из нее, примкнув к группе «Сигма», выполняющей секретные задания американского правительства. И теперь Сейхан необходимо выведать всю возможную информацию о своих бывших работодателях. Она нашла ученого из «Гильдии», который готов передать ей важные документы при личной встрече в Париже. Однако там девушка угодила в ловушку. Чтобы освободиться и получить документы, она должна спасти сына ученого, попавшего в лапы кровавой религиозной секты. Для этого Сейхан придется пройти тропой мертвых и добыть ключ к древнему и страшному секрету. Ключ, который откроет «Сигме» двери всех тайн...

Впервые на русском языке! Новое произведение Джеймса Роллинса, являющееся предысторией романа «Дьявольская колония»!

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Сое)

© А.В. Бушуев, перевод с английского, 2014
© А.В. Бушуев, перевод с английского, 2013
© А.В. Бушуев, перевод с английского, 2012
© А.В. Бушуев, перевод с английского, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-75976-7

Джеймс Роллинс

ТРОПА МЕРТВЫХ

Рассказ

Сейхан проснулась от того, что к ее горлу прижали нож. Во всяком случае, ей так показалось.

Она окончательно проснулась, но глаза открывать не стала, притворяясь спящей, чувствуя, как что-то острое впивается в ее шею. Инстинктивно поняла, что двигаться нельзя. Пока еще нельзя. Затаив дыхание, Сейхан полагалась лишь на чувства. Но нет, она не уловила никакого движения, не почувствовала голой кожей перемещения холодного воздуха, не уловила чужого запаха или дыхания. Лишь слабый запах роз и дезинфектанта.

Неужели я одна?

Чувствуя, как что-то давит ей на шею, она приоткрыла один глаз и быстро обвела взглядом помещение. Она лежала на чужой кровати в комнате, которую никогда раньше не видела. Постель была застлана роскошным парчовым покрывалом. Над изголовьем — старинный гобелен. На каминной полке — хрустальная ваза со свежесрезанными розами. Рядом — позолоченные часы восемнадцатого века на массивном мраморном постаменте.

Начало одиннадцатого. Такое же время показывали и электронные часы на прикроватном столике. По теплому оттенку света, проникавшего сквозь прозрачные шторы, Сейхан поняла: сейчас утро.

Она уловила приглушенные голоса. Говорили по-французски, как и следовало ожидать, судя по мебели

и убранству комнаты. Голоса доносились извне, скорее всего, из коридора.

Это гостиничный номер, предположила Сейхан. Дорогой, элегантный, какой ей ни за что себе не позволить. Она подождала еще несколько секунд, чтобы окончательно убедиться, что в комнате, кроме нее, никого нет.

Юные годы Сейхан прошли в трущобах Бангкока и на задворках Пномпеня. Типичная полудикая обитательница улиц, именно тогда она и обрела простейшие навыки своей будущей профессии. Искусство выживания на улицах требовало постоянной бдительности, хитрости и жестокости. Когда бывшие наниматели нашли ее и забрали с улицы, переход в статус наемного убийцы прошел для нее абсолютно безболезненно.

Спустя двенадцать лет у Сейхан было новое лицо, к которому она до сих пор так и не привыкла, и все время ждала, когда же, образно говоря, мягкая глина наконец затвердеет и примет законченные очертания.

Но кем же она тогда станет? Она предала своих бывших нанимателей, международную преступную организацию, известную как Гильдия. Впрочем, это название не было настоящим — лишь удобным звучным псевдонимом. Истинная суть и цели этой организации оставались неясными даже для тех, кто на нее работал.

Совершив предательство, Сейхан лишилась всего: дома, страны, всего на свете, за исключением разве что сомнительной верности американскому агентству «Сигма». Оно наняло ее выяснить настоящих кукловодов, искусно управлявших Гильдией. Ей было поручено уничтожить своих бывших хозяев прежде, чем те уничтожат ее.

Именно это и привело ее в Париж — задача найти конец нити и размотать весь клубок.

Она медленно села на постели и увидела собственное отражение в зеркале платяного шкафа. Черные волосы спутаны. Зеленые глаза мутные, тусклые; им невыносим

даже слабый утренний свет! Ее явно накачали каким-то наркотиком.

Кто-то раздел ее до трусов и бюстгальтера — чтобы обыскать на предмет скрытого оружия или просто для того, чтобы унизить. Ее одежда — черные джинсы, футболка и черная байкерская куртка — сложены в стопку на антикварном кресле эпохи Людовика XV. На прикроватном ампирном столике аккуратно разложено ее оружие, как будто в насмешку над его смертоносным характером. Пистолет «ЗИГ-Зауэр» все еще оставался в наплечной кобуре, тогда как кинжалы и ножи были вытащены из ножен, и их лезвия недобро поблескивали в лучах света. Так же, как и новое ювелирное изделие у нее на шее.

Ей на шею надели и плотно закрепили кольцо из нержавеющей стали. Крошечный зеленый огонек светодиода мигал на уровне ямки под горлом. В этом месте в кожу больно впивались острые шипы.

Так вот что разбудило меня...

Сейхан протянула руку к электронному ошейнику и осторожно провела кончиком пальца по его поверхности, надеясь отыскать запорный механизм. Под правым ухом обнаружилось крошечное отверстие вроде игольного ушка. Замочная скважина. Да, но у кого ключ?

Сердце как будто подскочило к горлу и с каждым ударом натыкалось на острые шипы. В следующий миг ее обдало жаркой волной гнева, лишь только где-то на пояснице остался крошечный островок холодного ужаса.

Она сунула палец под ошейник. Ей тотчас стало нечем дышать, шипы вонзились в кожу еще сильнее. Острая боль огнем пронзила все ее тело до самых костей.

Выгнув спину дугой, Сейхан рухнула на постель. Ей хотелось кричать, но грудь как будто сжали тиски. А затем — темнота... небытие...

Она откинулась на подушку, и ей тотчас сделалось легче. Увы, это приятное ощущение длилось недолго.

Вскоре Сейхан окончательно проснулась, чувствуя во рту привкус крови. Как оказалось, она прикусила язык. Тогда девушка бросила мутный взгляд на каминные часы. Как оказалось, прошла всего секунда.

Все еще дрожа от удара электрическим током, Сейхан снова присела на кровати и осторожно опустила ноги на пол. Стараясь не прикасаться к ошейнику, подошла к окну, чтобы понять, где находится.

Встав чуть сбоку от окна, чтобы не отбрасывать тень, она выглянула вниз, на площадь, посреди которой высилась массивная бронзовая колонна, увенчанная статуей Наполеона. Площадь окружала аркада одинаковых элегантных зданий со сводчатыми проходами и высокими окнами второго этажа, отделенными друг от друга декоративными колоннами и пилястрами.

Я по-прежнему в Париже...

Сейхан отступила от окна. Она прекрасно знала, где находится: на рассвете, когда город только-только просыпался, она прошла по этому самому месту. Это была знаменитая Вандомская площадь, с ее ювелирными магазинами и модными бутиками. Отлитая из тысячи двухсот русских и австрийских пушек, отбитых Наполеоном в разных сражениях, Вандомская колонна в ее центре была одной из главных примет Парижа. Вверх по колонне вился барельеф, изображающий эпизоды наполеоновских войн.

Сейхан обернулась и принялась разглядывать пышно обставленную комнату, драпированную шелком и украшенную позолотой.

Похоже, я в «Ритце».

Она пришла в этот отель — парижский «Ритц» — на утреннюю встречу с одним историком, неким образом связанным с Гильдией. В недрах Гильдии явно что-то назревало, и все контакты Сейхан пребывали в смятении. Она знала: в такие моменты крепко запертые двери на миг распахиваются, а охрана теряет бдительность. В общем,

идеальное время, чтобы выполнить задание. Образно говоря, она нырнула слишком глубоко, толкнула слишком сильно и потому рисковала засветиться.

Ее рука осторожно коснулась ошейника, затем спустилась ниже.

Так оно и случилось.

Эту встречу ей устроил один из ее доверенных контактов. Но, похоже, доверие имело свою цену. Она встретилась с историком внизу, в знаменитом баре «Хемингуэй», названном в честь прославленного американского писателя. Историк сидел за боковым столиком с бокалом «Кровавой Мэри» в руках — кстати, своим рождением напиток обязан этому заведению. Рядом на свободном стуле стоял черный кожаный портфель, не иначе как с обещанными секретами.

Сейхан заказала себе лишь воду. Но все равно это было ошибкой.

Даже теперь во рту ощущался неприятный ватный вкус, голова была тяжелой, как с похмелья.

Сейхан уже приготовилась пересечь комнату, когда ее внимание привлек стон, донесшийся из ванной. Она тотчас отругала себя за то, что не проверила все помещения сразу, как только проснулась. Впрочем, это упущение она списала на действие наркотика.

Эта ошибка больше не повторится. Бдительность превыше всего.

Двигаясь бесшумно и быстро, Сейхан прошла через комнату и схватила со столика пистолет в кобуре. Затем подкралась к двери, потрясла рукой, высвобождая пистолет, бесшумно сбросила на ковер кобуру и прислушалась.

Раздался второй стон, на этот раз громче, чем первый. В следующий миг, с пистолетом наголо, Сейхан ворвалась в ванную и обвела глазами небольшую комнату. В облицованном мрамором помещении никого не было — ни возле раковины, ни возле туалетного столика.

Затем над ванной появилась чья-то костлявая, вся в татуировках рука и слабо помахала туда-сюда, как будто ее обладатель тонул. Затем тощие пальцы нащупали позолоченный кран в виде лебедя и крепко в него вцепились.

Сейхан подошла ближе. Используя кран в качестве опоры, перед ней возник тощий рыжеволосый парень лет восемнадцати. Выглядел он безобидно — кожа да кости, сплошные ребра, локти и колени. Однако Сейхан не стала рисковать без нужды и навела пистолет прямо на его голую грудь. Наконец он тоже ее заметил и удивленно вытаращил глаза — то ли по причине ее частичной наготы, то ли при виде нацеленного на него дула. Татуированный юноша тотчас юркнул назад в ванну и поднял руки над головой, как будто собрался уползти вверх по мраморным стенам.

На нем были лишь боксерские трусы и ошейник из нержавеющей стали. Как и у нее.

Как и ей, ошейник явно стискивал ему горло, потому что парень схватился за горло.

— Нет! — предостерегла его по-французски Сейхан.

Но парень в ужасе попытался освободить шею. Зеленый огонек моментально сменился красным. Парень передернулся и, подскочив в воздух примерно на фут, снова свалился в ванну. Сейхан успела подскочить к нему и подставить руку, чтобы он не ударился головой о твердый мрамор. При этом ей разрядом пронзило ладонь.

Ее действия были продиктованы отнюдь не альтруизмом. Парень был в таком же положении, что и она сама. Возможно, он знает больше о том, что случилось с ними обоими. Парень дернулся еще раз и обмяк. Сейхан подождала, когда он снова откроет глаза. Затем встала и отошла в сторону. Поняв, что он не представляет для нее угрозы, она опустила пистолет.

Тяжело дыша, юноша осторожно принял сидячее положение. Его била мелкая дрожь, пока он постепенно приходил в себя после удара током. Кстати, он оказался

выше ростом, чем ей показалось сначала. Примерно шести футов, но тощий, как рельс, но не костлявый, а, скорее, гибкий. Длинные, до плеч, волосы, небрежно подстриженные. В татуировках не только руки, но и спина и плечи, украшенные парой темных, распростертых крыльев. Грудь чистая, без всяких наколок, что-то вроде нетронутого холста, который еще ждет своего художника.

— Comment tu t'appelles? — по-французски спросила Сейхан, присев на стульчак унитаза. — Как тебя зовут?

— Je m'appelle Renny... Renny MacLeod, — тяжело дыша, ответил юноша.

Он произнес эти слова — «меня зовут Ренни... Ренни Маклеод» — по-французски, но с типично шотландским акцентом.

— Ты говоришь по-английски? — спросила Сейхан.

Юноша кивнул и облегченно вздохнул.

— Угу. Что происходит? Где я?

— Ты в беде.

Ренни Маклеод растерянно посмотрел на нее.

— Что последнее ты запомнил? — спросила Сейхан.

— Я был в пабе, — неуверенно ответил он. — На Монпарнасе. Кто-то принес мне пинту пива. Всего одну. Я не принимал никакой наркоты... честно... ничего подобного, но это было последнее, что я запомнил. Потом очнулся здесь.

Значит, его тоже опоили каким-то зельем. Принесли сюда и, как и ей, надели ошейник. Но зачем? Что это за игра?

Зазвонил телефон, и пронзительный этот звонок эхом отлетел от кафельных стен.

Сейхан обернулась, подозревая, что сейчас получит ответы на свои вопросы. Она встала и вышла из ванной. Шлепанье босых ног по мраморному полу подсказало ей, что юноша внимательно слушает. Она взяла трубку с аппарата на прикроватном столике.

— Значит, вы оба очнулись, — произнес по-английски голос на том конце линии. — Отлично. Время не ждет, его остается все меньше и меньше.

Сейхан узнала этот голос. Он принадлежал доктору Клоду Бопре, историку из Сорбонны. Она представила себе подтянутого седовласого француза, сидевшего напротив нее в баре «Хемингуэй». На нем был потертый твидовый пиджак, однако истинная сущность этого человека таилась не в покрое костюма, а в аристократических манерах, в которые он кутался, словно в дорогой плащ. Сейхан предположила, что некогда его предки носили дворянские титулы: бароны, маркизы или виконты. Но это было давно. Возможно, он потому и стал историком, чтобы хотя бы так вернуть себе некогда блистательное прошлое.

Утром Сейхан встретилась с ним, надеясь купить у него документы, касающиеся истинных лидеров Гильдии, однако обстоятельства явно изменились.

Неужели он вычислил, кто я такая? Если это так, то почему я до сих пор жива?

— Мне нужны ваши уникальные способности, — объяснил историк, как будто прочитав ее мысли. — Я приложил немалые усилия, чтобы выманить вас в Париж, соблазнил возможностью получить ответы на нужные вам вопросы. Вы едва не опоздали.

— Так, значит, это была ловушка?

— Нет, вовсе нет, мадемуазель. У меня действительно есть документы, которые вам нужны. Как и вы, я воспользовался неразберихой, царящей среди ваших нанимателей — ваших прошлых, моих настоящих, — чтобы заполучить документы, за которыми вы охотитесь. Сейчас я просто обговариваю цену.

— И какова ваша цена?

— Я хочу, чтобы вы нашли и освободили моего сына прежде, чем его убьют.

Сейхан с трудом поспевала за его словами.

— Вашего сына?

— Его зовут Габриель Бопре. Он подпал под чары одного соотечественника и члена нашей организации, личности в высшей степени омерзительной. Этот человек — глава тоталитарной секты, по-французски она называется l'Ordre du Temple Solaire.

— Орден Храма Солнца, — вслух перевела Сейхан.

При упоминании этого названия лицо Ренни как будто окаменело.

— Oui, — произнес в трубке голос Клода Бопре. — Десять лет назад эта секта привлекла к себе внимание серией самоубийств в двух деревнях в Швейцарии и еще одной — в канадском Квебеке.

Членов этой секты находили мертвыми — они сами принимали яд или смертельную дозу наркотика. Одно место было подожжено в последнем ритуале очищения. После этого многие поверили, что секта прекратила существование, но на самом деле она лишь ушла в подполье, служа новому своему хозяину — Гильдии.

Бывшие хозяева Сейхан часто использовали подобное безумие в собственных интересах, направляя вспышки насилия в нужное им русло.

— Однако у нового главы секты — Люка Веннара — далеко идущие планы. Как и мы, он намерен использовать нынешнее ослабление Гильдии для того, чтобы самоутвердиться, посеять в моем прекрасном городе хаос. По одной только этой причине его нужно остановить. Что еще хуже, он заморочил голову моему сыну. Каких только сказок он ему не наговорил: и о якобы еще существующем Ордене тамплиеров, и о священном предназначении секты прислуживать новому богу-королю — вроде самого Веннара, и о кровавом преображении человечества, которое потребует огня и жертвоприношений. Особенно человеческих жертвоприношений. Как сказал мой сын до своего исчез-

новения, «новая великая чистка возвестит миру о рождении нового короля-солнца».

— И когда это должно произойти? — спросила Сейхан.

— Сегодня в полдень, когда солнце достигнет зенита.

Сейхан бросила взгляд на каминные часы. Остается меньше двух часов.

— Вот поэтому я и принял экстраординарные меры, чтобы гарантировать ваше сотрудничество. Ошейники призваны не только наказывать, но и приспособлены для убийства. Попробуйте покинуть пределы Парижа, и вы встретите самую мучительную смерть. Посмейте не найти и не освободить моего сына — и вас ждет то же самое.

— И если я соглашусь... если мне удастся?..

— Вы получите свободу. Клянусь вам. И в качестве платы за ваши старания я отдам нужные вам документы.

Сейхан задумалась над его предложением. Впрочем, думать долго не пришлось. Ей остается одно — идти на сотрудничество.

Ей было понятно, почему Клод Бопре надел на нее смертоносный ошейник и превратил ее в гончую. Он не осмелился сообщить Гильдии то, что узнал от сына.

Гильдия вполне может позволить Веннару совершить ужасное жертвоприношение, более того, обратить его себе на пользу. Для бывших хозяев Сейхан хаос был благоприятен, даже желателен, ибо позволял добиваться целей. Или же они решат устранить Веннара из-за его спеси и непокорности? И в том, и другом случае Габриель Бопре обречен на смерть. Неудивительно, что его отец ищет помощников вне своего обычного окружения.

— А что это за парень? — спросила Сейхан, посмотрев на Ренни Маклеода. У нее никак не получалось втиснуть этот фрагмент в уже почти сложенную мозаику.

— Он — ваш проводник и ваша карта.

— Что вы хотите этим сказать?

Ренни, должно быть, уловил внезапный интерес к своей персоне и заметно побледнел.

— Посмотрите на его спину, — приказал Бопре. — И спросите его про Жоли.

— Кто такая Жоли?

Услышав эти слова, парень вздрогнул, как удара под дых. Правда, на этот раз его лицо не побледнело, а побагровело. Он бросился к Сейхан, намереваясь вырвать у нее телефонную трубку.

— Что этому ублюдку известно о моей Жоли?! — выкрикнул он.

Прижимая трубку к уху, Сейхан сделала шаг в сторону и, оттолкнув Ренни свободной рукой, повалила его лицом вниз на кровать и придавила ему поясницу коленом. Изрыгая ругательства, Маклеод попытался высвободиться.

— Лежи тихо! — приказала Сейхан, еще крепче прижимая колено к его спине. — Кто такая Жоли?

Ренни повернул вбок голову и одним глазом сердито посмотрел на нее.

— Моя подруга, она пропала два дня назад. Она искала секту под названием «Храм Солнца». Я был в том пабе вчера вечером, пытаясь набрать поисковую партию из числа *катафилов*.

Сейхан не знала этого слова. Интересно, что оно значит? Однако прежде чем задать вопрос, она посмотрела на обнаженную спину молодого шотландца. Ей впервые представилась возможность хорошенько изучить его татуировки.

Черной, желтой и красной тушью на спине была вытатуирована странная карта — правда, не карта городских улиц и площадей. Это своеобразное произведение искусства в мельчайших подробностях являло собой сложную сеть тоннелей, подземных камер и водоемов. Скорее, это был план некой затерянной системы подземных ходов.

Было ясно, что это незаконченная работа — отдельные проходы неожиданно обрывались на краях татуировки.

— Что это? — спросила Сейхан.

Ренни понял, к чему прикован ее взгляд.

— Там исчезла Жоли.

Клод все еще оставался на линии и пояснил более точно:

— Это карта парижских катакомб, наш некрополь, город мертвых.

Через пятнадцать минут Сейхан уже завела двигатель мотоцикла и по двенадцатиарочному мосту Понт-Неф, возведенному еще в Средние века, устремилась вперед. Лихорадочно лавируя в потоке уличного движения, она полетела к левому берегу Сены в сторону Латинского квартала.

За ней, обхватив ее обеими руками за талию, сидел Ренни. Когда же Сейхан, съехав с моста, на всей скорости свернула в лабиринт городских улиц, он вцепился в нее еще крепче.

Она даже не сбросила скорость. Дорога была каждая минута. Отпущенное им время неумолимо истекало.

— Следующий поворот направо! — крикнул ей в ухо Ренни. — Проезжай четыре квартала. Дальше пойдем пешком.

Сейхан послушно выполнила его команду. Другого проводника у нее не было.

Через несколько секунд они оказались на улице Муфтар, старинной пешеходной улице, узкой и извилистой, петлявшей по всему Латинскому кварталу.

Здания по обеим сторонам были возведены много веков назад. Их нижние этажи занимали кафе, булочные и закусочные, где подают сыр и блинчики. На каждом шагу — палатки зеленщиков. Торговцы громко расхваливали свой товар, покупатели не менее шумно торговались.

Сейхан протискивалась сквозь толпы людей, мимоходом обращая внимание на грифельные доски с написан-

ным мелом меню у дверей кафе, огромные караваи хлеба в магазинных витринах. Голову кружили пряные запахи сыров на прилавках, ароматы корзин с цветами, выставленных прямо на мостовую.

И все это время она помнила о том, что покоится внизу, под землей, — о гигантском обветшавшем от времени некрополе, хранилище останков шести миллионов парижан, что в три раза превышало число обитающих наверху жителей города.

Ренни неутомимо двигался вперед на длинных ногах. Его тощее тело легко проникало сквозь нескончаемую людскую массу. Он постоянно оглядывался, дабы убедиться, что не потерял свою спутницу.

В отеле Ренни нашел в шкафу свою одежду: потрепанные джинсы, ботинки армейского образца и красную рубашку, придававшую ему сходство с легендарным Че Геварой. Чтобы спрятать стальные ошейники, они с Сейхан обмотали себе горло шарфами.

Пока они одевались, Сейхан обрисовала молодому шотландцу ситуацию, пояснив, что их жизни зависят от того, удастся ли им освободить пропавшего сына Клода Бопре. Ренни внимательно ее выслушал, задав всего несколько вопросов. В его глазах она заметила проблеск надежды, пришедший на смену страху. Сейхан подозревала, что его решительная поступь вызвана не столько страхом за себя, сколько страхом за жизнь девушки по имени Жоли.

Прежде чем надеть рубашку, Ренни смущенно указал на свою правую лопатку, точнее, ее нижнюю часть. Этот уголок карты был явно сделан недавно: кожа в этом месте была красной и воспаленной.

— Это место обнаружила Жоли. Она исчезла, отправившись сюда.

Туда же в данный момент направлялись и они. Это единственное, что им оставалось — следовать по стопам исчезнувшей девушки.

Клод Бопре был уверен, что местонахождение Жоли имеет некую важность. Девушка пропала в тот же день, когда он видел сына в последний раз. Прежде чем исчезнуть, Габриель намекнул отцу, что Веннар и другие члены секты собираются совершить некий очистительный ритуал, который должен состояться где-то под землей. Когда Клод Бопре услышал о том, что Ренни собирается на поиски своей пропавшей девушки, он тотчас же взялся, так сказать, переставлять шахматные фигуры. Так он свел вместе безобидного проводника и наемную убийцу.

Теперь оба были неразрывно связаны общей целью и направлялись к тайному входу в катакомбы. Ренни поделился со своей спутницей всем, что знал о подземной сети усыпальниц-крипт и тоннелей. Рассказал о том, что темные миры, расположенные под Городом Света, некогда были древними каменоломнями и называются по-французски les carrières de Paris. Разветвляясь во все стороны, они уходили под землю на глубину десятиэтажного дома, образуя двести миль извилистых ходов и подземных камер. Ранее каменоломни находились за пределами Парижа, на далеких окраинах, но со временем французская столица разрослась над старыми лабиринтами, и теперь над заброшенными штольнями располагалась половина города.

Затем, в XVIII веке, городские власти приказали ликвидировать стремительно разросшиеся парижские кладбища. Миллионы человеческих скелетов, возраст некоторых насчитывал около тысячи лет, были бесцеремонно ссыпаны в тоннели каменоломен и, рассортированные на отдельные кости, уложены штабелями. По словам Ренни, глубоко под землей оказались останки многих знаменитых исторических деятелей: от королей династии Меровингов до знаменитых личностей времен Великой французской революции, от Хлодвига до Робеспьера и Марии-Антуанетты.

Правда, их целью был отнюдь не поиск мертвецов далекого прошлого.

Наконец Ренни свернул с оживленной улицы и нырнул в узкий переулок между кофейней и кондитерской.

— Сюда! Вход, о котором я говорил, там, впереди. Мои товарищи *катафилы* должны были оставить нам инструменты. Мы всегда помогаем друг другу.

Переулок оказался таким узким, что пришлось идти гуськом. Упирался он в небольшой дворик, окруженный старинными зданиями. Некоторые окна были забиты досками, другие все еще сохраняли признаки жизни — то скулящий щенок за стеклом, то бельевая веревка с вывешенным на просушку тряпьем, то чье-то лицо, выглянувшее из-за занавески.

Ренни подвел Сейхан к крышке люка в темном углу двора. Из-за мусорного бака он вытащил ломик и две шахтерские каски с прикрепленными спереди лампочками. Потом указал на мусорный бак.

— Они оставили нам пару фонариков.

— Твои *катафилы*?

— Они самые. Мои товарищи, исследователи парижских подземелий, — ответил Ренни с ноткой гордости и сочным шотландским акцентом. — Здесь собираются единомышленники со всех уголков мира, люди самых разных профессий. Некоторые из них исследуют старые линии метро или канализацию, другие ныряют с аквалангом в заполненные водой пустоты. Но большинство — вроде нас с Жоли — ищут новые ходы, еще не нанесенные на карты.

Юноша замолчал и сгорбился, как будто на его плечи тяжким грузом легла тревога за судьбу пропавшей подруги.

— Давай откроем люк! — поторопила его Сейхан.

Она помогла Ренни открыть крышку люка и сдвинуть ее в сторону. Металлическая лесенка, крепившаяся к стене шахты, уходила вниз, в темноту. Ренни надел каску.

Сейхан взяла один из фонариков и посветила в темные глубины штольни.

— Этот вход ведет вниз, к участку заброшенной канализационной системы, сооруженной еще в середине девятнадцатого века, — пояснил Ренни, начав спускаться вниз по лесенке.

— Канализации? Я думала, что мы отправляемся в катакомбы.

— Мы туда и отправляемся. Канализационные трубы, подвалы, старые колодцы — все это часто ведет в старинные катакомбы. Спускайся, я покажу тебе, что там.

Ренни спускался все ниже и ниже. Сейхан последовала за ним. Она ожидала, что окажется в зловонной трубе, но внизу пахло лишь плесенью и сыростью. Они спустились на глубину примерно в два этажа. Наконец ощутив под ногами твердую поверхность, Сейхан посветила вокруг себя лучом фонарика. Низкий потолок и стены, сложенные из каменных блоков со следами извести. Под ногами что-то чавкнуло — как оказалось, неглубокий ручей.

— Здесь! — произнес Ренни и повел ее дальше по тоннелю с уверенностью дрессированной крысы.

Через тридцать ярдов справа обнаружилась решетчатая дверь. Ренни подошел к ней и потянул на себя. Дверные петли натужно заскрипели.

— Теперь нам сюда.

Грубо вытесанные ступеньки уходили дальше в темноту и вскоре привели их в небольшой подземный зал. От неожиданности Сейхан ахнула. Стены были разрисованы изображениями буйно разросшегося сада с цветами и деревьями посреди рек и озер с лазурной водой. Это было равносильно тому, как если бы вы шагнули прямо в картину Клода Моне.

— Добро пожаловать в истинный вход в парижские катакомбы! — торжествующе объявил Ренни.

— Кто все это сделал? — спросила Сейхан, скользнув лучом фонарика по участкам стены, испещренным всевозможными граффити.

Ренни пожал плечами.

— Кто только не спускается сюда! Художники, любители острых ощущений, грибники... Пару лет назад *катафлики* — так в Париже называют полицейских, патрулирующих подземелья, — нашли здесь что-то вроде огромного кинозала с большим экраном, автоматом для попкорна и вытесанными из камня сиденьями. Когда они вернулись сюда на следующий день, все это уже куда-то исчезло. На полу осталась лишь надпись «Не пытайтесь найти нас». Это подземный мир Парижа. Огромные его участки до сих пор остаются неисследованными. Они либо обрушились, либо давно утрачены. *Катафилы* вроде меня и моих друзей пытаются заполнить белые места на картах. Наносят на них пройденные маршруты, отмечают все, даже самые мелкие, находки.

— Как на твоей татуированной карте?

— Это была идея Жоли, — пояснил Ренни с печальной улыбкой. — Она художник по татуировкам. Причем классный. Она решила обессмертить наше совместное путешествие по подземельям.

Он снова умолк, правда, ненадолго.

— Я познакомился с ней здесь, под землей, недалеко от этого места. Мы с ней жутко перепачкались в грязи. Мы обменялись телефонами при свете фонариков.

— Расскажи мне о том дне, когда она исчезла.

— Мне надо было идти на занятия. У нее же был выходной, и она ушла в катакомбы вместе с другой девушкой, ее зовут Лизль, она из Германии. Фамилии я не знаю. Они спустились в подземелье, привлеченные слухами о том, будто в подземельях появились какие-то люди. Что-то вроде тайной группы.

— Орден Храма Солнца?

— Точно, — сказал Ренни и задрал на спине рубашку. — Чуть ниже шеи видно отмеченное цветком помещение.

Посветив фонариком, Сейхан присмотрелась к татуированной карте. В указанном месте действительно виднелась крошечная кельтская роза. Сейхан легонько потрогала ее пальцем.

Ренни зябко поежился.

— Сейчас мы здесь. Мы пойдем по карте Жоли к тому месту, которое нанесено совсем недавно. Туда же направлялась и она. Она нашла вход в забытый участок лабиринта, но едва приступила к его изучению, как до нее дошли слухи о появлении в подземельях Храма Солнца. — Ренни опустил рубашку и показал на тоннель. — Я знаю на память бо́льшую часть пути, но когда мы подойдем ближе к цели, мне потребуется помощь.

С этими словами он шагнул в темный лабиринт и зашагал по извилистым тоннелям через небольшие залы мимо заполненных водой ям. Мокрые известняковые стены сочились влагой. То там, то здесь на поверхности стен виднелись окаменелости. Некоторые из них были очищены и отполированы предыдущими поколениями *катафилов*, чтобы были лучше видны. Казалось, будто доисторическое прошлое пыталось вырваться наружу из толщи камня.

Чем дальше они шли, тем холоднее становилось в подземелье. Вскоре Сейхан заметила, что изо рта у нее вырываются облачка пара. Гулкое эхо шагов отлетало от стен, отчего казалось, будто их кто-то преследует. Она то и дело останавливалась и оборачивалась назад.

Вскоре Сейхан уловила в проводнике нетерпение.

— Вряд ли мы здесь кого-то найдем. Даже *катафлики* редко суют сюда нос, в эту заброшенную часть подземелья. К тому же недавно сообщалось об утечке газа рядом с общедоступной частью катакомб. Они были закрыты на целых три дня.

Сейхан кивнула и в очередной раз сверилась с «живой картой». Похоже, они были совсем рядом с недавно открытой секцией.

— Если я правильно понимаю, вход, открытый твоей подругой, находится вон в том проходе, — Сейхан указала на узкий тоннель и посмотрела на часы.

У них в запасе семьдесят две минуты.

Сейхан ускорила шаг, выискивая взглядом боковой коридор, отмеченный на «кожаной карте».

— Погоди! — неожиданно крикнул шагавший сзади Ренни.

Сейхан обернулась. Юноша опустился на колени перед какой-то кучей камней. Она же только что прошла мимо этой груды обломков, не обратив на нее внимания...

Ренни направил луч каски на нарисованную на стене мелом стрелу.

— Это вход. Жоли всегда пользуется розовым мелом.

Подойдя ближе, Сейхан разглядела рядом с камнями тесный тоннель с низким потолком. Ренни опустился на четвереньки. Сейхан последовала его примеру. Еще несколько ярдов и пара небольших спусков, и они попали в другой тоннель.

Выпрямившись, Сейхан увидела новые штольни и узкие боковые проходы, расходившиеся в разных направлениях.

Ренни приложил ладонь к влажной известняковой стене.

— Это явно очень старый участок катакомб. Здесь начинается древний лабиринт. — Он обернулся и задрал рубашку. — Сверимся с картой.

Сейхан так и сделала, но край карты обрывался как раз в том самом месте, где они сейчас стояли. Они быстро осмотрели входы в другие тоннели, но не нашли никаких оставленных розовым мелом указателей.

Похоже, что дальше им придется двигаться на свой страх и риск.

— Что будем делать? — спросил Ренни. В его голосе слышалась тревога за судьбу пропавшей подруги. — Куда пойдем?

Наугад выбрав один из тоннелей, Сейхан зашагала вперед.

— Почему именно сюда? — спросил ее Ренни, хотя и поспешил следом. — Почему не в другую сторону?

Вообще-то она выбрала это направление неслучайно. Причина на это имелась. Дело в том, что только этот проход вел вниз. Ей уже было ясно, что исследователей, как магнитом, влекли самые нижние уровни. Движимые любопытством, они стремились проникнуть все глубже и глубже в запутанный лабиринт катакомб. Лишь достигнув самого дна, они начинали снова двигаться вверх.

Похоже, Жоли была из той же породы исследователей.

Увы, сделав всего несколько шагов, Сейхан пожалела о своем выборе. С обеих сторон тянулись бесчисленные ниши, плотно забитые человеческими останками, костями и черепами, желтыми от времени, словно старинный пергамент. Скелеты были разобраны на части, которые кто-то распределил по отдельности, как будто некий жуткий аудитор проводил здесь ревизию. В одной нише, уложенные аккуратными штабелями, лежали исключительно руки, другая была заполнена ребрами. Но больше всего Сейхан напугали две последние ниши по обеим сторонам коридора. Здесь со стен пустыми глазницами смотрели черепа, как будто осуждая тех, кто осмелился потревожить их вечный покой. Стараясь сдержать дрожь, Сейхан поспешно зашагала дальше.

Наконец тоннель закончился просторным залом. Хотя потолок здесь оказался не выше, чем в коридоре, сам зал был большим, длиной с футбольное поле. Его своды подпирали ряды колонн, чем-то напоминая каменный сад. Эти колонны были устроены из каменных обломков, положенных друг на друга. Часть из них была поставлена криво, от чего казалось, что они вот-вот рухнут.

— Это давняя работа Шарля Гийомо, — пояснил Ренни несколько нервным тоном. — В тысяча семьсот семьде-

сят четвертом году главная часть катакомб обрушилась, унеся под землю несколько улиц и забрав с собой много народу. После этого король Людовик поручил зодчему Гийомо укрепить парижские подземелья. Так Гийомо стал первым *катафилом*. Он составил карты и исследовал бо́льшую часть тоннелей и велел подпереть своды вот этими колоннами. Правда, обрушения продолжались. В тысяча девятьсот шестьдесят первом году под землю ушел целый парижский квартал. Имелись даже человеческие жертвы. Обрушения случаются и по сей день. Там, внизу, очень опасно.

Сейхан слушала его рассказ вполуха.

Ее внимание привлек мерцающий свет, исходивший от одной из колонн. Он был слишком ярок для этого темного, безрадостного места. Сейхан подошла ближе и обнаружила, что каменная колонна обмотана проволокой, чьи концы соединяли передатчики и капсюли-детонаторы с комками вещества, похожего на желто-серую глину. Пластиковая взрывчатка С4.

Нет, французский архитектор XVIII века здесь явно ни при чем.

Старясь ни к чему не прикасаться, Сейхан внимательно рассмотрела взрывное устройство. Маленький красный светодиод передатчика продолжал ритмично мигать, ожидая сигнала. Она закрыла рукой фонарик и жестом велела Ренни сделать то же самое с лампочкой на его каске.

Помещение погрузилось во тьму. Как только глаза приспособились к темноте, Сейхан стали видны мерцающие огоньки сигнальных устройств, разбросанных по всему помещению. Их были сотни, практически на всех колоннах, подпирающих своды подземелья. Вывод неутешительный: подземелье основательно заминировано.

— Что это такое? — шепотом спросил Ренни.

— Думается, очистительный ритуал Веннара, — предположила Сейхан, представив себе беззаботный город, ничего не ведающий об уготованной ему участи.

Интересно, сколько еще может быть под Парижем таких помещений, напичканных взрывчаткой? Ей вспомнились слова Ренни про утечку газа. Какая хитрая уловка! Она позволяла зловещей секте беспрепятственно разместить заряды по всему подземному миру.

Ренни, похоже, опасался того же самого. Его голос сделался мрачным.

— Они могут обрушить под землю половину Парижа.

Клод Бопре утверждал, что Веннар жаждал человеческих жертвоприношений, чтобы возвестить о рождении в огне и крови нового короля-солнца. Получается, что его план готов к осуществлению.

Прикрыв рукой фонарик, Сейхан решила, что глаза неплохо приспособились к темноте. По крайней мере, ей было видно тусклое свечение на другом конце подземного зала, которое отмечало вход в тоннель на дальней его стороне.

Вытащив пистолет и держа его перед собой, Сейхан зашагала к нему, во второй руке сжимая фонарик. Она позволила себе лишь тоненький лучик, чтобы нечаянно не налететь в темноте на препятствия. Отключив лампочку на каске, Ренни следовал за ней.

Дальний тоннель располагался ровно напротив первого. Ниши, заполненные костями. Разломанные скелеты, части которых разложены по отдельности. Правда, эти кости были белыми, без патины времени. Сейхан с ужасом поняла, что эти останки совсем недавние, свежие — скорее всего, результаты недавних убийств.

Одна ниша, глубиной около ярда, была до отказа забита черепами. Похоже, зловещий «конвейер» работает без остановки. Судя по маленьким размерам, черепа принадлежали детям, возможно, даже младенцам, сделала вывод Сейхан.

Прежде чем закончить телефонный инструктаж, Клод Бопре рассказал о гнусном деянии главы Храма Солнца из Квебека. Он принес в жертву собственного сына, пронзив его заостренным колом, якобы за то, что ребенок этот — Антихрист.

Похоже, жажда детоубийства не ограничивалась этим мерзким случаем в Канаде.

Сделав еще один поворот, тоннель закончился. Впереди слышались голоса. Их обладатели, видимо, находились в соседней пещере. Сейхан жестом приказала Ренни отступить назад. Сама она, прижимаясь к стене, шагнула вперед и выглянула за угол. Еще один зал, размерами поменьше, но с такими же колоннами из известняка, оставленными безвестными каменотесами. Эти колонны придавали помещению вид древнего храма. Однако, как и в соседнем зале, колонны здесь также были «украшены» взрывными устройствами.

В центре зала Сейхан разглядела два десятка человек. Опустившись на колени, они стояли кругом. Все как один в обычной, уличной одежде. Одна пара, стоявшая под руку, была одета словно как для вечернего приема. Некоторые из присутствующих явно находились под действием наркотиков. Они тупо раскачивались или прижимались лбами к полу. Ближе к тоннелю, в котором пряталась Сейхан, лежали три распростертых тела, под которыми, темнея на фоне каменного пола, растекались лужи крови. Судя по всему, их убили выстрелами в спину, как если бы они пытались бежать, раздумав умирать в этой кошмарной оргии самоубийств.

По обе стороны зала, в отбрасываемой колоннами тени, стояли пара охранников в кевларовых жилетах и с автоматическими винтовками в руках. Они наблюдали за участниками ритуала, готовые в любой миг «нейтрализовать» любых других дезертиров.

Сейхан перевела взгляд с охранников на две фигуры, стоявшие в центре круга. Один, с седыми волосами и галль-

скими чертами лица, был в каком-то белом одеянии, сверкавшем в свете, отбрасываемом натриевой лампой. До слуха Сейхан донеслось приглушенное тарахтение генератора, снабжавшего помещение электроэнергией. Человек в белом вскинул руки и благосклонно улыбнулся своей пастве.

Должно быть, это и есть Люк Веннар.

— Близится решающий час, — произнес он по-французски. — Когда солнце достигнет зенита, начнется приготовленное здесь разрушение. Крики умирающих, взлетающие ввысь души мертвых вознесут вас всех к высотам следующего этапа бытия. Вы станете моими темными ангелами, а я займу солнечный трон. Обещаю вам, это не конец, а лишь начало для нас с вами. Сейчас я должен вас оставить, но мое место займет моя духовная правая рука и проведет вас сквозь тьму к началу новой, прекрасной эры.

С этими словами Веннар отошел в сторону, явно намереваясь покинуть свою паству. Судя по взгляду, который глава секты бросил двоим вооруженным охранникам, сам он не собирался присутствовать на ритуале очищения и наверняка договорился о том, чтобы те сопроводили его из подземелий наружу, на тот случай, если кто-то из паствы воспротивится его уходу. У Сейхан возникло подозрение, что деньги с банковских счетов этих несчастных давно перекочевали в сейфы Веннара, чтобы финансировать следующую его авантюру по вовлечению новых адептов, или же просто пойдут на покупку новой яхты, на которую он положил глаз.

Кто же он такой — лжепророк, мошенник или просто знаменитый серийный убийца?

Вспомнив пустые глазницы черепов, глядевших из соседней ниши, она предположила, что ответ на этот вопрос очевиден. И то, и другое, и третье.

Веннар взмахом руки пригласил подойти своего помощника. Это был мужчина лет тридцати пяти, в обычной

уличной одежде, с блестящим от пота лицом и стеклянным взглядом, то ли от воздействия наркотика, то ли от фанатичного обожания. Даже без фотографии, оставленной Клодом Бопре в гостиничном номере, Сейхан узнала сына историка — по патрицианским чертам лица и по аристократической осанке, как и у отца. Она представила себе, как Бопре-старший потчует сына рассказами о былом дворянском величии их рода и потерянном наследстве, пичкая мальчишку теми же горькими надеждами на возвращение былого величия, которые двигали и им самим.

Но если отец искал утешения в объятиях исторической науки, то сын, по всей видимости, пытливо вглядывался в будущее, ища в нем собственный путь к былой славе их благородного имени.

И нашел он его здесь.

— Габриель, подобно твоему тезке архангелу, ты обратишься в кровавой купели жертвоприношения в моего ангела-воителя, который займет главное место в моем славном небесном легионе. И твоим оружием станет меч огненный!

Веннар распахнул плащ, обнажая короткий стальной клинок, похожий на музейный образчик холодного оружия.

— Как и ты, этот клинок скоро воспламенится мощью солнечной печи. Но сначала это оружие нужно выковать, подготовить к этому преображению. Его необходимо окропить кровью, как и всех вас. Эта последняя смерть вашей собственной рукой возвестит об очереди всех остальных. Этой чести я удостаиваю тебя, мой ангел-воитель Габриель!

Веннар поднял клинок выше и протянул его молодому человеку. Тот принял его и воздел над головой. Затем два человека отошли в стороны, открыв взгляду низкий алтарь. Там происходило свое действо. К камню цепями была прикована обнаженная черноволосая женщина. Ее ноги и руки были широко разведены в стороны. Вторая

жертва, бледная блондинка в тонкой белой сорочке, стояла, дрожа, рядом с ней на коленях.

Голова женщины свешивалась с края алтаря. По всей видимости, она была одурманена наркотиками. Но, похоже, когда Габриель с клинком в руке повернулся к ней, она поняла или, точнее, почувствовала, что произойдет дальше, и попыталась освободиться от оков. Пока он стоял довольно далеко от нее, и с расстояния можно было разглядеть лицо будущей жертвы. Впрочем, татуировок на ее теле было достаточно, чтобы понять, кто это такая.

— Жоли!

Крик Ренни вылетел из тоннеля подобно выпущенной из арбалета стреле.

Все тотчас повернули головы в его сторону.

Не успела Сейхан пошевелиться, как к их тоннелю шагнула огромная фигура. Третий стражник. Он держался в стороне от тех двоих, зорко следя за тем, чтобы никто не убежал. Сейхан беззвучно выругала Ренни. Не имея времени для разработки стратегии, она была вынуждена импровизировать.

Прежде чем охранник вскинул винтовку, она выстрелила ему в колено. В тесном подземелье грянул выстрел. Пуля калибра 9 мм с такого расстояния превратила коленку охранника в месиво из крови и костей.

Раненый взвыл от боли и повалился на нее. Сейхан в прыжке подхватила его. Обхватив охранника одной рукой за шею, словно старого любовника, она втолкнула его внутрь зала. Прикрываясь им, вскинула вторую руку с зажатым в ней «ЗИГ-Зауэром» и прицелилась в охранника справа, который как раз вышел из-за колонны. Пуля попала ему в лицо.

Подземный зал огласился криками. Паства Веннара бросилась врассыпную, как перепуганный выводок куропаток. Последний охранник выстрелил в Сейхан, но та, прикрываясь его коллегой, как живым щитом, смело бро-

силась вперед. Пули попали в кевларовый жилет, но одна угодила ему в затылок. Мощное тело тотчас обмякло.

Не выпуская его, Сейхан сделал еще два шага, что позволило ей укрыться за колонной. Отсюда она, дважды нажав на спусковой крючок, выстрелила в третьего охранника. Первая пуля угодила ему в ухо, и он запрокинул голову. Второй выстрел попал ему в горло, и он рухнул на пол.

Она бросила «живой щит» и, заняв стойку профессионального стрелка, навела пистолет на алтарь, за которым поспешил спрятаться Веннар. Габриель, все еще туго соображавший и неповоротливый под действием наркотика, выглядел сбитым с толку. Клинок в его руке был попрежнему прижат к горлу прикованной цепями женщины. Из пореза на коже показались капельки крови.

Вторая жертва, приготовленная на заклание, вскочила на ноги и бросилась к Сейхан. Та жестом указала молодой блондинке на выход из зала. Увы, слишком поздно она заметила нож в руке светловолосой девушки. С криком ярости блондинка накинулась на нее.

Не имея возможности вовремя увернуться, Сейхан лишь немного отклонилась, готовая принять удар в плечо, лишь бы избежать ранения более важных органов.

В этом не было необходимости.

Не успел нож вонзиться в плечо Сейхан, как над ней пролетело нечто круглое и попало блондинке прямо в лицо. Гладкий и белый череп упал на пол и откатился в сторону. Сейхан краем глаза успела заметить бегущего Ренни со вторым черепом в руке. Он воспользовался единственным доступным оружием, выхватив его из ниши.

Его бросок заставил блондинку пошатнуться и затормозить. Этого оказалось достаточно для того, чтобы Сейхан повернула пистолет и выстрелила ей в грудь. Выстрел отбросил нападавшую назад, и она полетела на пол. Ее белая сорочка окрасилась кровью.

Подбежав ближе, Ренни схватил с пола автоматическую винтовку, но, судя по тому, как неуклюже он взял ее в руки, с черепом в качестве оружия юноша обращался не в пример ловчее. Ренни посмотрел на убитую блондинку, и на его лице появилось недоуменное выражение. Причина его растерянности выяснилась секундой позже.

— Лизль! — крикнул Габриель, как будто очнувшись от наркотического дурмана.

Сейхан моментально узнала имя. Так звали девушку-немку, которую Ренни упомянул, рассказывая об исчезновении своей подруги. В тот день, когда исчезла Жоли, девушки вдвоем отправились исследовать подземелье. Теперь обстоятельства, связанные с этим событием, уже не казались случайными. Жоли не просто так наткнулась на участников готовящегося кровавого ритуала, ее заманили сюда специально, и сделала это Лизль. Она привела ее, как тельца на заклание, готовя на роль последней искупительной жертвы.

— Нет! — вскрикнул убитый горем Габриель. Не сводя глаз с окровавленного тела, он опустился на колени, и кинжал со звоном упал на алтарь.

Другие участники несостоявшейся церемонии устремились к тоннелю, бросив своего гуру. Но Веннар не собирался сдаваться так легко. Откуда-то из складок своего одеяния он вытащил нечто похожее на передатчик, на котором зловеще мерцал зеленый огонек, и приготовился нажать на кнопку.

— Если я нажму на эту кнопку, то вы все погибнете, — спокойно произнес он. Его голос прозвучал с гипнотической уверенностью, которая так легко убеждала легковерных. Оно обошел вокруг алтаря. — Дайте мне уйти. Если хотите, можете даже пойти следом за мной. Тогда все мы останемся живы.

Сейхан попятилась и жестом велела Ренни стать с ней рядом. Несмотря на грандиозные планы Веннара, само-

убийцей он не был. Так что в данный момент, пожалуй, стоит принять его предложение. Он не станет взрывать катакомбы до тех пор, пока сам не выберется из-под земли.

Веннар смерил Сейхан пристальным взглядом, как будто пытаясь прочесть ее мысли. Опытный главарь секты должен обладать умением мгновенно просчитывать людей, заранее предугадывать их действия. Подталкивая Сейхан перед собой, он медленно, шаг за шагом двинулся к выходу.

— Ты хочешь жить так же, как любой из нас, Сейхан. Да, мне потребовалась всего секунда, чтобы узнать тебя. Насколько мне известно, ты всегда была благоразумной. Никому из нас не нужно погибать так...

В следующий миг из его груди выскочил кончик кинжала, вошедшего сзади ему прямо в спину.

— Мы все должны умереть! — взвизгнул Габриель, когда Веннар упал на колени. — Лизль не может взойти на небеса без настоящей жертвы. Огонь и кровь! Ты сам так сказал! Чтобы стать ангелами, как ты обещал нам!

Лицо Габриеля одновременно выражало безумие, скорбь и восторг. С этими словами он еще глубже вонзил кинжал в спину Веннара. Изо рта главы Храма Солнца хлынула кровь.

Бросив пистолет, Сейхан подскочила к Веннару и обеими руками схватила передатчик. Ей повезло: она успела прижать палец к триггеру прежде, чем Веннар отпустил его. Теперь они смотрели в глаза друг другу, едва не соприкасаясь носами. В глазах Веннара читалось недоумение, шок и понимание.

В конечном итоге он пожал то, что сам же посеял.

Габриель крепче сжал рукоятку кинжала и толкнул Веннара в спину, чтобы высвободить клинок. Не удержав равновесия, под массой тела предводителя секты Сейхан упала навзничь.

Габриель вскинул над головой кинжал, намереваясь пронзить им Сейхан. Но в следующий миг к нему сзади подскочил Ренни и ударил по голове прикладом винтовки. Глаза Габриеля закатились, и он рухнул на пол.

— Что за безумный кретин! — произнес шотландец.

Затем он шагнул к Сейхан, чтобы помочь ей встать на ноги, но та жестом указала ему на алтарь.

— Освободи Жоли! — приказала она.

Ренни посмотрел на передатчик, который она крепко сжимала обеими руками.

— Все в порядке? Можно вздохнуть свободно?

Сейхан посмотрела на его шею, где под шарфом блеснул стальной ошейник.

— Пока еще нет.

* * *

Полуденное солнце повисло высоко у нее над головой. Сейхан ждала возле седана «Пежо-508», припаркованного перед отелем «Ритц». Машина была взята напрокат Клодом Бопре, чтобы отвезти их из Латинского квартала обратно в отель для новой встречи.

В качестве меры предосторожности Сейхан держала машину между собой и дверями отеля. Кроме того, она велела Ренни не уходить с Вандомской площади. Жоли находилась в безопасности в местной больнице, где ей зашили порез на шее. Ренни хотел остаться с ней, но Сейхан все еще нуждалась в его помощи.

Наконец двери отеля «Ритц» распахнулись, и на пороге возникли трое. В центре — Клод Бопре в привычном твидовом пиджаке, но на сей раз в низко надвинутой на лоб широкополой шляпе, чтобы остаться неузнанным. Как и Сейхан, он предпринял меры предосторожности, явно не желая, чтобы кто-то узнал, что он связан с наемной убийцей Гильдии, к тому же еще предательницей.

По обе стороны от него стояли два высоких крепыша в черных костюмах и длинных плащах, под которым наверняка скрывался целый оружейный арсенал.

Бопре удостоил ее лишь коротким кивком.

Сейхан обошла седан и шагнула ему навстречу. Она держала руки на виду, чтобы он видел, что с ее стороны нет никакой угрозы. Клод Бопре сделал знак сопровождающим, чтобы те остались у дверей отеля, а сам подошел к «Пежо». В руках у него был черный кожаный «дипломат» от Луи Вюттона.

От яркого света Бопре прищурился и прикрыл рукой глаза.

— Сейчас полдень, и с Парижем ничего не случилось. Из этого следует, что план Люка Веннара провалился. Значит, ритуал очищения не состоялся.

Сейхан пожала плечами. В данный момент в подземелье, скорее всего, полно полицейских, в том числе и минеров, демонтирующих зарядные устройства.

— Что с месье Веннаром? — спросил Бопре.

— Мертв.

На лице историка появилась удовлетворенная улыбка. Он выглянул в затемненное окно седана.

— Насколько я понял из вашего короткого звонка, вы спасли моего сына.

Сейхан подошла к задней части машины и нажала на ноль на серебристой эмблеме с цифрой 508 возле задней фары. Потайная кнопка открыла багажник.

Внутри, связанный скотчем по рукам и ногам и с кляпом во рту, зафиксированным его же шарфом, лежал Габриель Бопре. Пленник заморгал от яркого света, однако, увидев отца, попытался высвободиться.

Впрочем, Сейхан тотчас прервала воссоединение отца и сына, захлопнув крышку багажника. Не хватало, чтобы кто-нибудь из прохожих случайно заглянул в него. Похоже, Клод Бопре был того же мнения, ибо возражать

не стал. Он явно не спешил освободить сына от пут в столь оживленном месте.

— Как вы видите, с Габриелем все нормально, — сказала Сейхан и продемонстрировала брелок дистанционного управления. — Вот ключ к его свободе.

Бопре потянулся за брелоком, но Сейхан отвела руку назад.

— Не так быстро.

Девушка оттянула воротник и показала ему ошейник у себя на горле.

— Как насчет этого? — спросила она и кивнула в сторону Ренни. — Меняемся ключами. Свобода вашего сына в обмен на нашу свободу.

— Да, да. Такова была сделка. Я человек слова. — Бопре сунул руку в карман и, достав электронный ключ от гостиничного номера, положил на капот машины. — В вашем номере вы найдете то, что поможет вам высвободиться.

Должно быть, он прочел в ее глазах недоверие и печально улыбнулся.

— Не бойтесь. Ваша смерть мне ни к чему. Более того, я собираюсь возложить смерть Веннара на ваши предательские плечи. Таким образом, я выгорожу себя, Гильдия же поведет охоту на вас. И чем быстрее вы скроетесь отсюда, моя дорогая, тем лучше будет для нас всех. Но в качестве дополнительного проявления моей доброй воли я, насколько мне помнится, обещал вам награду.

С этими словами Бопре положил на капот свой «дипломат» и нежно провел рукой по кожаной поверхности.

— Превосходное изделие от Вюттона. Марка Président Classeur. Оставляю его вам. — Он улыбнулся, заметив ее удивление. — Догадываюсь, что внутри находится нечто такое, что действительно стоит освобождения моего сына. Это ключ к разгадке личностей тех, кто тайно возглавляет Гильдию.

Он открыл «дипломат». Внутри оказалось несколько папок. Верхнюю украшал выгравированный на ней орел с распростертыми крыльями, держащий в когтях оливковую ветвь и пучок стрел. Государственная печать Соединенных Штатов Америки.

Но какое отношение это имеет к Гильдии?

Защелкнув замки, Бопре подтолкнул «дипломат» к Сейхан.

— То, что вы намерены делать с содержащейся здесь информацией... куда она вас заведет... оставляю это на ваш собственный страх и риск, — предупредил Бопре. — Может, вам просто не стоит ввязываться в это дело.

Поздно.

Сейхан взяла «дипломат» и электронный ключ от номера. Затем, положив брелок на капот и держась на почтительном расстоянии от охранников Клода Бопре, шагнула на мостовую.

Историк даже не пошевелился, чтобы взять брелок. Вместо этого он осторожно положил руку на капот седана и закрыл глаза. С его плеч как будто свалился тяжкий груз. Он больше не член Гильдии. Он снова обычный отец, к которому вернулся его блудный сын.

Затем он сделал одному из охранников знак взять брелок и сесть за руль. Оба охранника заняли места впереди. Бопре опустился на заднее сиденье, как будто хотел быть ближе к сыну.

Сейхан подождала, пока «Пежо» отъехал от мостовой и покатил дальше.

Как только машина скрылась из виду, к Сейхан подошел Ренни.

— Ну, что, получили то, что хотели?

Сейхан кивнула, представив себе, какое облегчение только что испытал Клод Бопре. Ради безопасности сына он вряд ли станет рисковать. Так что пока она будет из-

учать бумаги, с ней ничего не случится. Это наверняка подлинные документы.

— Думаете, ему можно доверять? — спросил юный шотландец, потрогав шарф на шее.

— Посмотрим, — уклонилась от ответа Сейхан.

Глядя на противоположную сторону площади, Ренни снял кашемировый шарф, явив взгляду секрет, о котором Сейхан не стала говорить Клоду Бопре.

На шее Ренни не было никакого ошейника.

Маклеод потер багровый рубец на месте былого ожога.

— Как же хорошо без этой мерзости.

Сейхан была с ним согласна. Она поднесла руку к горлу, расстегнув, сняла свой и посмотрела на зеленый огонек светодиода. После смерти Веннара в ее распоряжении до полудня оказался лишний час. Воспользовавшись этим временем, Сейхан задействовала ресурсы Ренни. Ведь он уверял, что его друзья-*катафилы* происходят из разных стран мира и имеют самые разные профессии.

По ее указанию Ренни послал призыв о помощи, на который откликнулся один из братьев-*катафилов*, специалист в области электроники и нанотехнологий. Он сумел снять с них ошейники и обезвредил взрывной механизм на ошейнике Сейхан. Все это было проделано под землей, откуда Бопре не мог уловить никаких сигналов.

Освободившись от этой смертоносной штуки, Сейхан рискнула ознакомиться с содержимым «дипломата».

Она смотрела на ошейник, а в голове у нее звучал вопрос, не дававший покоя Ренни: можно ли доверять Клоду Бопре?

Ответ пришел через мгновение.

Зеленый огонек на ошейнике сменился красным: ага, получен радиосигнал. Но поскольку взрывной механизм нейтрализован, то опасности в этом нет. По крайней мере, для нее.

Затем вдалеке прогремел мощный взрыв, чье эхо прокатилось по всему городу. Посмотрев в том направлении, куда уехал седан, Сейхан увидела, как к ясному, безоблачному небу устремилось облако маслянистого дыма.

Похоже, доверять Клоду Бопре не следовало. Несмотря на его заверения, он счел опасным оставлять Сейхан в живых и нажал на кнопку, чтобы отправить ошейникам смертоносный сигнал. Лучше бы он этого не делал.

Она дала Бопре шанс поступить по справедливости. Он им не воспользовался.

Сейхан представила себе шарф, удерживавший во рту Габриеля кляп. Под кашемировой тканью был спрятан электронный ошейник Ренни. Сам кляп был сделан из похожей на пластилин взрывчатки, которую они извлекли из мин, размещенных в катакомбах по приказу Веннара. Ошейник был соединен с детонатором. Стоит его дернуть, как грянет взрыв. Сейхан высчитала, какое количество взрывчатки потребуется для подрыва машины и ее пассажиров, чтобы их разорвало на куски.

Сейхан вздохнула, не без сожаления. Хорошая была машина.

По-прежнему держа себя за горло, Ренни, раскрыв рот, наблюдал за растворяющимся в небе дымом. Наконец он оторвал взгляд от этого зрелища и повернулся к Сейхан.

— И что теперь?

Сейхан бросила браслет в уличную урну и взялась за ручку «дипломата». Ей вспомнились последние слова Клода Бопре, обращенные к ней: «То, что вы намерены делать с содержащейся здесь информацией... куда она вас заведет... оставляю это на ваш собственный страх и риск».

Глядя в сторону, она ответила на вопрос Ренни: «И что теперь?»

— Теперь начинается самое трудное.

ЧТО ПРАВДА, А ЧТО НЕТ

В конце моих романов я люблю объяснять, что в них правда, а что вымысел. Я счел необходимым сделать то же самое и в конце этого рассказа.

Отель «Ритц»

Я никогда не был в нем, но все детали соответствуют действительности: от бара «Хемингуэй» (в котором придумали рецепт «Кровавой Мэри») до позолоченных водопроводных кранов в виде лебедя в ванной.

Орден Храма Солнца

Реальная секта апокалиптического характера, основанная в 1984 году Люком Журе и Жозефом Ди Мамбро. Первоначально она называлась «Международный орден рыцарей Солнечной традиции», позднее название сократилось до «Ордена Храма Солнца». Секта снискала себе сомнительную славу массовыми самоубийствами и человеческими жертвоприношениями, в том числе убийством в Квебеке малолетнего сына ее основателя.

Парижские катакомбы

Все мои описания соответствуют истине. Катакомбы тянутся на 180 миль, простираясь во все стороны развет-

вленной сетью тоннелей и подземных помещений под Городом Света, главным образом под южными кварталами Парижа на левом берегу Сены. История обрушения соответствует истине, так же как и рассказ о вечном противостоянии *катафилов* и *катафликов*.

И да, в катакомбах полно скелетов, причем многие из них — тысячелетней давности. В подземельях Парижа действительно много странных вещей — там на самом деле выращивают грибы, а стены пещер украшены причудливыми картинами. Исследователи постоянно находят в этом подземном мире новые входы, тоннели и залы. Не является вымыслом даже история о подземном кинотеатре.

«Пежо-508»

Да, багажник этой машины открывается именно так — нажатием на ноль в цифре 508 на эмблеме. Я не хотел взрывать эту машину. Но так заканчивается это приключение, за которым следуют события, описанные в романе «Дьявольская колония», появившемся на прилавках книжных магазинов 21 июня 2011 года. Документы, найденные в «дипломате» Клода Бопре, начнут цепочку событий, которые навсегда изменят отряд «Сигма» и даже ваши представления о рождении Америки.

Отрывок из романа «Дьявольская колония»

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Каждый школьник знает имя Томаса Джефферсона, автора Декларации независимости, человека, чьими стараниями разрозненные колонии Нового Света объединились, положив начало новой нации. За последние два столетия о нем написаны многочисленные тома, но из всех отцов-основателей Америки именно он по сей день остается самой загадочной и противоречивой фигурой.

Например, зашифрованное письмо, найденное среди его бумаг, было расшифровано лишь в 2007 году. Оно было отправлено Джефферсону в 1801 году его коллегой по Американскому философскому обществу, тогдашнему инкубатору научных идей. Его членов, в частности, интересовали такие вопросы, как разработка секретных шифров и кодов, а также разгадка тайны происхождения индейских племен, населявших Новый Свет.

Джефферсон был страстным поклонником и исследователем истории и культуры североамериканских индейцев. В своем доме в Монтичелло он собрал настоящую коллекцию индейских артефактов, превосходившую по разнообразию и богатству аналогичные коллекции тогдашних

музеев и загадочным образом исчезнувшую после его смерти. Многие экспонаты этого собрания он получил от первопроходцев Льюиса и Кларка во время их первой знаменитой экспедиции к западным берегам Америки. Чего многие не знают, так это того, что в 1803 году Джефферсон отправил Конгрессу тайное письмо об этой экспедиции, из которого явствует подлинная цель долгого путешествия через весь континент.

На страницах этой книги вы узнаете, в чем она заключалась. Ибо в истории основания Америки есть своя тайная страница, о которой мало кому известно. Страница эта не имеет никакого отношения ни к франкмасонам, ни к тамплиерам, ни к другим безумным конспирологическим теориям. Более того, ключ к ней находится у всех на виду в Ротонде американского Капитолия. В этом величественном зале висит знаменитая картина Джона Тернбулла «Декларация независимости» (Джефферсон надзирал за ее созданием). На ней изображены все те, кто поставил свою подпись под этим судьбоносным документом. Иное дело, что почти никто не обращает внимания на тот факт, что Тернбулл изобразил на своем полотне еще пятерых человек, которые никогда не подписывали Декларацию независимости. Зачем ему это понадобилось? Кто они такие?

Если вам интересно это узнать, читайте дальше.

НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

В новом тысячелетии очередной гигантский научный и технический прорыв может быть охарактеризован одним словом: «нанотехнологии». Это способ производства материалов на атомном уровне, на уровне одной миллиардной метра. Чтобы представить себе нечто таких размеров, посмотрите на точку в конце этого предложения. Ученые из Nanotech.org смогли создать пробирки такие крошечные, что в эту точку их вместится триста миллиардов.

Нанотехнологии идут вперед семимильными шагами. Только в этом году в Соединенных Штатах продукции, созданной на их основе, будет продано на сумму 70 миллиардов долларов. Нанопродукты присутствуют везде — в зубной пасте, солнцезащитном креме, в глазури на пирожных, в кольцах для прорезывания зубов, спортивных носках, косметике, лекарствах, даже в санях для бобслея. На сегодняшний день наночастицы присутствуют примерно в десяти тысячах наименований промышленных изделий.

В чем же состоит темная изнанка подобного рода прогресса? Наночастицы способны провоцировать болезни, а то и смерть. Ученые из Университета Лос-Анджелеса установили, что окись титана в виде наночастиц (которая, например, присутствует в детском креме от солнца и множестве других продуктов) способна причинять вред животным на генетическом уровне. Установлено, что углеродные нанотрубки (а их сегодня можно встретить повсюду, например, в детских защитных шлемах) имеют тенденцию накапливаться в мозгу и в легких у крыс. Странные и неожиданные вещи могут происходить на этом, не видимом глазу уровне. Взять, к примеру, алюминиевую фольгу. Она довольно безвредна, и в нее обычно заворачивают остатки пищи. Но стоит измельчить ее до наночастиц, как она становится взрывоопасной.

Это новая, неизведанная территория. В настоящее время нет четких требований в том, что касается наноизделий, как нет работ по изучению безопасности продуктов, содержащих наночастицы. Увы, есть в этой индустрии и другая, еще более темная, пугающая сторона. Эта технология отнюдь не нова. Наоборот, ее история уходит в глубь веков. И чтобы выяснить, как она начиналась, чтобы обнаружить темные корни этой «новой науки»... читайте дальше.

ПРОЛОГ

Осень 1779 года
Территория Кентукки

Череп монстра как будто нехотя показался из-под земли. Под слоем черной почвы желтел осколок клыка.

Двое перепачканных в грязи мужчин стояли на коленях по обе стороны от ямы. Один из них был отцом Билли Престона, другой — его дядькой. Билли застыл над ними, нервно грызя костяшку пальца. Ему было двенадцать, и он уговорил их взять его с собой в эту вылазку. Раньше его всегда оставляли в Филадельфии с матерью и младшей сестрой по имени Нелл.

И вот теперь его распирало от гордости. Правда, в данный момент к гордости примешивался страх.

То ли потому, что солнце уже висело низко над горизонтом, отбрасывая на их лагерь зловещие длинные тени. То ли дело было в костях, которые они откапывали из-под земли вот уже неделю.

Тем временем к яме стянулись и остальные — темнокожие рабы, что таскали камни и землю, чопорные ученые с перепачканными чернилами пальцами и, конечно же, загадочный француз по имени Аршар Фортескью, возглавлявший экспедицию в дремучие леса Кентукки.

Фортескью — высокий, тощий, с черными, как смоль, волосами и глубоко посаженными глазами — наводил

на Билли ужас, напоминая ему своим черным сюртуком и жилетом смотрителя кладбища. Мальчику не раз доводилось слышать о нем полные ужасов рассказы: как этот тощий джентльмен препарировал трупы, как проводил над ними эксперименты, как путешествовал в далекие уголки земли, где собирал загадочные предметы. Поговаривали даже, что как-то раз он участвовал в мумификации одного своего коллеги-ученого. Тот якобы завещал собственное тело для экспериментов, тем самым рискуя обречь на вечные муки свою бессмертную душу.

Но французский естествоиспытатель поддержал его. И вот теперь Бенджамин Франклин пригласил этого француза для участия в новой научной экспедиции Американского общества популяризации полезных знаний. Судя по всему, в прошлом француз уже успел произвести на Франклина впечатление, хотя чем именно, никто не знал. Кроме того, к французу прислушивался и новый губернатор Вирджинии — именно он и отправил экспедицию в это странное место.

Вот почему они были здесь, причем уже давно.

На протяжении вот уже нескольких недель Билли наблюдал за тем, как листва на деревьях медленно меняла свой свет с медного на ярко-красный. А в последние дни по утрам даже случались заморозки. Ночной ветер срывал с деревьев листья, и теперь к небу тянулись голые, похожие на руки скелетов, ветви. Утром каждого дня Билли должен был сгребать листья в кучи, очищая место раскопок. Это была бесконечная битва, как будто лес задался целью вновь похоронить то, что они откопали из-под земли.

И вот теперь Билли, держа в руках метлу, наблюдал за тем, как его отец — в грязных бриджах, закатав до локтя рукава рубашки — очищал от грязи выкопанное сокровище.

— Осторожно, — предупредил его Фортескью с сочным французским акцентом и, отбросив назад фалды сюртука,

наклонился ниже. Одна его рука лежала на бедре, второй он опирался на резную деревянную трость.

Высокомерие француза задело Билли до глубины души. Его отец знал эти леса как свои пять пальцев, начиная от прибрежных зарослей Вирджинии и до самых потаенных троп Кентукки. Знал, как никто другой. Еще до войны отец Билли были траппером и торговал в этих краях с индейцами. Как-то раз он даже встретил Дэниела Буна[1].

И все же Билли было видно, как дрожали руки отца, когда тот, взяв кисть и совочек, выкопал сокровище из жирной лесной почвы.

— Вот оно! — взволнованно воскликнул дядя юноши. — Мы его нашли!

Фортескью склонился над ними.

— *Naturellement*. Разумеется. Где же еще ему быть, как не здесь! Зарыто рядом с головой змеи.

Билли не знал, что они ищут, — лишь отец и дядя читали запечатанные письма, которые губернатор слал французу. Зато он знал, что имел в виду Фортескью, говоря о змее.

Билли отвернулся от ямы и окинул глазами место раскопок. Они раскапывали земляную насыпь, что, извиваясь, тянулась через весь лес. Два ярда в высоту, четыре в ширину, она змеилась через леса и пологие холмы на две тысячи футов, и впрямь напоминая гигантскую змею, которую, когда она умерла, закопали там же, где она и лежала.

Билли уже и раньше слышал об этих извивающихся курганах. Насыпи вроде этой и другие искусственные возвышения, все как одно творение человеческих рук, находили по всей Америке. По словам отца, их когда-то построили предки дикарей, что сейчас населяли континент, и это были священные погребальные курганы индейцев. Гово-

[1] Бун Дэниел (1734–1820) — активный участник освоения Дикого Запада, в 1775 г. привел на территорию будущего штата Кентукки первую группу поселенцев.

рили, что сами индейцы ничего толком не знали о строителях древних курганов, имелись лишь мифы и легенды. Чего только не рассказывали об этих сооружениях — и то, что это остатки древних цивилизаций, и о привидениях, и о проклятиях, и, разумеется, о захороненных в их толще сокровищах.

Билли пододвинулся ближе. Отец тем временем извлек из земли предмет, завернутый в толстую шкуру. Ее грубый черный мех был цел. От загадочного предмета исходил запах — удушливая смесь перегноя и зверя, такой сильный, что он забил собой ароматы оленьего рагу, которое готовили рабы на соседних кострах.

— Шкура бизона, — сказал отец и через плечо посмотрел на француза.

Тот кивком велел ему развернуть находку.

Отец обеими руками осторожно убрал в сторону кусок шкуры, чтобы открыть взору то, что было спрятано в ней на протяжении многих веков.

Билли затаил дыхание.

С самого начала, с момента открытия этих земель, индейские курганы грабили постоянно. Обычно в них находили кости погребенных мертвецов, наконечники стрел, сделанные из бизоньих шкур щиты и осколки индейской керамики.

Так почему же это место такое особенное?

Спустя два месяца, посвященных сначала разведке местности, затем составлению карты и в конце концов самим раскопкам, Билли так и не понял, что, собственно, привело их сюда. Подобно грабителям других курганов, все, чем мог похвастать отец и другие копатели, — это коллекция индейского оружия: луки, стрелы, копья. Да, еще были массивный горшок, пара расшитых бусами мокасин и головные украшения. И разумеется, кости. Многие тысячи костей — черепа, ребра, голени, бедренные и тазовые кости. Билли слышал, что, по словам Фортескью, здесь были

захоронены по крайней мере около ста человек — мужчин, женщин, детей.

Собрать, рассортировать и внести их в реестр находок — это была задача не из легких. У них ушла вся зима на то, чтобы от одного конца кургана добраться до другого, осторожно и тщательно, слой за слоем снимая землю, просеивая грязь и песок — и так до тех пор, пока француз не сказал, что они добрались до головы змеи.

Отец развернул бизонью шкуру. Все присутствующие дружно ахнули. Даже француз Фортескью, и тот шумно втянул длинным носом воздух.

На внутренней поверхности хорошо сохранившейся шкуры было изображено сражение. Стилизованные фигурки всадников скакали по ней куда-то вдаль, многие из них были вооружены щитами. Кончики копий были окрашены красной краской. Поверх голов летели стрелы. Билли мог поклясться, что слышит боевой клич дикарей, их вопли и улюлюканье.

Фортескью опустился на колени. Его рука застыла над картиной.

— Мне и раньше уже встречались подобные вещи, — признался он. — Дикари дубят шкуры буйволов смесью их же мозгов, затем полой костью наносят на поверхность кожи краски... Но, боже мой, я ни разу еще не видел шедевра, подобного этому! Вы только взгляните! Каждая лошадь отличается от других. А как тщательно прорисованы детали одежды воинов!

Француз чуть подвинул руку, и та замерла над тем, что шкура таила в земле долгие годы.

— Нет, ничего подобного я ни разу не видел.

Череп чудовища был извлечен из земли и очищен от грязи. До этого они откопали сломанные бивни, торчавшие из кожаного свертка. Извлеченный на свет череп был размером с церковный колокол. И как и бизонью шкуру, его поверхность также украшали рисунки,

как будто для доисторического художника та превратилась в холст.

По всей его поверхности были вырезаны, а потом раскрашены краской человеческие фигуры. Такие яркие и живые, что казалось, будто они созданы буквально вчера.

Первым заговорил дядя Билли. Голос его был исполнен благоговейного ужаса:

— Череп, он ведь принадлежит мамонту. Такие находили рядом с Большим Соленым Камнем.

— Нет, это не мамонт, — возразил Фортескью и указал на череп кончиком трости. — Взгляните только на длину и изгиб бивней, на огромные зубы, предназначенные для перетирания пищи. Анатомия черепа отлична от черепов мамонта, какие находят в Старом Свете. Останки, подобные этим, характерны лишь для Америки. И их теперь относят к иному виду вымерших животных, который получил название мастодонт.

— Мне все равно, как он называется, — резко отозвался отец Билли. — Лучше скажите, это тот самый череп или нет? Это все, что я хотел бы знать.

— Есть только один способ это выяснить.

Фортескью протянул руку и провел пальцем по костистому гребню, венчавшему череп древнего гиганта. Кончик его пальца вскоре проник в отверстие в затылочной части черепа. За свою короткую жизнь Билли не раз приходилось свежевать оленей и кроликов, и он тотчас понял: отверстие это слишком чистое, чтобы иметь естественное происхождение. Француз приподнял находку.

Вокруг вновь раздались удивленные возгласы. Кое-кто из рабов в ужасе отшатнулся назад. Билли от удивления вытаращил глаза: череп чудовища раскололся пополам, вернее, открылся, словно створки шкафа. Отец помог французу сдвинуть половинки черепных костей в сторону, а ведь каждая из них была размером с хорошую обеденную тарелку и около двух дюймов в толщину.

Даже в тусклом вечернем свете было видно, как сверкнуло то, что лежало внутри.

— Золото! — в благоговейном ужасе прошептал дядя Билли.

Вся внутренняя поверхность черепа была выложена драгоценным металлом. Фортескью поводил пальцем по внутренней поверхности одной из половинок. Лишь тогда Билли заметил на ней небольшие выступы и канавки, напоминавшие грубо начерченную карту, со стилизованными деревьями, горами и змеящимися реками. Кроме того, вся она была испещрена значками, напоминавшими отпечатки куриной лапы. Не иначе как какие-то древние письмена.

Фортескью пригнулся ниже и прошептал всего одно слово, исполненное, однако, благоговейного ужаса:

— Древнееврейский.

Как только первоначальное потрясение прошло, подал голос отец Билли.

— Но ведь череп пуст.

Фортескью посмотрел на открытую полость черепа. В ней вполне мог поместиться новорожденный младенец, но, как только что подметил отец Билли, она была пуста.

Фортескью какое-то время внимательно рассматривал ее, и хотя лицо его оставалось бесстрастным, Билли по его глазам видел, что француз мысленно строит самые разные догадки. Интересно, что они рассчитывали найти?

Фортескью выпрямился.

— Закройте находку и снова заверните в шкуру. Мы должны в течение часа быть готовы к отправке ее в Вирджинию.

Никто не стал с ним спорить. Если пройдет слух, что найдено золото, как это место тотчас же будет предано разграблению.

В течение следующего часа солнце уже село за горизонт, и пришлось зажечь факелы. Рабочие трудились не покла-

дая рук. Очистили от земли череп, приготовили повозку, запрягли лошадей. Фортескью, отец Билли и его дядя большую часть этого времени о чем-то переговаривались между собой.

Билли как можно ближе подобрался к ним со своей метлой. Притворившись, будто занят, он на самом деле пытался подслушать их разговор. Увы, тот велся вполголоса, и до него долетали лишь обрывочные фразы.

— Думаю, этого достаточно, — сказал француз. — ...с чего-то начать. Если враг обнаружит его до нас, ваш юный союз обречен на неудачу, еще толком не родившись.

Отец покачал головой.

— Может, в таком случае уничтожить его прямо сейчас? Развести костер. Сжечь кости дотла, а золото переплавить...

— Возможно, дело дойдет и до этого, но пусть решение примет губернатор.

Отец собрался было возразить французу, но заметил поблизости сына. Он повернулся, поднял руку — мол, отойди отсюда — и открыл рот, чтобы что-то сказать.

Увы, он так и не произнес этих слов.

Прежде чем он заговорил, его горло взорвалось фонтаном крови. Отец рухнул на колени и схватился за шею. Из-под нижней челюсти торчала стрела. Кровь бежала у него между пальцами, красными пузырями клокотала на губах.

Билли бросился к отцу. В считаные мгновения из юноши он вновь превратился в ребенка.

— Папа!

От испуга он словно оглох. Мир сжался, и теперь в нем остался лишь его отец, который смотрел на сына взглядом, полным ужаса и сожаления. Затем тело несколько раз дернулось, и отец повалился вперед. Из спины его торчало оперение стрелы. Позади отца Билли увидел дядю. Тот стоял на коленях, голова безвольно болталась. Его грудь

насквозь пронзило копье. Острие впилось в землю, древко торчало из-за спины.

Не успел Билли сообразить, что именно предстало его взгляду, что происходит вокруг него, как он получил удар в бок. Нет, не стрелой или копьем. Удар нанесла чья-то рука. Он тотчас рухнул на землю и покатился. Но была от удара и польза. Билли моментально пришел в себя, и мир вокруг него обрел резкость.

Его уши наполнились криками. Испуганно ржали лошади. В пламени факелов плясали какие-то тени. Он увидел, как мужчины сошлись с кем-то в рукопашной схватке. Воздух вокруг него с пением пронзали стрелы. Им вторило улюлюканье дикарей.

На лагерь напали индейцы.

Билли отбивался, как мог, но француз крепко прижал его к земле.

– Тише, не поднимай головы! — прошипел ему в ухо Фортескью.

В следующий миг он уже скатился с Билли и вскочил на ноги, вовремя заметив, что на него, высоко воздев над головой боевой топор, несется дикарь с раскрашенным красной краской лицом.

Француз оборонялся единственным доступным ему оружием — своей дубовой тростью.

Он наставил на индейца ее острие, и в следующее мгновение трость разломилась рядом с ручкой. Деревянный кончик соскользнул на землю, обнажив спрятанную в трости шпагу.

Пустой футляр ударил индейца по голове. Тот пошатнулся. Воспользовавшись моментом, Фортескью сделал выпад и вогнал острие шпаги нападающему в грудь.

Индеец испустил гортанный вопль. Фортескью оттолкнул его от себя, и враг рухнул на землю рядом с Билли.

— Ко мне, мой мальчик! — крикнул француз, выдергивая шпагу из поверженного дикаря.

Билли повиновался. Это все, на что он был способен. Времени на размышления не было. Он попытался подняться на ноги, но его схватила чья-то рука. Это его попытался удержать на месте истекающий кровью индеец. Билли торопливо вырвал руку.

Индеец упал навзничь. Там, где рукав Билли только что сжимала его рука, остались отпечатки пальцев. Это не кровь, моментально понял Билли. Это краска.

Он посмотрел на умирающего дикаря. Рука, которая только что сжимала его, была белой, как лилия, хотя в линиях ладони застряли частички краски.

Затем чьи-то пальцы схватили его за шиворот и рывком подняли на ноги.

Билли повернулся к французу, который по-прежнему крепко держал его за шиворот.

— Это... это не индейцы, — хлюпая носом, прошептал юноша, пытаясь понять, что же случилось.

— Знаю, — спокойно ответил Фортескью.

Вокруг них по-прежнему царил хаос. Последние факелы погасли, и в темноте раздавались вопли, молитвы, мольбы о пощаде.

Фортескью потащил Билли через весь лагерь. Он замедлил шаг лишь раз — чтобы поднять с земли бизонью шкуру, которую сунул в руки Билли. Вскоре они добрались до одинокой лошади, спрятанной в глубине леса. Привязанная к дереву, она уже была оседлана, как будто кто-то ожидал нападения. При их приближении лошадь забила копытами и замотала головой, напуганная криками и запахом крови.

— Садись в седло, — сказал француз, — и приготовься лететь.

Билли едва поставил ногу в стремя, как француз уже растворился в темноте. Билли ничего не оставалось, как сесть в седло. Почувствовав седока, лошадь заметно успокоилась. Билли обнял потную шею лошади. Казалось, что

сердце вот-вот выскочит у него из груди. Кровь громко шумела в ушах. Боже, как ему хотелось зажать уши ладонями, лишь бы ничего не слышать — ни шума битвы, ни криков раненых. Вместо этого он вперил взгляд в темноту — не затаились ли поблизости дикари?

Это не дикари, напомнил он себе.

Позади него треснула ветка. Он обернулся. В темноте показалась человеческая фигура. По капюшону куртки и блеску клинка Билли понял, что это француз. Он уже хотел было спрыгнуть с лошади и вцепиться в этого странного человека, чтобы тот объяснил ему, зачем понадобился весь этот обман, это кровопролитие.

Фортескью, ковыляя, подошел ближе. Чуть выше колена из его ноги торчала обломанная стрела. Подойдя к Билли, француз сунул ему в руки два каких-то крупных предмета.

— Держи. Только, пожалуйста, заверни в шкуру, чтобы никто не видел.

Билли взял их у него из рук и тотчас понял: это же макушка загадочного черепа, расщепленная на две половинки! С одной стороны кость, с другой — золото. По всей видимости, Фортескью снял их с черепа монстра.

Но зачем?

Увы, времени на вопросы и ответы на них не было. Билли положил две золоченые пластины себе на колени и прикрыл лоскутом бизоньей шкуры.

— А теперь вперед! — приказал Фортескью.

Билли уже было взялся за уздечку, но в последний миг спросил:

— А как же вы, сэр?

Как будто почувствовав страх юноши, Фортескью положил руку ему на колено, пытаясь его успокоить.

— У тебя и твоей лошади тяжелая поклажа, — быстро, но твердо проговорил он. — Еще одного седока ей не вы-

держать. Скачи вперед, насколько хватит сил. Отвези это в безопасное место.

— Но куда именно? — уточнил Билли, крепче сжимая поводья.

— Новому губернатору Виргинии, — ответил француз и отступил прочь. — Томасу Джефферсону.

Часть первая

ВТОРЖЕНИЕ

Глава 1

Наши дни
18 мая, 13 часов 32 минуты
Скалистые горы, штат Юта

Место было похоже на врата ада.

Два молодых человека стояли на горном кряже, вглядываясь в глубокую, темную бездну. У них ушло восемь часов на то, чтобы из крошечного городка под названием Рузвельт добраться сюда, на эту далекую вершину Скалистых гор.

— Ты уверен, что это то самое место? — спросил Трент Уайлдер.

Чарли Рид взял в руки мобильник, включил навигатор джи-пи-эс, затем посмотрел на индейскую карту, нарисованную на куске оленьей шкуры, которую он хранил в прозрачном пластиковом пакете.

— Думаю, что да. Если верить карте, на дне впадины должна протекать небольшая река. Вход в пещеру располагается там, где она поворачивает на север.

Трент вздрогнул и смахнул с волос снег. Хотя склоны гор внизу пестрели цветами, что говорило о том, что там

уже наступила весна, здесь, вверху, зима по-прежнему отказывалась сдавать позиции.

Воздух обдавал ледяным холодом, вершины гор были увенчаны снежными шапками. Что еще хуже, небо с каждым часом как будто опускалось все ниже, и в воздухе уже мелькали снежинки.

Трент вгляделся в узкую долину. Пропасть показалась ему бездонной. Далеко внизу из моря тумана вставал черный сосновый лес. С обеих сторон вниз обрывались отвесные склоны. И хотя у него с собой были веревки и специальное снаряжение, ему хотелось надеяться, что все это ему не понадобится.

Впрочем, по-настоящему его тревожило нечто другое.

— Может, нам не стоит спускаться вниз? — сказал он своему товарищу.

Чарли вопросительно выгнул бровь.

— Это после того, как мы весь день взбирались вверх?

— А ты помнишь проклятие? Что твой дед...

— Старик уже одной ногой в могиле, — отмахнулся Чарли, — а в голове у него сплошной караул. — Чарли звонко шлепнул друга по плечу. — Так что не надо валить от страха в штаны. В той пещере если нас что-то и ждет, то лишь несколько наконечников от стрел и разбитых горшков. Ну, если повезет, еще пара-тройка костей. Так что полный вперед!

Тренту ничего не оставалось, как двинуться вслед за Чарли по узкой звериной тропе, которую они обнаружили чуть раньше. Они медленно шли вперед, и Трент хмуро смотрел на спину Чарли в красной куртке, которую украшали два пера, эмблема Университета штата Юта. Трент по-прежнему носил свою школьную куртку с изображением пумы. Они были друзьями еще с начальной школы, но в последнее время заметно отстранились друг от друга. Чарли закончил свой первый год в колледже, в то время как Трент трудился полный рабочий день

в автомастерской своего отца. Летом Чарли ждала учебная юридическая практика в индейской резервации Юинта.

Его друг был восходящей звездой, и вскоре, чтобы разглядеть ее высоко в небесах из их крошечного родного городка под названием Рузвельт, ему понадобится мощный телескоп. Впрочем, что в этом нового? Чарли всегда затмевал его. Всегда и во всем. Не облегчало жизнь и то обстоятельство, что его друг был наполовину индейцем, смуглый, с длинными черными волосами. В отличие от него, рыжие вихры Трента были коротко стрижены, а нос и щеки украшала россыпь веснушек, из-за которых на школьных вечеринках он всегда ходил при Чарли в роли второго номера.

Хотя еще никто не сказал этого вслух, оба знали, что их дружба доживает последние дни и закончится, как только они вступят во взрослую жизнь. Именно по этой причине они и решились на это совместное приключение — поиски священной пещеры племени юта. Для обоих это было своего рода прощание.

По словам Чарли, лишь горстке старейшин было известно о месте захоронения высоко в горах Юинта. Более того, тем немногим, кто об этом знал, было строжайше запрещено раскрывать секрет пещеры.

Чарли сам узнал о пещере лишь потому, что его дед слишком любил бурбон. Чарли сомневался, что старик помнит, как показывал ему старую, начерченную на шкуре оленя карту, которая хранилась в полом роге бизона.

Трент впервые услышал про пещеру еще в школе, сидя в одной палатке с Чарли. Зажав для пущего эффекта под подбородком фонарик, друг посвятил его в эту историю.

— Мой дед говорит, что Великий Дух все еще посещает эту пещеру. Охраняет сокровище моего народа.

— Что за сокровище? — спросил его тогда Трент с сомнением в голосе. В ту пору его куда больше интересовал журнал «Плейбой», который он втихаря тягал из отцовского шкафа. Вот это было настоящее сокровище!

Чарли пожал плечами.

— Не знаю. Но оно точно проклято.

— Это как?

Его друг подвинул фонарик ближе к подбородку и дьявольски выгнул бровь.

— По словам деда, любой, кто вторгнется без спросу в пещеру Великого Духа, никогда уже оттуда не выйдет.

— Это почему же?

— Потому что, как только такой человек оттуда выйдет, настанет конец света.

Помнится, в тот момент старый охотничий пес Трента издал такой оглушительный вой, что они оба вскочили с места. Правда, потом оба расхохотались и проговорили до глубокой ночи. В конце концов Чарли заявил, что рассказ деда — это полная чушь, густо замешанная на индейских суевериях. Будучи современным индейцем, Чарли из кожи вон лез, чтобы это доказать.

Тем не менее он взял с Трента слово, что тот никому ничего не расскажет, и упорно отказывался показать ему это место — до сегодняшнего дня.

— Там внизу уже гораздо теплее, — сказал Чарли.

Трент протянул ладонь. Его друг прав. Снегопад усилился. Снежинки сделались крупнее и тяжелее. Но по мере того как они спускались ниже, воздух стал гораздо теплее и теперь слегка пах тухлыми яйцами. В какой-то момент снегопад перешел в изморось. Трент вытер руку о брючину и понял, что туман, который он еще раньше заметил внизу, в ущелье, на самом деле — пар.

Затем среди деревьев промелькнул и его источник: небольшая речушка, журчащая по камням на самом дне ущелья.

— Пахнет серой, — сказал, принюхавшись, Чарли, и когда они подошли к воде, попробовал ее пальцем. — Горячая. Должно быть, где-то поблизости находится геотермальный источник.

На Трента это не произвело впечатления. В этих горах такие источники бьют на каждом шагу.

Чарли выпрямился.

— Да, это то самое место.

— Это почему же?

— Горячие источники вроде этого почитаются моим народом. Вполне естественно, что они выбрали это место для захоронений. — С этими словами Чарли двинулся дальше, перепрыгивая с камня на камень. — Пойдем, это уже близко.

И они двинули вверх по течению ручья. С каждым шагом воздух становился все горячее и все сильнее пах серой. От этого запаха у Трента уже слезились глаза и щипало в носу. Неудивительно, что до сих пор не было желающих ближе познакомиться с этим местом.

Трент уже было собрался повернуть назад, как Чарли внезапно остановился в том месте, где речушка резко сворачивала на север. Держа в руках мобильник, словно некий волшебный указатель, его друг описал полный поворот, после чего сверился с украденной сегодня утром у деда картой.

— Мы пришли.

Трент огляделся по сторонам и не увидел никакой пещеры. Одни лишь деревья. Много деревьев. Высоко над головой снег начал замерзать на ветках инеем, хотя здесь, внизу, с неба падал противный дождь.

— Вход где-то поблизости, — твердил свое Чарли.

— Или это все индейские враки.

Чарли перепрыгнул на другую сторону ручья и принялся ногой сбивать пышные заросли папоротника.

— Но поискать в любом случае стоит.

Трент нехотя последовал его примеру на своей стороне, двигаясь прочь от воды.

— Тут ничего нет! — крикнул он, когда наконец уперся в гранитную стену. — Почему бы нам не...

В следующий миг он ее увидел. Вернее, заметил краем глаза, когда обернулся к Чарли. На первый взгляд — просто тень на поверхности скалы, с той единственной разницей, что ветерок, пролетая по ущелью, колыхал ветви деревьев, и их тени двигались.

Эта же оставалась неподвижна.

Он шагнул ближе. Вход в пещеру был низкий и широкий и напоминал разверстый в вечном оскале рот. Расположен он был на высоте четырех футов, под нависшим сверху каменным уступом.

Раздался плеск воды и проклятие. Это рядом с Трентом вырос его друг.

Трент указал на вход в пещеру.

— Значит, она и вправду тут есть, — сказал Чарли. Трент впервые уловил в его голосе сомнение.

Они какое-то время стояли, глядя на зияющее в скале отверстие и вспоминая истории о нем. Страх не давал обоим сделать шаг вперед, но гордость мешала отступить назад. Первым не выдержал Трент.

— Ну, так что, идем или нет? — спросил он, нарушив затянувшееся молчание.

Чарли заметно напрягся.

— А ты как думал? Конечно, идем.

И прежде чем обоим изменила храбрость, они шагнули к каменной стене и вскарабкались по ней ко входу в пещеру. Здесь Чарли вынул фонарик и посветил внутрь.

В глубь каменной толщи вел узкий проход.

Чарли сунул в него голову.

— Пойдем на поиски сокровищ!

Взбодренный бравадой в голосе друга, Трент последовал его примеру.

Проход быстро сузился, и они были вынуждены идти гуськом. Воздух сделался жарче, но по крайней мере был сух и не так сильно пах сероводородом.

Протискиваясь в один особенно тесный проход, Трент даже через куртку почувствовал, как горячи каменные стены.

— Черт, да тут прямо сауна, — буркнул он, выбираясь из узкого лаза.

Лицо Чарли просияло.

— Это точно. Думаю, мой народ в этих целях ее и использовал. Готов поспорить, что горячий источник бьет из-под земли прямо у нас под ногами.

Тренту эта идея не слишком понравилась, но поворачивать назад было уже поздно.

Еще несколько крутых ступенек, и тоннель открылся в низкую пещеру размером примерно с зал для игры в баскетбол. Прямо впереди, в скальной породе было устроено углубление. Гранит в нем был черен от сажи древних факелов.

Чарли машинально потянулся и схватил Трента за руку. Хватка была железной, но его рука при этом дрожала. Трент тотчас понял, почему.

Пещера была отнюдь не пуста.

Вдоль стен и на каменном полу виднелись ряды человеческих тел, мужчин и женщин. Кто-то сидел прямо, скрестив ноги, другие завалились на бок.

Кожа их высохла и напоминала натянутый на кости пергамент, глаза усохли в глазницах, губы растянуты, обнажив желтые зубы. Все, как один, обнажены по пояс, даже женщины. Их высохшие груди свисали плоскими лоскутами. У нескольких на головах были уборы из перьев, у других — ожерелья из камней и сухожилий животных.

— Мой народ, — произнес Чарли с трепетом и гордостью в голосе и сделал шаг навстречу мумиям.

Трент шагнул вслед за ним.

— Ты уверен?

В свете фонарика кожа мумий казалась слишком бледной, волосы — слишком светлыми. Но Трент плохо раз-

бирался в таких вещах. Возможно, под действием горячего воздуха, который иссушил их тела, те также слегка обесцветились.

Чарли посмотрел на мужчину с ожерельем из черных перьев на шее и поднес фонарик ближе.

— Да нет, он вполне себе красный.

Чарли имел в виду отнюдь не кожу древнего мертвеца. В свете фонарика спутанные волосы на высохшем черепе отливали медью. Но Тренту бросилось в глаза кое-что другое.

— Посмотри на его шею.

Голова мужчины была запрокинута, как будто он опирался ею о гранитную стену, отчего была хорошо видна кожа под подбородком, высохшая, словно папиросная бумага. Вдоль горла протянулся разрез — слишком прямой, чтобы быть следом чьих-то когтей. Впрочем, причина была ясна. Высохшие пальцы сжимали металлическое лезвие. Отполированное до блеска, оно отражало луч фонарика.

Чарли поводил фонариком по всей пещере. Похожие ножи валялись на полу, либо их можно было увидеть в руках других мумий.

— Похоже, они совершили массовое самоубийство, — растерянно произнес Трент.

— Верно, но почему?

Трент указал на еще одну отличительную черту пещеры. В дальнем ее конце в глубь горы уходил еще один проход.

— Возможно, они там что-то прятали. Что-то такое, о чем никому другому не полагалось знать.

Друзья вгляделись в темноту прохода. У Трента от ужаса по спине пробежали мурашки, руки покрылись гусиной кожей. Оба застыли как вкопанные, страшась шагнуть в эту обитель смерти. Даже возможность обнаружить сокровище утратила свою былую привлекательность.

Первым заговорил Чарли:

— Давай-ка лучше сматываться отсюда.

Трент не стал с ним спорить. Он насмотрелся ужасов на несколько лет вперед.

Чарли развернулся и, светя перед собой фонариком, зашагал к выходу.

Трент двинулся за ним в тоннель, однако то и дело оглядывался, опасаясь, как бы в мертвые тела не вселился Великий Дух и не отправил их им вдогонку, вооружив кинжалами. Он так задумался о том, что увидел сейчас в пещере, что не заметил, как поскользнулся на камешке и, упав на живот, соскользнул по тоннелю на несколько футов назад.

Чарли не стал его ждать. Более того, похоже, что он со всех ног устремился к выходу. К тому моменту, когда Трент наконец поднялся на ноги и стряхнул с коленок пыль, Чарли уже достиг выхода и выпрыгнул наружу.

Трент крикнул было ему вслед, мол, подожди, но в следующий миг снаружи раздался крик, резкий и сердитый. Там, снаружи, был кто-то еще. Трент застыл на месте.

Тем временем снаружи доносилась какая-то перепалка, но разобрать слов он не смог.

Затем грянул выстрел.

Трент вздрогнул и отпрянул на два шага назад в темноту. Спустя несколько мгновений эхо выстрела стихло, и в ущелье повисла гнетущая тишина.

Чарли? Неужели?

Трясясь от страха, Трент двинулся дальше в глубь тоннеля, подальше от входа. Вскоре глаза его привыкли к темноте, и он, не производя лишнего шума, добрался до пещеры с мумиями. Здесь остановился, пойманный, словно в капкан, кромешной тьмой за его спиной и тем, кто затаился снаружи.

В следующее мгновение до него донеслось, как кто-то пыхтит и царапает камень.

О нет!

От ужаса Трент схватился за горло. Кто-то пытался вскарабкаться в пещеру. Чувствуя, как бешено колотит-

ся в груди сердце, Трент попятился дальше в глубь пещеры. Что еще ему оставалось? Черт, ему пригодилось бы оружие... Он остановился лишь на миг, чтобы выхватить из мертвых пальцев нож. Высохшие кости переломились, как сухие ветки.

Разжившись оружием, Трент сунул его за ремень брюк и начал пробираться среди мертвых тел. Руки он держал вытянутыми перед собой, слепо натыкаясь на трухлявые перья, на пергаментную кожу, на спутанные волосы. Он представлял, как костлявые пальцы тянутся к нему, но, подстегиваемый страхом, упрямо двигался дальше.

Ему нужно где-то спрятаться. Есть только одно такое место. Тоннель в дальнем конце. От этой мысли ему стало еще страшнее.

В какой-то момент его нога не нащупала под собой пол. Он едва не вскрикнул, но, на свое счастье, тотчас понял, что в каменном полу устроена яма для костра. В нее он едва и не оступился. Прыжок — и Трент уже был на другой ее стороне. Яма стала для него своего рода ориентиром во мраке пещеры. Впрочем, необходимость в нем вскоре отпала.

Свет у него за спиной внезапно сделался ярче и вскоре уже заливал все подземелье.

Получив возможность видеть, Трент со всех ног кинулся через всю пещеру. Добежав до дальнего тоннеля, он застыл в ужасе. Позади него раздавались какие-то глухие удары. Трент обернулся через плечо.

Из прохода, на том краю, выкатилось тело и растянулось на полу лицом вниз. В наполнявшем пещеру свете Трент смог разглядеть перья, вышитые на спине ярко-красной куртки.

Чарли.

В ужасе прижав к губам кулак, лишь бы не вскрикнуть, Трент юркнул в спасительную темноту тоннеля. Страх нарастал в нем с каждым шагом.

Черт, они знают, что я тоже здесь?

Пол тоннеля был плоским и гладким, а сам тоннель — коротким. Еще пять шагов, и он вышел в еще одну пещеру. Трент нырнул в сторону и прижался к стене. Он с трудом сдерживал надрывное дыхание, страшась, что его могут услышать. Немного придя в себя, рискнул выглянуть из своего укрытия.

Кто-то вошел в пещеру с мумиями, держа в руке фонарик. В прыгающем свете одинокого луча над телом его друга склонился чей-то силуэт и потащил его к костровой яме. Это был всего один человек. Затем убийца опустился на колени, положил на пол фонарик и подтянул Чарли к своей груди. Подняв лицо к своду пещеры, он принялся раскачиваться и что-то причитать на языке индейцев племени юта.

Трент сдавленно ахнул: он узнал морщинистое лицо. Прямо у него на глазах дед Чарли вскинул блестящий пистолет и приставил его к собственной голове. Трент поспешил отвернуться, но опоздал. В тесном пространстве пещеры грянул выстрел. Череп старика взорвался фонтаном костей и крови.

Пистолет со звоном упал на каменный пол. Старик тяжело навалился на тело внука, как будто хотел тем самым защитить его от смерти. Мертвая рука упала и слегка сдвинула лежащий на полу фонарик. Его луч упал прямо на то место, где затаился Трент.

Он в ужасе упал на четвереньки, вспомнив предостережение деда Чарли. Любой, кто вторгнется в пещеру Великого Духа, никогда не выйдет оттуда живым.

Дед Чарли сделал все для того, чтобы его внук отсюда не вышел. Каким-то образом он узнал об украденной карте и по их следу пришел сюда.

Трент зарылся лицом в ладони, тяжело дыша сквозь пальцы. Он отказывался верить тому, чему только что стал свидетелем. Затем прислушался. Нет ли здесь кого-

то еще? Ответом ему стала могильная тишина. Он выждал еще десять минут.

Наконец, убедившись, что он здесь один, Трент заставил себя встать на ноги и оглянулся через плечо. Луч фонарика пронзал темноту вплоть до дальней стены меньшей пещеры. И теперь его взгляду предстало то, что было скрыто во тьме на протяжении многих веков.

У дальней стены пещеры были сложены каменные ящички, размером с контейнер, в котором обычно берут с собой в школу завтрак. Все они были смазаны и завернуты в кору. Но внимание Трента было приковано не к ним, а к тому, что высилось в центре пещеры.

На гранитном постаменте покоился огромный череп.

Тотем, решил Трент.

Он всмотрелся в пустые глазницы, отметил про себя высокий свод черепной коробки и неестественно длинные клыки — каждый длиной примерно с фут. Трент помнил уроки истории Земли и с первого взгляда определил, что перед ним череп саблезубого тигра.

И все равно он не мог не поразиться его размерам. А еще он должен рассказать кому-то про убийство, про самоубийство, а также про спрятанные сокровища.

Сокровища, в которых лично он сам не видел никакого смысла.

Затем Трент поспешил назад. Пересек зал мумий и со всех ног бросился навстречу солнечному свету. У выхода из пещеры он остановился, вспомнив предостережение деда Чарли о том, что будет, если кто-то вторгнется сюда, а потом уйдет живым.

Наступит конец света.

Со слезами на глазах Трент покачал головой. Суеверие только что стоило жизни его другу. И он не позволит, чтобы с ним самим произошло то же самое.

Одним прыжком Трент снова вырвался в привычный мир.

Глава 2

30 мая, 22 часа 38 минут
Горы Юинтас
Штат Юта

Ничто так легко не превращается в цирк, как убийство.

Маргарет Грантхем пересекла палаточный лагерь, разбитый посреди луга высоко над склоном ущелья. Холодный воздух давал о себе знать легкой одышкой и обострением артрита. Костяшки пальцев на холоде противно ныли. Порыв ветра грозил сорвать с головы шапку, но она удержала ее на месте, а заодно убрала от лица прядь седых волос.

Вокруг нее на площади нескольких акров склон горы пестрел палатками. Впрочем, в том, как они были разбросаны по лугу, просматривалась некая закономерность: здесь полиция, а вот здесь — представители местной прессы. Чуть дальше — подразделение Национальной гвардии, якобы для подержания порядка, хотя на самом деле ее присутствие лишь добавляло нервозности.

В течение последних двух недель, привлеченные удивительной находкой, в это удаленное место стекались группы американских индейцев, кто-то пешком, кто-то верхом. Они прибывали сюда под эгидой самых разных организаций под аббревиатурами АСАИ, НКАИ, ООКА, НИС[1]. Впрочем, в конечном итоге все эти буквы служили одной цели: защитить права коренного населения Америки и сохранить их культурное наследие. Несколько палаток представляли собой типичные вигвамы, сооруженные представителями наиболее консервативных групп.

---

[1] Ассоциация североамериканских индейцев, Национальный конгресс американских индейцев, Объединенная организация коренных американцев, Национальный индейский союз — организации, выступающие за права коренных жителей Америки.

Маргарет недовольно прищурилась, глядя, как на поле рядом с лагерем садится вертолет местного новостного агентства, и покачала головой. Нет, столь пристальное внимание прессы здесь явно ни к чему.

Как ведущий антрополог Университета имени Бригама Янга, она получила приглашение от местного отделения бюро по делам индейцев помочь в урегулировании юридического спора, который возник в связи с обнаружением пещеры. Она вот уже тридцать лет возглавляла программу поддержки и сохранения культурного наследия коренных американцев, и представители местных племен знали ее и относились к ней с уважением. Кроме того, Маргарет частенько работала бок о бок с известным натуралистом и историком из племени шошонов, профессором Генри Каношем.

Сегодняшний день не был исключением.

Хэнк ждал ее у начала тропы, что вела вниз к системе пещер. Как и Маргарет, он был в тяжелых ботинках, джинсах и рабочей рубашке цвета хаки. Его длинные с проседью волосы были убраны в конский хвост. Маргарет была в числе немногих бледнолицых, знавших его настоящее индейское имя — Кайвъу-вухнух, что означало Непоколебимая скала.

В данный момент он стоял у начала тропы и действительно напоминал скалу. Хотя возраст Хэнка приближался к шестидесяти, он был крепок, высок и мускулист. Лицо как будто вырублено из гранита; резкие его черты смягчали лишь золотистые искорки, что плясали в карих глазах.

Рядом с ним сидел его пес — коренастая, австралийская овчарка с одним голубым глазом и одним темным. Звали пса Кауч, что на языке индейцев юта значит «нет». Мэгги улыбнулась, вспомнив объяснение Хэнка по этому поводу. «Я столько раз кричал ему это слово, когда он был щенком, что оно пристало к нему в виде клички».

— Какие будут наши действия? — спросил Хэнк, когда Мэгги, поздоровавшись с ним, встала рядом.

— Ничего хорошего, — призналась она. — И похоже, лучше не будет, только хуже.

— Почему?

— Я разговаривала с шерифом округа. Пришел ответ судмедэкспертизы по алкоголю в крови старика.

Хэнк сильнее стиснул зажатую между зубов сигару. Он их никогда не курил, а только жевал. Мормонам запрещено иметь дело с табаком, но что поделаешь, иногда приходится нарушать строгие заповеди. Хэнк, индеец по крови, был воспитан мормоном. Еще в XIX веке после резни на Бэр-Ривер[1] часть шошонов была обращена в эту веру.

— И что там говорится? — спросил он, не вынимая сигары изо рта.

— То, что старик сидел на мескалине.

Хэнк покачал головой.

— Мда. Представляю, как журналисты за это уцепятся. Чокнутый индеец, накачавшись наркотой, в припадке религиозного безумия убивает себя и собственного внука.

— Пока это держат в секрете, предпочитая молчать, но в конце концов шила в мешке не утаишь, — Мэгги вздохнула. — Реакция на первоначальный отчет тоже не вдохновляет.

Полиция штата прибыла сюда первой, чтобы расследовать убийство молодого индейца и самоубийство его деда. Имея свидетеля — друга убитого юноши, копы быстро закрыли дело. Тела погрузили в вертолет и отправили в главный морг штата в Солт-Лейк-Сити. В первоначальном отчете судмедэксперта в качестве причины трагедии

[1] Резня на Бэр-Ривер — нападение отряда американской армии на стойбище индейцев шошонов у реки Бэр-Ривер на территории современного штата Айдахо, случившееся 29 января 1863 года. Солдаты насиловали и убивали женщин, не щадили детей. Всего было убито 21 солдат и около 250 индейцев.

называлось помешательство как следствие хронического алкоголизма. Позднее как в местных, так и национальных газетах начали появляться материалы об алкоголизме среди американских индейцев. Нередко эти публикации сопровождали карикатуры с изображением пьяных туземцев.

Разумеется, все это отнюдь не шло на пользу делу. Маргарет отлично знала, какого такта требуют разговоры на подобную тему, особенно здесь, в Юте, где отношения между коренными американцами и белыми пришельцами всегда были напряженными, а порой и кровавыми.

Но это лишь часть проблемы, с которой они столкнулись. Нерешенным пока оставался вопрос относительно других тел, найденных в пещере, — сотен древних мумифицированных останков.

Хэнк помахал рукой в сторону тропы, что вела к пещере. Пес потрусил впереди, высоко задрав пушистый хвост. Хэнк двинулся следом за ним.

— Топографы сегодня утром уже закончили отчет. Ты его видела?

Мэгги покачала головой и тоже зашагала вслед за ними по тропинке.

— Согласно их данным, вход в пещеру расположен на федеральной земле, в то время как система пещер тянется под территорией резервации.

— Иными словами, линия юрисдикции размыта.

Хэнк кивнул.

— Хотя вряд ли это играет большую роль. Я читал отчет, составленный бюро по делам индейцев. Начиная с 1861 года вся эта территория составляла часть одной большой резервации. Но за последние сто пятьдесят лет ее границы постоянно стирались и ужимались.

— Что, в свою очередь, означает, что бюро по делам индейцев имеет полное право потребовать, чтобы содержимое пещеры было передано местным племенам.

— Это тоже зависит от ряда факторов, таких, как возраст останков и времени, когда они были захоронены. И разумеется, открытым остается вопрос, принадлежат ли они вообще коренному населению.

Мэгги кивнула. Именно по этой причине ее и пригласили сюда: определить расовую принадлежность останков. Вчера она уже провела беглый первоначальный осмотр. Если судить по цвету кожи и структуре лицевого отдела черепа, это были европеоиды. Но артефакты и одежда — типично индейские. Дальнейшие исследования — анализы ДНК, химические пробы — все это упиралось в юридические коллизии. Более того, она не могла даже сдвигать тела с места, не имея на это права согласно Закону о защите и репатриации могил коренных американцев.

— Повторяется ситуация с кенневикским человеком, — ответила Мэгги.

Хэнк вопросительно выгнул бровь и посмотрел на нее.

— В 1996 году в Кенневике, штат Вашингтон, на берегу реки был найден старый скелет. Судебный антрополог, который осмотрел его первым, заявил, что это европеоид.

Хэнк посмотрел на нее и пожал плечами.

— И что из этого?

— Тело подвергли радиоуглеродному анализу, и оказалось, что ему более девяти тысяч лет. Европеоидные черты привлекли к находке всеобщее внимание. Согласно современной гипотезе, первые люди мигрировали на Североамериканский континент через перешеек, соединявший Сибирь с Аляской. Находка древнего человека с европеоидными чертами ей противоречит. Похоже, раннюю историю Америки следует переписать заново.

— И что было потом?

— На тело претендовали пять индейских племен. Они требовали, чтобы останки были преданы земле без их дальнейшего изучения. Юридические баталии продолжались даже десятилетие спустя. Известны и другие случаи нахо-

док европеоидных останков. И по их поводу также кипели бумажные битвы, — ответила Мэгги и принялась загибать пальцы. — Мумия из пещеры Духа в Неваде, «орегонский человек», женщина из Арлингтон-Спрингс. Их останки так и не были толком изучены. Другие же похоронены в безымянных индейских могилах и навсегда утрачены для науки.

– Будем надеяться, что здесь этого не произойдет, — успокоил ее Хэнк. Они уже добрались до дна ущелья. Верный Кауч уже ждал их внизу, высунув от усталости язык, но по-прежнему гордо задрав хвост.

В нос ударил запах сероводорода — это давал о себе знать бивший в долине горячий источник. Мэгги поморщилась. На ее лице уже выступили капли пота. Она, словно веером, обмахивалась одной рукой.

Заметив, что ей тяжело дышать, Хэнк поспешил повести их за собой к устью пещеры. Перед входом дежурили два национальных гвардейца, вооруженные винтовками, с пистолетами в кобуре.

Удивительная находка привлекла к себе огромное внимание, и нельзя было исключать, что найдутся желающие нагреть на ней руки.

Заметив их приближение, один гвардеец сделал шаг вперед. Это был молодой человек с по-мальчишески свежим лицом и рыжеватой щетиной на подбородке. Рядовой Стинтон. Его поставили здесь неделю назад, и он узнал приближающихся ученых.

— Майор Райан уже внутри, — доложил он. — Он ждет вас, чтобы вместе с вами сдвинуть находку.

— Отлично, — отозвался Хэнкс. — Там, наверху, все уже заждались этого момента.

— И держат наготове видеокамеры, — добавила Мэгги. — Будет нехорошо, если священный индейский артефакт вынесет из пещеры человек в военной форме. Такие вещи требуют дипломатичности и такта.

— Майор Райан тоже так считает. — Рядовой Стинтон отступил в сторону, а затем негромко добавил: — Но его терпение на исходе. Слышали бы вы, какими словами он отзывался о том, что здесь происходит.

Впрочем, чего еще можно было ожидать?

Да и майор Райан — настоящая заноза в кое-каком месте.

Хэнк подсадил Мэгги на выступ у входа в погребальную пещеру. Когда его крупные руки крепко сжали ее бедра, ее тотчас как будто обдало горячей волной горько-сладких воспоминаний. Эти самые руки когда-то давно ласкали ее обнаженное тело. То были короткие мгновения, родившиеся из их глубокой взаимной дружбы и проведенных вместе вечеров. Увы, в конце концов отношения эти оказались не нужны ни ему, ни ей. Быть друзьями было гораздо удобнее, чем любовниками.

И все же в тот миг, когда он присоединился к ней, легко запрыгнув на каменный выступ, ее щеки пылали румянцем. Впрочем, похоже, он этого не заметил, что, с одной стороны, было к лучшему, а с другой — немного обидно.

Псу Хэнк приказал ждать их снаружи. Кауч печально повесил голову. Вдвоем они двинулись в глубь пещеры. Вскоре из ее чрева до них донесся приглушенный крик. Мэгги и Хэнк переглянулись. Последний закатил глаза. Майор Райан, как обычно, был недоволен.

Командиру отряда Национальной гвардии находка была не просто неинтересна. Это поручение вызывало в нем глухое раздражение. Кроме того, Мэгги подозревала, что имеет место и расовая неприязнь. В лагере она как-то раз стала свидетельницей язвительной ремарки, отпущенной майором в адрес индейцев. Мол, будь на то моя власть, я бы их всех загнал в Тихий океан.

И вот теперь она вынуждена работать бок о бок с этим человеком — по крайней мере, до тех пор, пока не обеспечена сохранность сокровища. Именно по этой причи-

не им с Хэнком и было дано разрешение сдвинуть артефакт с места и переправить на хранение в Университет имени Бригама Янга. Такую находку, как эта, нельзя оставлять без присмотра. Как только артефакт отправят в университет, меры безопасности можно будет ослабить, и тогда, возможно, зреющее в лагере недовольство пойдет на убыль.

Дойдя до главной пещеры, Мэгги остановилась у входа, в очередной раз пораженная жутковатым зрелищем мумифицированных останков. Сегодня пещеру освещали яркие переносные лампы, а само помещение было поделено желтой полицейской лентой на сектора. Из середины пещеры к дальнему тоннелю вела дорожка, также огороженная с двух сторон желтой лентой.

Мэгги зашагала по ней, хотя внимание ее в очередной раз было приковано к окружавшим ее телам. Степень их сохранности поражала. Геотермальный жар выпарил из останков всю жидкость. В результате мягкие ткани высохли, концентрация соли в телах повысилась, а соль, как известно, — природный консервант.

В тысячный раз Мэгги задалась про себя вопросом, что заставило этих людей свести счеты с жизнью. Почему-то это зрелище напомнило ей Масаду, где евреи-повстанцы предпочли совершить массовое самоубийство, но не сдаться на милость римского легиона, стоявшего у ворот крепости.

Неужели и здесь произошло нечто подобное?

Увы, ответа на этот вопрос у нее не было. Еще одна загадка среди множества других.

Краем глаза Мэгги заметила какое-то движение. Она тотчас застыла на месте и глянула на груду тел в дальнем углу. Затем ей на плечо легла чья-то рука. Она невольно вздрогнула.

Пальцы Хэнка сжали ее плечо.

— В чем дело? — спросил он.

— Мне показалось...

Она не договорила, потому что из тоннеля донесся громкий грубый голос:

— Ну, наконец-то!

Из дальнего тоннеля показался луч света, а вслед за ним возник и сам майор Райан с фонариком в руке. Он был в полной форме — не забыл надеть даже каску, от чего глаза его оставались в тени. Лицо хмурое, раздраженное, губы плотно сжаты.

Поводив фонариком из стороны в сторону, он развернулся и снова скрылся в тоннеле.

— Давайте-ка ближе к делу. Я, как вы и просили, уже приготовил ящик для транспортировки. Двое моих солдат помогут вам.

Хэнк что-то негромко пробормотал, а потом, уже громче, добавил:

— Привет, майор!

Мэгги остановилась у входа в тоннель и обернулась через плечо. Ничего. Никаких движений. Она покачала головой. Просто игра света и тени.

Господи, я уже шарахаюсь от собственной тени.

— У нас проблема, — сказал Райан и вновь привлек к себе ее внимание. — Несчастный случай.

— Что такое? — уточнил Хэнк.

— Взгляните сами.

Мэгги торопливо зашагала следом за ним. Интересно, что там у них не так?

11 часов 40 минут

Сжавшись в комок среди теней, диверсантка проследила за тем, как все трое скрылись в тоннеле. Ну, все, можно вздохнуть с облегчением, подумала она, пытаясь унять бившую ее дрожь. Женщина едва не выдала себя, когда попыталась затащить рюкзак за спины двух мертвых тел.

Ее одолевали сомнения.

Что я делаю здесь?

Пригнувшись как можно ниже, она затаилась среди теней. В таком положении она сидела здесь уже с самого утра. Ее имя было Каи, что на языке индейцев навахо значит «ива». От страха сердце громко стучало в груди. Она пыталась набраться мужества у своего имени, стать такой же стойкой и выносливой, как ива, и такой же гибкой. Она осторожно вытянула затекшую левую ногу.

Правда, ее спина продолжала болеть. Впрочем, ждать осталось недолго, пообещала она себе.

Каи пряталась здесь с рассвета. Двое ее друзей, притворившись пьяными, отвлекли от нее внимание гвардейцев, охранявших вход в пещеру. Воспользовавшись моментом, она за их спинами прошмыгнула в пещеру из своего укрытия и пробралась внутрь.

Было нелегко, не издав ни единого шороха, пробраться внутрь и занять позицию. Но ей всего восемнадцать, она тонкая и гибкая и знает, как сливаться с подрагивающими тенями. Этому научил ее отец, когда она была ему едва по колено. Он обучил ее множеству ныне забытых вещей — до того, как его подстрелили, когда он сидел за рулем бостонского такси.

Это воспоминание тотчас наполнило ее яростью.

Спустя год после его смерти ее завербовали в «Вахийя», военизированную индейскую группировку правого толка, выбравшую себе в качестве самоназвания слово из языка индейцев чероки, означавшее «волк». Как и полагалось волкам, они были свирепы, хитры и, как и она сама, молоды. Все как один не старше тридцати, все как один — нетерпимы к другим, лояльным к властям индейским организациям.

Спрятавшись в темноте, Каи позволила гневу обжечь ее и тем самым отогнать прочь страхи. Она вспомнила пламенные слова Джона Хокса, основателя и лидера «Вахийя». «С какой стати нам ждать, когда американское правительство вернет нам наши права? Зачем нам скло-

нять перед белым человеком колени и униженно принимать с его ладони крошки?»

Их группировка уже сделала себе имя несколькими небольшими акциями. Так, например, в Монтане «Волки» сожгли американский флаг на ступенях суда в знак протеста против вынесения обвинительного приговора индейцу племени кроу за употребление галлюциногенных грибов во время религиозной церемонии. А в предыдущем месяце в Колорадо они раскрасили из баллончиков офисы одного бизнесмена, призывавшего ограничить деятельность казино в индейских резервациях.

Но, по словам Джона Хокса, то, что произошло здесь, в Юте, давало «волкам» возможность заявить о себе на национальном уровне. Их группировка выйдет из тени и возьмет ситуацию в свои руки, потребовав от правительства невмешательства в племенные дела индейцев.

Раздался крик, и Каи перевела взгляд на дальний тоннель.

И тотчас напряглась. Чуть раньше — до того, как здесь появились эти двое — она слышала, как из дальней пещеры раздался какой-то грохот, а вслед за ним — поток проклятий. Что-то там явно пошло не так. Ей оставалось лишь уповать на то, что это никак не отразится на ее задании.

Особенно после того, как она прождала здесь целую вечность.

Кай перенесла вес на другую ногу и попыталась набраться терпения. Она должна дождаться сигнала. Женщина протянула руку и потрогала набитый взрывчаткой рюкзак, снабженный двумя беспроволочными детонаторами.

Похоже, ждать осталось недолго.

11 часов 46 минут

— Что ты наделал? — злобно спросил Хэнк, и его голос громом прогрохотал под сводами небольшой пещеры.

Мэгги положила ему на плечо руку, пытаясь успокоить его. Она поняла проблему, как только шагнула под низкие своды.

Вдоль дальней стены штабелями были сложены каменные ящички, одинаковые, размером примерно в кубический фут. Она осмотрела один из них накануне. Он напомнил ей небольшой оссуарий — каменный контейнер для хранения костей умерших. Но до прибытия представителей Бюро охраны и репатриации могил коренных американцев ни один из этих ящичков они не имели права вскрывать. Каждый такой контейнер был смазан маслом и завернут в высушенную можжевеловую кору.

Но обстоятельства изменились.

Мэгги в ужасе посмотрела на полдесятка ящичков, разбросанных по полу пещеры. Ближайший к ней раскололся надвое, и его половинки держались вместе лишь благодаря обертке из коры.

Хэнк глубоко вздохнул и холодно посмотрел на майора Райана.

— Надеюсь, вы в курсе, что трогать находки строжайше запрещено. Вы хотя бы отдаете себе отчет в том, каким грандиозным скандалом это может обернуться? Мы и так здесь сидим как на бочке с порохом!

— Сам знаю, — огрызнулся Райан. — Один из этих двоих болванов задел их транспортировочным ящиком, когда они втаскивали его сюда. И эта груда обрушилась на пол.

Мэгги посмотрела на двух национальных гвардейцев. Оба стояли, с виноватым видом уставившись в пол; между ними — зеленый пластмассовый сундук с откидной крышкой. Изнутри его стенки были выложены слоем пенопласта. Сундук был готов принять в себя самое главное сокровище этой пещеры, чтобы в целости и сохранности доставить его в новое место.

— И что нам теперь делать? — кисло спросил Райан.

Мэгги не ответила. Ноги сами принесли ее к каменному ящику на полу. Любопытство взяло верх, и она опустилась рядом с ним на колени.

В следующий миг рядом с ней вырос Хэнк.

— Думаю, нам не стоит это трогать. Сначала мы должны зафиксировать нанесенный урон, а потом...

— Можно осторожно заглянуть внутрь, — предложила Мэгги, протянув руку к треснувшему камню, все еще завернутому в кусок коры. — Что произошло, то произошло.

— Мэгги! — В голосе Хэнка прозвучало предостережение.

Женщина подняла отколовшийся кусок камня и осторожно отложила его в сторону. Впервые за многие века внутрь каменного контейнера скользнул луч света.

Затаив дыхание, она сняла еще один отколовшийся кусок камня, чтобы лучше рассмотреть, что там внутри. Похоже, в каменном контейнере хранились металлические пластины, потемневшие от времени. Мэгги наклонилась ниже и покачала головой.

Странно...

— Там на них какие-то письмена? — спросил ее Хэнк. Похоже, он не меньше, чем она, сгорал от любопытства.

— Это могут быть лишь следы коррозии.

Мэгги протянула руку и осторожно провела большим пальцем по небольшому кусочку пластины. Черная смазка стерлась, и под ней мелькнул знакомый желтый блеск. Мэгги снова распрямила спину.

— Золото! — с благоговейным трепетом прошептал Хэнк.

Мэгги посмотрела на него, затем на штабели ящичков. Она легко представила себе их содержимое. От волнения ее сердце было готово выскочить из груди. Интересно, сколько же здесь золота?

Пытаясь оценить стоимость сокровищ, Мэгги поднялась с пола.

— Майор Райан, — сказала она. — Мне кажется, вы и ваши солдаты проводите внутри слишком много времени.

Майор издал раздраженный стон.

— Значит, здесь еще больше золота.

Мэгги повернулась к гранитной колонне в центре пещеры. На ее верху покоился массивный череп саблезубого тигра. Уже сама по себе эта доисторическая находка представляла немалую ценность — духовный тотем древнего племени. Столь важен он был для них, что древние люди покрыли весь череп гигантской кошки листовым золотом.

Мэгги медленно обошла бесценного идола. Почему-то ей сделалось страшно. Нет, здесь явно что-то не так. Она не могла сказать, что именно, но подспудно чувствовала некую страшную тайну.

К сожалению, времени на размышления у нее не было.

— В таком случае давайте хотя бы вынесем отсюда череп, — распорядился Райан. — А с ящиками разберемся потом. Скажите, вы справитесь сами или мне и моим ребятам вам помочь?

— Мы сами, — довольно резко ответил Хэнк, вставая.

Мэгги кивнула, и они с Хэнком заняли позиции с обеих сторон золотого тотема. Мэгги протянула руки, и ее пальцы застыли над длинными золочеными клыками.

— Я ухвачусь за него спереди, — сказала она, — а ты поддерживай затылок. По моему счету мы поднимем его и положим в ящик.

— Понял.

Они вместе взялись за артефакт. Мэгги ухватилась за клыки, в том месте, где они присоединялись к черепу. Ее пальцев едва хватило, чтобы их обхватить.

— Раз, два, три...

Совместными усилиями они оторвали череп от постамента. Покрытый листовым золотом, он оказался гораздо тяжелее, чем она предполагала. Кроме того, ей показалось, будто внутри него что-то сдвинулось, как будто

внутри черепной коробки был насыпан песок. Любопытство вспыхнуло в ней с новой силой. Увы, с любым дальнейшим исследованием придется подождать. Двигаясь боком, они с Хэнком дотащили череп до сундука и осторожно опустили внутрь. Находка тяжело легла на пенопластовую подложку.

Оба выпрямились и встали друг напротив друга. Хэнк вытер руку о джинсы и вопросительно посмотрел на Мэгги. Значит, он это тоже почувствовал. Не только, как сдвинулся песок, а что-то еще. В пещере было жарко, и она ожидала, что древний череп окажется по крайней мере теплым. Увы, несмотря на геотермальный жар, его поверхность была холодна, как лед.

Черт побери этот холод. Мэгги прочла в глазах Хэнка сомнение — такое же, что одолевало и ее.

Но не успела она сказать и слова, как Райан захлопнул крышку контейнера и указал на выход.

— Мои ребята вынесут череп из пещеры. Дальше занимайтесь им сами. Это ваша забота.

12 часов 12 минут

Пригнувшись как можно ниже, Каи проследила, как все пятеро прошествовали через зал мумий. Впереди шла пожилая женщина. Ее волосы были убраны под широкополую шляпу. За ней следовали трое национальных гвардейцев. Двое из них тащили между собой пластиковый сундук.

Золотой череп, решила она.

Они уносили его, как, собственно, и предполагалось. Пока что все, похоже, шло в соответствии с планом. Как только череп вынесут, пещера останется в полном ее распоряжении. Она подложит заряды, дождется наступления ночи, после чего незаметно выберется наружу. Как только это место опустеет, они взорвут пещеру и навсег-

да похоронят в ней своих предков. Это будет их громкое заявление. Сколько можно им, коренным американцам, каждый раз выпрашивать разрешения у правительства, тем более что речь шла о таких основополагающих правах, как право хоронить своих мертвых?

Каи бросила взгляд на высокую фигуру, замыкавшую колонну, и в ней тотчас проснулось раздражение. Она знала, кто это такой. Знала, как и большинство ее соплеменников. Профессор Генри Канош вызывал смешанные чувства. Кто-то им гордился, кто-то его ненавидел. Нет, никто не сомневался в том, что он поддерживал идею суверенитета индейцев. Более того, говорили, что только благодаря его активному участию за последние годы территории резерваций в западных штатах удалось расширить на целых десять процентов.

Увы, как и многие его соплеменники-шошоны, Канош перешел в веру мормонов. Отринув верования предков, он присоединился к тем, кто когда-то преследовал и уничтожал населявшие Юту племена. Уже одно это делало его изгоем в глазах многих местных индейцев. Каи как-то раз слышала, как Джон Хокс отзывался о нем. «Индейский дядя Том» — вот как назвал он Хэнка.

Когда группа приблизилась к выходу из тоннеля, профессор Канош обернулся и сказал:

— До тех пор, пока ситуация не прояснится, ни слова о том, что мы нашли в этих ящиках. Все дружно держим язык за зубами. Не хватало нам здесь золотой лихорадки.

Каи моментально навострила уши. Золото?

Судя по тому, что ей было сказано, единственным золотом здесь были пластины, покрывавшие доисторический череп. Лидеры ее группировки не имели ничего против того, чтобы череп был вынесен из пещеры.

Предполагалось, что артефакт будет выставлен в Музее американских индейцев, что в принципе неплохо. Кроме того, если бы позолоченный череп в результате взрыва

оказался завален землей вместе с мумиями, наверняка нашелся бы кто-то, кто попробовал бы его выкопать и тем самым нарушил покой ее предков.

Но если там есть еще золото...

Каи дождалась, когда в тоннель войдут все остальные, после чего встала и, закинув на плечи рюкзак, осторожно двинулась между рядами мертвых тел к дальней пещере — хотела взглянуть собственными глазами. Если там и впрямь сложено золото, то это коренным образом меняет дело. Как и в случае с черепом, подобная находка наверняка привлечет сюда орды золотоискателей.

Она просто обязана узнать правду.

Сгорая от любопытства, Каи добралась до входа в дальний тоннель. Но стоило ей нырнуть в его темную пасть, как ей вновь сделалось страшно. Если там действительно хранятся горы золота, значит, национальные гвардейцы вернутся его охранять, что существенно затруднит планы ее побега. Она вполне может угодить в капкан. Если ее поймают, как она объяснит, откуда у нее взялся набитый взрывчаткой рюкзак? За такое ей светят годы в тюрьме, если не десятилетия.

От этих мыслей страх вспыхнул в ней с новой силой. Она ускорила шаг.

Войдя в дальнюю пещеру, Каи щелкнула фонариком и поводила лучом по темному, тесному помещению. Сначала она ничего не увидела. Лишь старые каменные ящики и пустой гранитный постамент. Но затем у ее ног что-то вспыхнуло, и она посмотрела вниз. На полу лежал разбитый каменный ящик.

Каи опустилась на одно колено и поднесла фонарик ближе. Внутри ящика оказались металлические пластины примерно в полдюйма толщиной. Слой грязи в углу одной из пластин был стерт, и чистый участок поблескивал золотом. Каи села на пол, озадаченно глядя на находку. Затем на всякий случай провела лучом фонарика по сложенной из каменных ящиков стене.

Что же мне теперь делать?

У нее с собой ни радиопередатчика, ни телефона. Она даже не может попросить о помощи. К ней вернулось ощущение, что она попала в западню. Так что решение придется принимать ей самой. Время поджимало. Сейчас сюда того и гляди вернутся гвардейцы. От страха мысли путались в голове. Дыхание давалось с трудом. Казалось, тьма давит на нее со всех сторон.

Снаружи послышался крик. Каи вся сжалась и развернулась лицом к выходу. За первым последовали новые голоса. Кто-то кричал.

Она вскочила на ноги. Что там происходит?

Каи схватила рюкзак. Было ясно, что их чудный план рассыпается прямо на глазах. Сердце громко билось в груди, подстегиваемое паникой. Страх мешал думать. Каи наклонилась, сунула руку в каменный ящик, схватила три верхние золотые пластины, каждая примерно в восемь квадратных дюймов. Они оказались на редкость тяжелыми. Каи засунула их под куртку, а чтобы они не выскользнули, под самое горло застегнула куртку на молнию.

Ей необходимо доказательство для Джона Хокса, почему она не довела до конца свое задание. Нет, конечно, он будет ею недоволен, но, с другой стороны, золоту наверняка найдется применение, особенно если правительство решило скрыть факт его находки. Ей вспомнились последние слова профессора Каноша.

Держим язык за зубами.

Она намеревалась сделать то же самое, но для начала ей надо выбраться наружу. Каи снова бросилась в главную камеру. Разгневанные голоса снаружи сделались громче. Она понятия не имела, что тому причиной, однако надеялась, что это поможет ей убежать отсюда. Она знала, что ей придется пойти на риск. В противном случае ей светило просидеть здесь до тех пор, пока не вернутся гвардейцы, и тогда она уж точно попадет в капкан.

Ей оставалась одна-единственная надежда, ее главное достоинство — быстрые ноги. Главное, вырваться отсюда и добежать до леса...

Да, но что там стоит у нее на пути?

— Всем отойти! — донесся до нее громогласный голос профессора Каноша.

12 часов 22 минуты

Мэгги стояла буквально в паре ярдов от входа в пещеру. Они не успели сделать и нескольких шагов, как стали участниками «циркового представления».

На нее были нацелены объективы фотокамер, яркие вспышки блицев слепили глаза. Она сделала шаг в сторону и тотчас узнала точеные черты лица, седые волосы и холодные голубые глаза главного репортера Си-эн-эн. Рядом с ним стоял губернатор штата Юта. Неудивительно, что национальные гвардейцы не стали препятствовать появлению здесь съемочной группы. Ничто так не способствует росту популярности политика, как умение вовремя попасть в объективы видеокамер во время избирательной кампании.

Разумеется, вместе со съемочной группой сюда нагрянула толпа митингующих, которых хлебом не корми, дай засветиться в СМИ.

— Вы пытаетесь украсть наше культурное наследие! — выкрикнул кто-то из людской массы.

Мэгги заметила провокатора. Одет в оленью шкуру, лицо раскрашено. В одной руке — айфон, на который он записывал репортаж с места событий. Запись будет выложена в Интернете самое большее через час.

Мэгги прикусила язык, зная, что любое неосторожное слово с ее стороны может обернуться скандалом.

Буквально полминуты назад, когда они вышли из пещеры, толпа ринулась на них, минуя губернатора, кото-

рый в тот момент давал интервью в прямом эфире. Кого-то сбили с ног. Тотчас вспыхнули мелкие драки, грозя перерасти в массовую потасовку. Майор Райан был вынужден выставить кордон из национальных гвардейцев. Лишь такими драконовскими методами буянов удалось оттеснить назад, и относительный порядок был восстановлен.

Тем временем Хэнк и другие гвардейцы образовали нечто вроде стены между ней и толпой журналистов и протестующих.

Хэнк поднял руку.

— Если вы хотите увидеть артефакт, — пророкотал он, — мы вам его покажем. Но после этого профессор Грантхем отвезет его в университет, где им займутся специалисты из Смитсоновского музея американских индейцев.

Договорить ему не дал очередной гневный выкрик:

— То есть вы намерены сделать с этим черепом то же самое, что сделали с телом Черного Ястреба!

Мэгги поморщилась. Это было больное место в истории Юты. Черный Ястреб, местный индейский вождь, погиб во время стычки с белыми поселенцами в середине XIX века. Впоследствии его тело выставлялось на всеобщее обозрение в различных музеях, но в конце концов было утрачено. Лишь спустя какое-то время один бойскаут, работая над краеведческим проектом, обнаружил скелет в историческом отделе Мормонской церкви. После долгих лет кости вождя наконец были преданы земле.

Терпение Мэгги было на исходе. Стоя рядом с зеленым пластмассовым контейнером, она подняла руку, призывая всех успокоиться. Взгляды собравшихся и объективы камер тотчас обернулись в ее сторону.

— Нам нечего скрывать! — выкрикнула она. — Безусловно, эта находка уже обросла слухами. Но позвольте мне заверить всех, кто собрался здесь, что мы будем обращаться с ней с величайшим уважением.

— Хватит с нас вашей болтовни! Если вам нечего скрывать, покажите нам этот череп!

Этот возглас подхватили остальные, и вскоре толпа уже скандировала свое требование.

Мэгги посмотрела на губернатора. Тот ответил ей еле заметным кивком. Мэгги подозревала, что для большинства демонстрантов золотой тотем был не столько важной исторической находкой, сколько поводом лишний раз помитинговать. Что ж, если здесь собрался целый цирк, почему бы ей не выступить в роли распорядителя арены.

Повернувшись к ним спиной, она нагнулась над ящиком и попыталась расстегнуть тугие застежки. С ее артритом сделать это было непросто. Кроме того, висевший над долиной туман постепенно перешел в мелкий, противный дождь, и теперь на пластмассовую крышку контейнера падали дождевые капли. Глядя на нее, толпа притихла.

Наконец застежки поддались, и Мэгги приподняла крышку. Поскольку шел дождь, она решила, что одной минуты будет более чем достаточно. Посмотрела на золотой череп на подложке из пенопласта. Даже в тусклом свете пасмурного дня он сверкал так, будто купался в солнечных лучах.

Мэгги отступила в сторону, давая возможность собравшимся взглянуть на находку, сама не в силах отвести взгляд от черепа. Над ним уже повисла легкая туманная дымка, а в следующий миг на золотую поверхность упала первая капля дождя, которая тотчас застыла ледяной слезой.

За ее спиной толпа дружно ахнула.

Мэгги решила, что все остальные тоже заметили это чудо. Затем ее ухо уловило чьи-то торопливые шаги. Она подняла глаза и увидела, как буквально в ярде от нее из пещеры выпрыгнула девушка в черных джинсах и куртке. Черные волосы развевались у нее за спиной, подобно крыльям ворона. Одна рука девушки была прижата к телу. Тем

не менее из-под куртки что-то выскользнуло и со звонким стуком упало на камни.

Золотая пластина.

— Стоять! — крикнул Райан воровке.

Не обращая на него внимания, та уже собралась со всех ног броситься к лесу. Увы, в следующую секунду она поскользнулась на влажном от дождя камне, споткнулась, выбросила для равновесия одну руку и в результате выронила рюкзак. Тот покатился вниз и остановился рядом с ящиком. Девушка едва не упала вместе с ним, однако тотчас же, словно испуганный олень, вернула равновесие, развернулась на одном мыске и прыжком бросилась к краю леса.

Мэгги застыла на месте. Она согнулась над открытым ящиком, чтобы защитить находку собственным телом. Затем посмотрела на покрытый золотом череп — хотела убедиться, что тот остался в целости и сохранности. За это короткое время на него упало — и превратилось в лед — еще несколько дождевых капель. Теперь они украшали его поверхность, словно перламутровые бусины.

Мэгги протянула руку и потрогала одну такую замерзшую каплю. Ее руку тотчас как будто пронзило током, но вместо того, чтобы отлететь назад, она почувствовала, как некая сила тянет ее руку вперед.

Ее ладонь примерзла к золотой поверхности. При контакте кости ее пальцев как будто воспламенились и насквозь прожгли изнутри мягкие ткани. От ужаса у Мэгги перехватило горло. Колени сделались ватными.

Она услышала, как Хэнк что-то крикнул. Затем ему вслед проревел Райан. До ее сознания дошло всего одно слово:

— Бомба!

12 часов 34 минуты

Яркая вспышка ослепила Хэнка. Еще мгновение назад он криком предостерег Мэгги, а в следующее мир пе-

ред его глазами исчез, зато рядом с его головой прогремел гром, от которого заложило уши, и он полностью оглох. Холодная взрывная волна сбила его с ног, как будто сам Господь Бог толкнул его в грудь. Хэнк упал на спину, но затем почувствовал, будто некая невидимая сила тянет его к эпицентру взрыва.

Охваченный паникой, он сопротивлялся из последних сил. Ощущение это не просто пугало, оно было совершенно противоестественным. Он боролся с этим странным притяжением едва ли не каждой клеткой своего тела.

Затем все кончилось — столь же внезапно, как и началось.

Неведомая сила отпустила его. К нему вернулись чувства. Уши наполнились воплями и рыданиями. Зрение вновь обрело фокус. Он лежал на боку, глядя туда, где буквально мгновение назад стояла Мэгги. Хэнк даже не шелохнулся, отказываясь верить своим глазам.

Мэгги там не было. Как не было ящика, черепа и большей части скалы, включая вход в пещеру.

Хэнк приподнялся на локте и поводил глазами в разные стороны.

Мэгги как ветром сдуло — ни обугленных останков, ни изуродованного тела. Ничего, кроме черного круга дымящейся скальной породы.

Хэнк с трудом приподнялся. Как оказалось, рядом с его животом, поджав хвост, сжался в комочек Кауч. Хэнк ласково погладил собачий бок, успокаивая четвероногого друга.

— Все хорошо, — сказал он, сам не веря своим словам.

К этому моменту большинство людей уже поднялись на ноги. Начался массовый панический исход. Журналисты отошли повыше, оттесненные кордоном Национальной гвардии. Два гвардейца сопровождали губернатора — мера предосторожности на случай новой атаки.

Харри представил брошенный девушкой рюкзак. Упав рядом с ящиком, тот открылся, и его содержимое высы-

палось наружу — кубики желто-серой глины с вдавленными в нее проводами.

Майор Райан мгновенно распознал угрозу. Бомба.

Увы, Мэгги услышала предостережение слишком поздно.

Хэнк чувствовал, что его душит ярость. Но стоило ему представить хозяйку рюкзака, как его гнев слегка остыл. Судя по смуглой коже, карим глазам и темным, как смоль, волосам, она явно была коренной жительницей континента. Террористка-одиночка. Как будто без этого здесь не хватает проблем.

Охваченный ужасом, он, шатаясь, подошел к зоне взрывного поражения, пытаясь понять, что там произошло. Рядом с ним майор Райан подобрал с земли каску и вернул ее себе на голову.

— Первый раз вижу такое, — произнес майор. Он еще толком не пришел в себя. — По идее, взрыв такой силы должен был отправить на тот свет половину толпы, включая нас с вами. — Он протянул руку ладонью вверх. — Вы только почувствуйте жар.

Хэнк последовал его примеру — воздух был горячий, как в доменной печи. А еще пахло серой, и от этого запаха Хэнку сделалось муторно.

У них на глазах крупный валун, оказавшийся в зоне взрыва, развалился на мелкие крошки. То же самое творилось и с поверхностью утеса: тот начал рушиться, превращаясь в камни и песок, который затем устремлялся вниз. Казалось, будто твердый гранит превратился в рыхлый песчаник, готовый в любой момент рассыпаться каменной трухой.

— Посмотрите на землю, — сказал Райан.

Хэнк уставился на взорванную скалу, раскаленную и дымящуюся после взрыва. Капли дождя падали на нее и с шипением испарялись. И все-таки он не понял, что

привело майора в такое волнение. Но опять-таки, тот намного моложе его, и со зрением у него лучше.

Хэнк опустился на колени, чтобы ближе рассмотреть землю. И тогда он тоже увидел это. Сразу заметить ему помешали клочья тумана. Каменная поверхность была не сплошной, а скорее напоминала молотый перец, и она двигалась!

Частички скакали и подпрыгивали, как капли масла на раскаленной сковородке. На его глазах небольшой камешек превратился в песок, а затем и вообще в порошок. Капля дождя, упав на землю, оставила после себя кратер. Словно от камня, упавшего в пруд, от него начали расходиться круги. Хэнк покачал головой, отказываясь верить собственным глазам. В следующий момент край утеса превратился в мелкий песок. Зона взрыва расширялась, поглощая все вокруг себя.

— Она увеличивается, — понял Хэнк и оттолкнул Райана прочь.

— Вы о чем?

Ответа у Хэнка не было, хотя в нем он не сомневался.

— Что-то по-прежнему в активном состоянии. Это нечто разъедает скальную породу и распространяется дальше.

— Вы в своем уме? Как может?..

Внезапно в центре зоны взрыва раздался хлопок, и в следующий момент на несколько ярдов вверх, шипя и кашляя, вылетела мощная струя горячего пара. От жара все отпрянули назад.

Когда они наконец оказались на безопасном расстоянии, кожа Хэнка горела, словно ошпаренная, глаза слезились. Жадно хватая ртом воздух, он с трудом выдавил из себя несколько слов:

— Похоже, трещина дошла до геотермального источника... под долиной.

— О чем вы? — Райан поднял повыше воротник, прикрывая нос и рот. Дышать парами сероводорода было просто опасно.

— Что бы здесь ни происходило, оно распространяется не только вширь. — Хэнк указал на мини-гейзер. — Но также и вглубь.

Глава 3

30 мая, 15 часов 39 минут
Вашингтон, округ Колумбия

Вот и плакали его планы относительно ужина.

Хотя взрыв в Юте произошел всего час назад, Пейнтер Кроу знал, что теперь просидит в кабинете всю ночь. Подробности поступали с каждой минутой. Тем не менее полноты картины до сих пор не было: взрыв произошел в удаленной горной части штата. Все разведслужбы Вашингтона были подняты по тревоге и приведены в полную боеготовность.

В том числе и «Сигма».

Команда Пейнтера действовала как секретное подразделение УППОНИР, Управления перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ, и состояла из тщательно отобранных солдат. Тех, чей уровень интеллектуального развития зашкаливал за все мыслимые пределы, или тех, кто проявил уникальные умственные способности в той или иной области. Пейнтер набирал и готовил их в самых разных научных областях. Пройдя такой курс подготовки, они становились оперативными агентами исследовательского подразделения Министерства обороны. Его подчиненные работали в самых разных концах света, защищая мир от возможных глобальных угроз.

Обычно такие случаи, как этот, не попадали в сферу его ответственности. Однако аномальные подробности

привлекли внимание его босса, начальника Управления, генерала Грегори Меткалфа. И хотя Пейнтер был несогласен с тем, что вверенные ему ресурсы отвлекают из-за какого-то там взрыва в Юте, противоречивая информация, поступающая с места событий, а также просьба самого президента — который, между прочим, в прошлом был обязан жизнью его «Сигме» — вынудили его заняться столь щекотливым делом.

Да и разве ответишь отказом президенту Джеймсу Т. Ганту?

И Пейнтер был вынужден распрощаться со своими первоначальными планами. Прощай, барбекю в обществе подружки.

Вместо этого он теперь стоял спиной к рабочему столу и всматривался в огромные плоские мониторы, занимавшие три стены его кабинета. На них был изображен взрыв в самых разных ракурсах. Материалы поступили от Си-эн-эн, чьи журналисты вели репортаж с места события. На других мониторах виднелись зернистые видео- или фотоснимки, сделанные мобильными телефонами, этими новоявленными цифровыми глазами всего мира.

В сотый раз Кроу смотрел закольцованный репортаж Си-эн-эн. Он видел, как пожилая женщина — антрополог, доктор Маргарет Грантхем — склонилась над зеленым военным транспортировочным контейнером. Как расстегнула замки и приподняла крышку. Затем последовал какой-то шум, камера задергалась и резко переместилась в сторону. Пейнтер разглядел позади женщины убегающую фигуру, после чего последовала ослепительная вспышка.

Взяв в руки пульт, Кроу остановил запись и, прищурившись, всмотрелся в самое сердце взрыва. Ему показалось, что он разглядел внутри яркой вспышки тень женщины, этакий темный призрак на фоне слепящего огня. Он, кадр за кадром, прокрутил картинку вперед, наблю-

дая, как огонь постепенно поглощал эту тень, пока та не исчезла совсем.

С тяжелым сердцем Пейнтер вновь нажал на кнопку быстрой перемотки вперед. С этого момента запись сделалась хаотичной, на ней мелькали деревья, небо, бегущие люди. В конце концов оператор нашел удачную точку, с которой он счел безопасным возобновить запись. Теперь в кадре возникла дымящаяся зона взрыва. Внизу оставалась лишь горстка людей, осторожно осматривавших место трагедии. Спустя еще несколько секунд из земли к небу устремился горячий гейзер и прогнал прочь последних смельчаков.

На столе Пейнтера уже лежал первоначальный отчет, выполненный геологом «Сигмы». По его мнению, в результате взрыва выход на поверхность получил «подземный геотермальный источник».

Кроу в который раз пристально посмотрел на гейзер. Источник перестал быть подземным. Отчет геолога включал топографическую карту местности, на которой были помечены точки выхода горячих источников. Даже несмотря на сухой профессиональный жаргон отчета, Пейнтер почувствовал энтузиазм молодого геолога, испытал желание лично исследовать место рождения гейзера. Эта страсть была ему хорошо понятна.

Тем временем Национальная гвардия оцепила место происшествия. И разумеется, велись усиленные поиски загадочной фигуры, замеченной за мгновения до взрыва. Пейнтер вновь взял в руки пульт и остановил картинку с размытым силуэтом террористки, запечатленным на какие-то доли секунды.

Согласно опросам свидетелей, это была молодая женщина. Она бросила на землю рюкзак, полный взрывчатки С-4 и снабженный детонаторами, а сама убежала в лес. Национальная гвардия, местная полиция и агенты подразделения ФБР в Солт-Лейк-Сити пытались оцепить место

трагедии, но горная местность, поросшая густым лесом, мешала вести поиски, тем более что террористка, видимо, хорошо знала эти места.

Но, что было еще хуже, очевидцы утверждали, что женщина эта была коренной американкой. Если это так, то дело приобретает нехорошую политическую окраску.

Пейнтер посмотрел на свое отражение в экране монитора и задумался о собственных предках. Он и сам был смешанных кровей. Индеец-пеко по отцовской линии, голубые глаза и светлую кожу Кроу унаследовал от матери-итальянки. Он редко — если не сказать, что почти никогда — воспринимал себя как коренного американца. Но если как следует приглядеться, в его внешности можно различить индейские черты: высокие скулы, черные, как смоль, волосы. Причем чем старше он становился, тем явственнее эти индейские черты проступали.

Вот и Лиза совсем недавно что-то сказала по этому поводу. Они с ней нежились все воскресенье в постели, читали газеты и не видели причин вставать. Помнится, она тогда приподнялась на локте и, склонившись над ним, провела пальцем по его лицу.

— Загар держится на тебе дольше, а морщинки стали глубже. Теперь ты все сильнее становишься похож на отца.

Сказать по правде, это были не совсем те слова, которые он хотел бы услышать, нежась в постели с молодой женщиной.

Она потянулась и потрогала единственную седую прядь у него за ухом, этакое белое перышко на фоне волос цвета воронова крыла.

— Но, может, это потому, что ты решил отрастить волосы. Вскоре тебе можно будет заплетать боевую косу.

На самом деле в его планы не входило отпускать волосы. Просто в последнюю пару месяцев у него не было возможности вырваться к парикмахеру, так как все свое время он проводил в командном штабе «Сигмы». Этот тайный

штаб был запрятан глубоко под Смитсоновским институтом на Эспланаде, занимая бывшее бомбоубежище времен Второй мировой войны. Место это было выбрано специально. С одной стороны, отсюда рукой подать до коридоров власти. С другой стороны — Смитсоновский институт располагал необходимыми исследовательскими мощностями.

Именно здесь Пейнтер проводил почти все свои дни. В последнее время его единственным окном в мир были три огромных монитора в служебном кабинете.

Кроу отвернулся и вновь подошел к столу, думая о том, каковы будут последствия, если подтвердится, что виновница взрыва — женщина индейских кровей. Пейнтер редко задумывался о своих индейских корнях, тем более что его детство и юность прошли в бесчисленной череде приемных семей. Его мать после семи лет брака и рождения сына, будучи в приступе депрессии, насмерть заколола отца. Пейнтер какое-то время поддерживал связь с родственниками по отцовской линии. Но после семейной трагедии и хаотичного воспитания, полученного в приемных семьях, он предпочитал воспринимать себя как американца европейского происхождения, а про индейскую кровь почти не вспоминал.

Его размышления прервал стук в открытую дверь кабинета. Пейнтер поднял глаза. В дверном проеме стоял Рональд Чин, эксперт-геолог.

— Я подумал, вам это будет интересно.

Пейнтер жестом велел ему пройти внутрь. Интересно, пригнет он голову или нет? Ростом Чин был почти шесть футов и казался бы еще выше, если бы не брил голову наголо. На нем был серый лабораторный комбинезон, застегнутый лишь наполовину, отчего была видна надетая под ним армейская футболка.

— Что это? — спросил Пейнтер.

— Я тут просматривал отчеты и наткнулся на нечто такое, что показалось мне важным. — Чин положил папку

на стол. — Это показания национального гвардейца, майора Эшли Райана. Большая часть вопросов касается личности террористки, а также событий, предшествовавших взрыву. Но, похоже, майора Райана куда больше взволновал сам взрыв.

Пейнтер выпрямился и потянулся за папкой.

— Посмотрите восемнадцатую страницу. Я специально выделил нужные места маркером.

Пейнтер открыл отчет, перелистал и начал читать выделенные желтым цветом абзацы. Там было всего несколько реплик, но последнее заявление майора заставило его кровь похолодеть.

— Земля как будто растворялась, — прочел он вслух показания майора.

Чин стоял, заложив руки за спину по другую сторону стола.

— Этот взрыв мне показался странным с самого начала. И я проконсультировался с нашим взрывником. Он пришел к такому же самому выводу. Для взрыва, способного пробить скальную породу и дать выход на поверхность геотермальным водам, его радиус должен быть в десять раз больше.

— Все верно, — перебил его из коридора чей-то недовольный голос. — По идее, должно было рвануть гораздо сильнее.

Пейнтер обернулся. Похоже, их новый эксперт по бомбам пришел поддержать мнение своего коллеги. Взрывник стоял, прислонившись к косяку двери. Он был как минимум на фут выше Чина и на добрых сорок фунтов тяжелее — этакая гора мышц. Темные волосы были коротко стрижены, однако зачесаны назад и приглажены при помощи геля. Одет он был в такой же лабораторный комбинезон, что и Чин, но, судя по голой груди, под комбинезоном у него ничего не было.

Зато в правой руке у него была пригоршня глины.

Пейнтер нахмурился.

— Ковальски, это взрывчатка С-4 из нашего сейфа?

Взрывник пожал плечами и сделал виноватое лицо.

— Я подумал, что неплохо бы провести эксперимент.

Пейнтеру сделалось слегка не по себе. Джо Ковальски, бывший моряк, был принят в «Сигму» несколько лет назад. В отличие от других членов команды, он скорее пришел сюда сам, нежели получил приглашение. Сначала он служил в качестве мускульной силы, но затем Пейнтер решил, что парень не так прост и под внешностью громилы у него скрывается острый ум.

По крайней мере, он на это надеялся.

После того как Ковальски пришел в «Сигму», Пейнтер досконально изучил его личное дело — хотя бы с тем, чтобы верно оценить таланты нового сотрудника, — и в конечном итоге отправил учиться на взрывника. У Ковальски явно имелись к этому склонности.

И вот теперь Кроу пожалел об этом решении.

— Я не думаю, что нам понадобятся эксперименты, — он похлопал папкой о стол. — Вы ознакомились с отчетом с места событий?

— Я его просмотрел.

— И что вы скажете?

— Это однозначно не С-4, — Ковальски поднял руку с взрывчаткой и сжал кулак. — Причиной взрыва было что-то другое.

— Какие будут соображения?

— Никаких, пока не будет исследовано место взрыва. Необходимо собрать кое-какие образцы. А так — не могу сказать ничего конкретного.

Нет, все же Ковальски нужно воздать должное. Его оценка событий была в целом верна.

— Кто-то наверняка знает правду. — Пейнтер откинулся на спинку стула и посмотрел на экран, на котором

застыло изображение террористки. — При условии, что мы ее найдем.

12 часов 22 минуты
Горный район, штат Юта

Каи спряталась среди зарослей горной ивы рядом с холодной речкой. Опустившись на колени, она набрала пригоршню прозрачной воды и жадно выпила. Ей было все равно, каких желудочно-кишечных паразитов она может при этом подцепить. Тем более что здешние реки — результат таяния горного снега. Мучимая жаждой, она могла наплевать на возможные последствия.

Утолив, пусть и не сполна, жажду, Каи зарылась лицом в холодные, влажные ладони. Холод помог ей привести в порядок мысли.

И все же, стоило ей всякий раз закрыть глаза, как перед мысленным взором всплывала одна и та же картина. Вот она выскакивает из пещеры, вот оглядывается назад, а в следующий миг все вокруг озаряет слепящая вспышка и грохочет гром. Затем за ее спиной раздаются истошные крики, и она со всех ног бежит в лес.

Почему я уронила рюкзак?

Джон Хокс утверждал, что С-4 — вещь безопасная. Он сказал, что в нее можно выстрелить, и ничего не будет. Что же случилось не так?

Мучимая страхом, Каи пришла лишь к одному пугающему выводу. Неужели кто-то из их группировки заметил, как она выскочила из пещеры, и позвонил тем, кто активировал детонаторы?

Но зачем это было делать, когда вокруг было столько людей? А ведь ее заверили, что люди не пострадают...

Времени на размышления у нее не было. Прошедшие два часа Каи со всех ног летела через лес, как горная лань, стараясь не выбегать на открытые пространства. Один раз

она уже заметила вертолет — он прострекотал мимо горного хребта. И хотя это, скорее всего, был вертолет журналистов, а не полицейская винтокрылая машина, Каи предпочла забиться в лесную чащу.

В оставшиеся светлые часы она пыталась поддерживать расстояние между собой и преследователями. Она не сомневалась, что ее будут искать, и даже представила свой фотопортрет на телеэкранах всей страны. Каи отнюдь не тешила себя иллюзиями. Вскоре все узнают, кто она такая.

А все эти камеры. Кто-то наверняка успел ее сфотографировать. Так что ее поимка — лишь вопрос времени... Черт, ей срочно нужна помощь. Но кому она может довериться?

16 часов 35 минут
Вашингтон, округ Колумбия

— Директор, кажется, мы кое-что засекли.

— Показывайте, — сказал Пейнтер, заходя в полутемную комнату, освещенную лишь экранами компьютерных мониторов и датчиков.

Центр спутниковой связи всегда напоминал ему командный пункт атомной подлодки, где свет всегда приглушен в целях лучшего ночного видения. И как и командный пункт подлодки, это был своего рода нервный узел команды его подчиненных. Любая информация поступала сюда и выходила отсюда через связанные между собой сети самых разных разведслужб, как национальных, так и зарубежных.

И главный паук этой паутины стоял сейчас перед мониторами и даже помахал ему, приглашая подойти ближе. Вернее, помахала. Кэтрин Брайант возглавляла разведподразделение «Сигмы» и была вторым после Пейнтера руководящим лицом. Тонкий игрок в мире местных политических игр, здесь, в Вашингтоне, она была его глазами

и ушами. И как любой другой хороший паук, Кэт зорко следила за состоянием паутины, стараясь опутать своими нитями весь мир. Но самым ценным ее даром была способность тонко чувствовать вибрацию нитей, отфильтровывать помехи и выдавать на-гора результаты.

Как и сейчас.

Кэт заманила его сюда вниз обещанием реального прорыва.

— Дайте мне секунду, и я выведу на экраны информацию из Солт-Лейк-Сити, — сказала она.

Говоря эти слова, Кэт слегка поморщилась и, положив одну руку на живот, другой забегала по клавиатуре. На восьмом месяце беременности она стала просто огромной, однако отказывалась уходить в декретный отпуск. Единственной уступкой ее нынешнему состоянию был отказ от облегающей формы. Строгий служебный костюм сменило более свободное платье, поверх которого Кэт носила форменный китель. А еще она перестала убирать каштановые локоны в хвост, и они теперь свободно падали ей на плечи.

— Может, ты все-таки сядешь? — сказал Кроу и пододвинул к монитору стул.

— Я просидела здесь весь день. Ребенок с самого обеда отбивает чечетку по моему мочевому пузырю. — Кэт жестом предложила Пейнтеру подойти ближе. — Директор, вам нужно это увидеть. С самого начала расследования я мониторила местные новостные программы в Солт-Лейк-Сити. Мне не составило труда влезть на их серверы и заглядывать им через плечо, когда они готовили очередные выпуски новостей.

— Но зачем?

— Потому что я решила, что спрятать мобильник проще простого.

Пейнтер вопросительно посмотрел на нее. Кэт сочла нужным пояснить:

— Судя по количеству людей, ставших очевидцами взрыва, нетрудно предположить, что кто-нибудь наверняка успел заснять террористку. Тогда почему этих кадров до сих пор нет в эфире?

— Наверно, потому, что народ запаниковал.

— После взрыва — да. Но не до него. Если предположить, что такой снимок все-таки был сделан, то почему его до сих пор не передали в полицию? Я хорошенько прошлась по этой версии. Все-таки жадность — великий двигатель.

— Ты считаешь, что кто-то нарочно утаил снимок террориста, чтобы заработать несколько лишних баксов?

— Ну, мне пришлось оттолкнуться от этого предположения. В разразившемся хаосе спрятать телефон не так уж и трудно. Или отослать кадры по электронной почте, или даже стереть. Я на всякий случай решила прошерстить все сегодняшние новостные программы в Солт-Лейк-Сити и откопала файл в компьютере местного филиала Эн-би-си, озаглавленный «Новые кадры взрыва в Юте».

С этими словами Кэт нажала на клавиши, и на экране возникло видео — еще одна версия десяток раз просмотренных ею событий. С той разницей, что на сей раз террористка была хорошо видна. Вот она, с рюкзаком в руках, выпрыгивает из пещеры. И хотя двигалась женщина быстро, на какую-то долю секунды она повернулась к камере лицом.

Кэт тотчас нажала на кнопку «стоп» и остановила картинку. Изображение было зернистым, но в том, что перед ними коренная американка, сомневаться не приходилось, как, впрочем, утверждали все очевидцы взрыва.

Пейнтер наклонился ниже. От волнения сердце у него было готово выскочить из груди.

— Можешь увеличить?

— Разрешение отвратительное. Мне нужно около минуты, чтобы сделать его резче. — Пальцы Кэт вновь за-

бегали по клавиатуре. — Думаю, мы должны опередить выход этих кадров в эфир. Начало программы запланировано на шесть вечера по местному времени. Я также прочла сопровождающий эти кадры текст. Он крайне враждебный. События представлены в нем как начало возможных беспорядков среди коренных американцев. В том же самом файле у них были размещены архивные кадры из Вундед-Ни.

Пейнтер с трудом сдержал стон. В 1973 году движение американских индейцев устроило в деревне Вундед-Ни, в Южной Дакоте, кровавую резню агентов ФБР. Завязалась перестрелка. Два человека погибли, многие получили огнестрельные ранения. Потребовались десятилетия, чтобы напряжение между местными племенами и правительством наконец пошло на убыль.

— Ну вот, — сказала Кэт. — Сосем другое дело.

Картинка на экране появилась вновь, в тысячу раз четче. Кэт поводила компьютерной мышкой, и лицо девушки заняло весь экран. Четкость изображения поражала. Были хорошо видны и широко раскрытые, полные ужаса глаза, и полуоткрытые губы, как будто она задыхалась, и темные волосы, развевающиеся во все стороны. И конечно же, типично индейские черты лица.

— А она хорошенькая, — заметила Кэт. — И кто-то наверняка ее знает. Думаю, ее имя будет известно уже в самое ближайшее время.

Но Пейнтер ее почти не слышал. Его взгляд был прикован к экрану. Поле его зрения сузилось лишь до этого лица на мониторе компьютера.

Кэт как будто почувствовала, что что-то не так, и повернулась к нему.

— Директор Кроу?

Не успел он ответить, как в кармане зазвонил мобильник. Пейнтер тут же его вытащил. Это был его личный телефон, работавший на незашифрованной частоте.

Наверно, это Лиза, хочет уточнить про барбекю. Он приложил телефон к уху, надеясь услышать ее голос.

Увы, это была не Лиза. Голос в трубке быстро проговорил:

— Дядя Кроу, мне нужна твоя помощь.

От неожиданности Пейнтер утратил дар речи.

— Я попала в беду. В страшную беду. Я не знаю...

Затем голос пропал, зато на заднем фоне послышался звериный рык, а вслед за ним полный ужаса вопль.

Пейнтер крепко сжал телефон.

— Каи!

Ответом ему стало молчание.

Глава 4

30 мая, 14 часов 50 минут
Горный район, штат Юта

Каи попятилась прочь от собаки.

Вся в грязи, мокрая и грязная, та производила впечатление дикой, если не бешеной. Зубастая пасть злобно оскалена. Глухо зарычав, пес подошел к ней, низко опустив голову и задрав хвост, готовый в любой миг в прыжке вцепиться ей в горло.

Окрик за ее спиной заставил ее вздрогнуть.

— Довольно, Кауч, сидеть!

Каи обернулась и увидела высокого мужчину в стетсоновской шляпе. Сидя верхом на гнедой лошади, он продирался сквозь заросли. Лошадь под ним двигалась с легкостью и изяществом, неслышно ступая по горному склону.

Каи прижалась спиной к дереву, готовая в любой момент броситься наутек. Она была уверена, что это шериф. Более того, могла поклясться, что разглядела его бляху, но стоило ему подъехать ближе, как оказалось, что это

не бляха, а висящий на шее компас, который незнакомец поспешил запихнуть под рубашку.

— Да, барышня, пришлось нам за тобой побегать, — бросил ей мужчина. Из-за низко надвинутой шляпы его лица почти не было видно. — Но нет того следа, который бы не взял Кауч.

В ответ на комплимент пес завилял хвостом, но умных карих глаз от нее не отвел. Более того, негромко зарычал.

Незнакомец выскользнул из седла и легко соскочил на землю. Погладил пса, чтобы тот успокоился, затем шагнул к ней.

— Не обижайся на него. Он все еще напуган взрывом и потому видит в любом врага.

Каи не знала, как ей воспринимать его слова. Ясно лишь одно — он не из полиции и не из Национальной гвардии. Может, грабитель? Она посмотрела на кобуру на его правом бедре. Интересно, пистолет предназначен для нее или это просто мера предосторожности против лесной живности, такой, как медведи и дикие кошки?

Наконец незнакомец шагнул из тени, снял шляпу и вытер носовым платком лоб. Каи тотчас узнала темные с проседью волосы, завязанные в конский хвост, и индейские черты лица, которые ни с чем не спутаешь. От волнения у нее закружилась голова. Она видела этого человека в горной пещере всего пару часов назад!

— Профессор Канош... — Имя сорвалось с ее губ само и прозвучало то ли с упреком, то ли с радостью.

Мужчина удивленно выгнул бровь, а потом протянул ей руку.

— Думаю, можно обойтись Хэнком, — сказал он после небольшой паузы.

Каи не приняла его руки. Она все еще помнила, что о нем рассказывал Джон Хокс. Мол, Канош — это индейский дядя Том. Предатель своего народа, который навер-

няка сотрудничает с правительством и при первом же случае выдаст ее властям.

Канош опустил руку и встал, упершись кулаками в бока. Пальцы левой руки касались кобуры на его бедре.

— И что мне теперь с вами делать, юная леди? Вы навлекли на себя неприятности размером с эту скалу. Вся полиция по эту сторону Скалистых гор сейчас ведет ваши поиски. Прогремевший взрыв...

Довольно, она отказывается это слушать!

— Я тут ни при чем! — выкрикнула она, громко и сердито. Ей срочно требовалось выплеснуть накопившую внутри злость. — Я даже не знаю, что там случилось!

— Вполне возможно, но во время этого взрыва кое-кто погиб. Близкий мне человек. И теперь полиция ищет того, на кого можно возложить за это вину.

Каи в упор посмотрела на него. В уголках его глаз залегли печальные морщины. Он не лгал.

Кипевшая в ней злость тотчас пошла на убыль. Ее худшие страхи оправдались. Каи зарылась лицом в ладони, вспомнив все: и вспышку, и грохот.

Не в силах стоять на ногах, она опустилась на землю и сжалась в комок рядом с толстым стволом какого-то дерева. По ее вине только что погиб человек.

К глазам тотчас подступили слезы. Рыдания, которые она пыталась сдерживать все это время, прорвались наружу. Каи беззвучно расплакалась.

— Мы не хотели никого убивать, — прошептала она, но слова эти показались бессмысленными даже ей самой.

На нее упала тень. Это профессор Канош опустился рядом с ней на колени и, обняв ее за плечи, привлек к себе. Она же не нашла в себе сил сопротивляться.

— Легко могу представить себе, *что* вы планировали совершить при помощи рюкзака, полного взрывчатки, — негромко произнес он. — Но ты была права. Этот взрыв — не твоя вина. Ты здесь ни при чем.

Его утешение было ей неприятно. В свое время отец учил ее отличать добро от зла, внушал, как это важно, уметь взять на себя ответственность. Большую часть ее жизни они провели вдвоем, Каи и ее отец. Отец работал на двух работах, чтобы у них на столе всегда была еда, а над головой — крыша. Она тоже вносила свой посильный вклад, присматривая по вечерам за чужими детьми. Они с отцом заботились друг о друге, как только могли.

Каи не собиралась обманывать себя. Нарочно или случайно, но из-за нее сегодня погиб человек.

— Я не знаю, что там произошло, — продолжал Канош, его голос был полон участия и заботы. — Но могу сказать одно: взрывчатка в твоем рюкзаке не имеет к этому никакого отношения. Думаю, все дело в самом черепе. Или же в том, что было внутри его.

Какая-то часть ее сознания зацепилась за эти слова, как утопающий хватается за соломинку. И все же Каи, охваченной чувством вины и раскаяния, было страшно поверить в то, что он ей говорил.

Как будто почувствовав ее внутреннее сопротивление, Хэнк счел нужным добавить:

— Прежде чем прибыть сюда, я прочел отчеты. Прочел про слухи, окружавшие пещеру, про древние предания, передававшиеся старейшинами племени из поколения в поколение. Согласно этим преданиям, на погребальной пещере лежало проклятие, и любой, кто нарушит ее границы, навлечет на нее, а может, и на весь мир, разрушение. — Профессор печально вздохнул. — Возможно, коекому следовало к этому прислушаться. Судя по тому, что я узнал, изучая прошлое моего народа, во многих таких преданиях всегда имеется зерно истины.

Его теплые руки и полные участия слова помогли ей успокоиться. И хотя слезы продолжали бежать по ее щекам, Каи нашла в себе силы приподнять голову и посмотреть ему в глаза.

— То есть взрывчатка в моем рюкзаке совсем ни при чем? Взрыв прогремел не из-за меня?

— Нет. Все было гораздо страшнее. Именно поэтому я и отправился на твои поиски. Чтобы тебя защитить.

Каи выпрямила спину и высвободилась из его рук. Он наверняка прочел в ее глазах недоверие.

— Тот взрыв помог взорваться бочке с порохом, что давно уже ожидала своего часа на вершине горы. Когда я потихоньку скрылся с места происшествия, активисты, которые уже собрались там, начинали задирать Национальную гвардию. Обе стороны обвиняют друг друга во всех смертных грехах. Но и те, и другие уверены в одном.

Каи сглотнула комок в горле, догадываясь, что это такое.

— Они думают, что во всем виновата я.

— Да. И все они тебя ищут. А поскольку там царит жуткая неразбериха, то смею предположить, что сначала они будут стрелять и лишь потом разбираться, кто прав, а кто виноват.

Каи передернулась. Ей стало по-настоящему страшно.

— И что мне теперь делать?

— Во-первых, ты должна честно рассказать мне, что произошло. Все, от начала и до конца. Ничего не утаивая. Правда порой бывает самым надежным щитом.

Она не знала, с чего ей начать. Более того, она не была уверена, что знает всю правду. Но рука профессора нашла ее руку и пожала, вселяя в нее уверенность. И Каи ее обрела, обрела благодаря железной крепости его пальцев, которые тотчас напомнили ей мозолистые руки отца.

Поначалу она заговорила с неохотой. Но вскоре на одном дыхании выложила все — одновременно и чистосердечное, и вынужденное признание. Впрочем, в глубине души Каи знала, что ей нужно сбросить с себя этот груз, пусть частично, переложить его на чьи-то плечи.

15 часов 08 минут

Хэнк не только слушал рассказ девушки, но и исподволь наблюдал за ней. Вопросы он свел к минимуму, тем более что интонация ее голоса порой была красноречивее фактов. Он видел страх в этих янтарных глазах. Она говорила, и вскоре ему уже как на ладони были видны и загнанная глубоко внутрь обида на весь мир, и одиночество после смерти отца, и желание переложить вину на кого-то еще, как-то обосновать бессмысленное убийство. Потерянная и напуганная, в лице военизированной группировки «Волки» она обрела новый дом, новое племя, новые родственные души.

Сколько таких рассказов ему уже доводилось слышать от индейских юношей и девушек! И какой ни возьми, в каждом или разбитая семья, или домашнее насилие, или алкоголизм. В замкнутом мирке резерваций все это цвело пышным цветом. Неудивительно, что юноши и девушки отказывались с этим мириться и искали выход своему гневу. Многие становились на скользкий путь преступлений, у других это выливалось в ненависть к правительству. Были и такие, как Джон Хокс, основатель «Волков», что охотились за этими потерянными душами, играя на юношеском гневе и максимализме в своих сомнительных целях.

Как хорошо знаком был ему этот путь! Он сам, будучи подростком, начал приторговывать наркотиками, сначала в школе, а потом и за ее стенами. Он водил дружбу с темными личностями. Лишь после того, как один из его друзей погиб от рук наркомана, он пришел к вере, мормонской вере, некогда принятой его соплеменниками. В глазах многих это был странный путь к спасению, тем более для индейца. Хэнк знал, какое презрение питают коренные американцы к тем своим соплеменникам, что приняли веру мормонов. Зато теперь его жизнь была исполнена смысла, и он ни разу не пожалел об этом шаге.

С тех пор он ни разу не прошел мимо ни одной заблудшей души, которая только попадалась на его пути. Именно по этой причине он с такой яростью защищал племенные права. Не столько ради самих племен, сколько для того, чтобы сделать жизнь в резервациях богаче, чтобы вселить в сердца молодежи уверенность в завтрашнем дне.

Его собственный отец — пусть он давно в могиле — както раз сказал ему: «Лучший урожай там, где лучше обрабатывают землю». Именно этой философией он руководствовался каждый день своей жизни. Когда девушка закончила свой рассказ, она расстегнула куртку, чем снова привлекла к себе его внимание. Из-под куртки Каи вытащила две металлические пластины размером с небольшую книжку.

— Вот почему я не привела в действие зарядные устройства. Я нашла вот это. Как доказательство для Джона Хокса. Хотела показать ему, что золото там не только на том черепе.

Глаза Хэнка удивленно округлились. Она украла две золотые пластины! Он думал, что они все потеряны, погребены под толщей горы.

— Я могу взглянуть?

Каи протянула ему пластину. Хэнк рассмотрел ее в лучах солнца. На почерневшей от грязи поверхности различались странные буквы. Это был единственный ключ к загадке исчезнувшей пещеры с ее массовым самоубийством, с тем, что было спрятано там, с кровью, которую требовалось пролить ради того, чтобы в нее никто не вошел.

Впрочем, интерес Хэнка нельзя было назвать чисто академическим. Его руки слегка дрожали, когда он взял в них золотые пластины. Да, он коренной американец, но он еще и мормон, и историк. Прошлое своей религии Хэнк изучил столь же тщательно, что и историю собственного народа. Согласно его вере, Книга Мормона ведет свое начало от перевода, сделанного с некоего утраченного ныне

языка, записанного на золотых табличках. Таблички эти якобы обнаружил Джозеф Смит, основатель Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней. С тех пор время от времени по Америке прокатывался слух о том, что якобы найдены новые клады с такими табличками. Большая часть этих «открытий» на поверку оказывалась в одних случаях чистой воды мошенничеством, в других — голословными утверждениями, не подкрепленными никакими материальными доказательствами.

Хэнк смотрел на загадочные письмена, и умом, и сердцем желая поскорее взяться за их изучение. Увы, в данный момент у него были иные заботы.

— И что нам теперь делать? — спросила Каи. Тот же самый вопрос мучил и его самого.

Он вернул ей золотую пластину и велел спрятать обе находки под курткой. Затем вновь протянул ей руку и повторил ритуал знакомства.

— Хэнк Канош.

На сей раз девушка приняла его руку.

— Каи. Каи Куочетс.

Хэнк задумчиво насупил брови.

— Если не ошибаюсь, на языке навахо слово «каи» означало иву. Но, судя по твоему акценту и внешности, я бы сказал, что ты родом с северо-востока.

Девушка кивнула.

— Я из племени пеко. А имя дала мне мать. Она была на одну четверть навахо и, по словам отца, хотела, чтобы я сохранила хотя бы частичку культурного наследия ее предков.

Хэнк указал на склон горы.

— В таком случае, юная леди, предлагаю проверить, насколько хорошо ты соответствуешь своему имени. Ива известна своей гибкостью и упругостью, способностью противостоять сильным ветрам. А в том, что вокруг тебя назревает ураган, нет никаких сомнений.

Ответом ему стала застенчивая улыбка.

Хэнк направился к лошади. Хотя кобыле и стукнуло уже два десятка лет, она была выносliва и неприхотлива. Слегка поморщившись — это напомнило о себе бедро, Хэнк сел в седло и велел псу идти вперед. Горы сейчас прочесывает целая армия, и ему не хотелось новых сюрпризов. Верный пес наверняка предупредит их, если вдруг обнаружит поблизости других людей.

Повернувшись в седле, Хэнк предложил руку девушке. Та с опаской посмотрела на лошадь.

— Ты никогда не ездила верхом? — удивился он.

— Я выросла в Бостоне.

— Понятно, тогда хватай мою руку. Я подтяну тебя вверх, и ты сядешь позади меня. Мария не даст тебе упасть.

Девушка ухватилась за его запястье.

— И куда мы?

— Сдавать тебя в полицию.

Ее улыбки как не бывало. В карих глазах с новой силой вспыхнул страх. Не успела она возразить, как Хэнк рывком поднял ее на круп лошади. Резкое движение тотчас же отозвалось болью в плече.

— Извини, но за свои поступки нужно отвечать.

Каи уселась в седло за его спиной.

— Но ведь я никого не взрывала.

— Верно, не взрывала, — обернулся к ней Хэнк. — Но независимо от того, удалось тебе задуманное или нет, ты явилась в пещеру, чтобы совершить акт насилия. Так что последствий не избежать. Однако не волнуйся. Я на твоей стороне. А также целая армия адвокатов из числа коренных американцев.

Увы, его слова были бессильны истребить страх в этих карих глазах.

Но что поделаешь? Чем раньше он сдаст ее в руки полиции, тем лучше будет для нее самой. Как будто услышав ее мысли, у них над головами прострекотал вертолет.

Хэнк посмотрел на небо. Тем временем две исцарапанные руки обхватили его за талию. У Хэнка никогда не было собственных детей. И этот простой жест наполнил его теплом, разбудил в нем отцовское чувство. Нет, он просто обязан защитить эту несчастную девушку.

Чуть севернее, из-за хребта, из соседней долины вынырнул небольшой военный вертолет и медленно пролетел над этой долиной. При этом он старался лететь как можно ниже, явно что-то высматривая. Хэнку он напомнил разозленного овода. Даже без военной зеленой раскраски, в нем было нетрудно узнать вертолет Национальной гвардии Юты. Более того, Хэнк тотчас опознал модель — «Апач Лонгбоу».

Название вертолета показалось ему добрым знаком[1], хотя ни он, ни его спутница апачами не были. Хэнк направил лошадь к опушке соснового леса, за которой начинался открытый луг.

Может, оно даже к лучшему...

Девичьи руки еще крепче обхватили его сзади.

— Не высовывайся, — сказал Хэнк ей. — Говорить буду я.

Он пустил кобылу медленным шагом, и та не спеша двинулась к залитому солнцем пространству. Хэнк не хотел никаких сюрпризов. Еще до того, как они достигли опушки леса, вертолет на мгновение завис в воздухе, затем полетел в их сторону.

Не иначе как на борту инфракрасные датчики, которые улавливают тепло человеческих тел.

Хэнк вывел кобылу из леса на открытое пространство.

Вертолет тотчас нырнул им навстречу. Лопасти пропеллера с шумом разрезали воздух. От его шума закладывало уши, а в следующий миг на глазах у Хэнка трава и почва взлетела в воздух зелено-коричневыми фонтанами. Причем фонтаны эти двигались им навстречу.

---

[1] «Apache Longbow» в переводе с англ. означает «Длинный лук апачей».

Затем до него донесся стрекот автомата.

Какого черта?!

Хэнк застыл на месте, отказываясь верить собственным глазам. В них стреляли. Он дернул за поводья и, развернув кобылу назад, крикнул:

— Держись крепче!

Глава 5

30 мая, 17 часов 14 минут
Вашингтон, округ Колумбия

— До сих пор ни единого сигнала с мобильника твоей племянницы, — объявила Кэт, входя в кабинет Пейнтера. — Но мы не оставляем попыток.

Начальник «Сигмы» сидел за столом, проверяя содержимое «дипломата». Самолет должен взлететь с аэродрома имени Рейгана через тридцать минут. Через четыре часа он уже будет в Солт-Лейк-Сити.

Пейнтер посмотрел на Кэт. Единственным признаком ее озабоченности была лишь складочка на лбу. Озабоченности, которую он разделял.

С момента того внезапно прерванного звонка прошло полчаса. Дозвониться до Каи он так и не смог. Что случилось? Неужели она вне зоны действия сети? Или же отключила телефон? Кэт попыталась вычислить, откуда был сделан звонок, но, судя по всему, без особого успеха.

— И пока никаких сообщений о том, что она поймана в Юте? — на всякий случай уточнил он.

Кэт отрицательно покачала головой.

— Чем раньше ты туда прилетишь, тем лучше. Если будут какие-то новости, я свяжусь с тобой. Ковальски и Чин уже ждут тебя.

Пейнтер захлопнул «дипломат». Еще до того полного отчаяния звонка он планировал отправить в Юту свою

команду, чтобы кто-то из «Сигмы» на месте попытался определить, что явилось причиной столь странного взрыва. И первыми кандидатурами на эту роль был Рональд Чин, его нынешний эксперт-геолог, и Ковальски, которому явно не помешает опыт оперативной работы на месте происшествия.

Увы, после того звонка дело приобрело для него личную окраску.

Пейнтер взял «дипломат» и направился к двери. На данный момент про телефонный звонок его племянницы знала лишь горстка людей — те, кому это положено было знать. Каи и без того уже превратилась в мишень.

В качестве дополнительной меры безопасности Пейнтер решил не ставить в известность своего непосредственного начальника, генерала Меткалфа. Такое нарушение субординации имело своей целью лишь одно: избежать неприятных объяснений, зачем Пейнтеру понадобилось лично вылетать на место происшествия. Меткалф привык действовать строго по уставу, и это его железное следование правилам не раз связывало Кроу руки. Если же учесть личный характер этой поездки, то Пейнтеру будет легче потом извиниться перед начальником, нежели просить у него разрешения.

К тому же в последнее время они с ним были не в самых лучших отношениях, главным образом из-за одного частного расследования, которое Пейнтер начал полгода назад — а именно расследование деятельности одной тайной организации, которая ставила «Сигме» палки в колеса начиная с первых дней их деятельности. Лишь пять человек во всем мире знали об этом тайном расследовании. Но Меткалф был не дурак. Он явно что-то заподозрил и в последнее время начал задавать вопросы, на которые Пейнтер предпочел бы не отвечать.

Так что оно даже к лучшему, что он на какое-то время уедет из Вашингтона.

Кэт двинулась за ним следом.

Стоило им выйти в коридор, как со стула поднялся какой-то мужчина. Пейнтер с удивлением узнал в нем мужа Кэт, Монка Коккалиса.

При взгляде на грубые черты его лица и телосложение боксера редко кто подозревал в нем особый ум. В прошлом «зеленый берет», Монк получил в «Сигме» подготовку судмедэксперта с дополнительной специальностью в области биотехнологий.

Последнее проистекало из его жизненного опыта. Во время одной из боевых операций Монк потерял кисть руки, которую теперь ему заменило чудо протезного искусства, сотворенное с помощью самых последних технологий. Снабженная разного рода устройствами, искусственная кисть выполняла также роль оружия.

— Монк, что ты здесь делаешь? Я думал, ты сейчас проходишь тесты на крепость твоего нового протеза.

— Уже прошел, причем на «отлично». — С этими словами Монк поднял руку и в качестве доказательства согнул пальцы. — Затем мне позвонила Кэт. Вот я и подумал, что вам пригодится лишняя пара рук. Ну, или по крайней мере одна рука и один новый навороченный протез.

Пейнтер посмотрел на Кэт. Ее лицо осталось невозмутимым.

— Я решила, что тебе пригодится еще человек с богатым опытом полевых операций.

Пейнтер был благодарен Кэт за ее предложение. Он прекрасно знал, что ей не хотелось бы отпускать от себя мужа, тем более что она едва ли не со дня на день должна была произвести на свет их второго ребенка. Впрочем, на этот раз Пейнтер отказался по более прозаическим соображениям.

— Спасибо, но, учитывая напряженную обстановку на месте, я думаю, чем меньше будет наша команда, тем лучше.

Заметив, как разгладился лоб Кэт, он понял, что поступил правильно. В его отсутствие роль временного начальника «Сигмы» возьмет на себя Кэт, и будет лучше, если рядом с ней останется Монк, так сказать, в качестве моральной поддержки. Муж был для нее одновременно и якорем, и водной стихией. Монк обхватил жену за талию и положил руку на ее огромный живот. Кэт ласково прильнула к мужу.

Вопрос был решен, и Пейнтер зашагал дальше по коридору.

— Ты там смотри осторожнее, директор! — крикнул ему вслед Монк.

Пейнтер услышал в его голосе легкую зависть. Похоже, что предложение составить ему компанию исходило не от одной только Кэт. Равным образом решение оставить Монка в Вашингтоне было продиктовано не только заботой о его жене. Хотя Монк и служит Кэт якорем, ту же роль он исполнял и по отношению к одному своему коллеге, которому в прошедшие несколько месяцев приходилось ох как нелегко.

Причем Пейнтер подозревал, что дальше будет еще хуже.

17 часов 22 минуты

Коммандер Грейсон Пирс не знал, что ему делать с матерью. Она нервно мерила шагами медицинский кабинет.

— Не понимаю, почему я не могу там находиться, когда невролог допрашивает твоего отца! — раздраженно бросила она.

— Ты прекрасно знаешь, почему, — спокойно ответил Грей. — Социальный работник тебе все объяснил. Тесты на умственные способности дают гораздо более точные результаты, когда рядом нет никаких родственников.

Но мать лишь отмахнулась от его слов и принялась расхаживать по кабинету и дальше. Пирс заметил, что

в какой-то момент она споткнулась. Левая нога едва ее не подвела. Он приподнялся со стула, чтобы не дать ей упасть, но мать уже вернула себе равновесие.

Откинувшись на спинку пластикового стула, Грей продолжал следить за ней глазами. За последнюю пару месяцев мать заметно похудела — сказывались постоянные напряжение и тревога. Шелковая блузка болталась на ней, как на вешалке. Более того, горловина съехала с одного плеча, от чего стала видна бретелька лифчика — чего раньше мать никогда бы не допустила. Прежней оставалась лишь ее прическа — аккуратно зачесанные назад и собранные в узел седые волосы. Грей представил себе, как она ее делает. Наверно, это было последнее в ее жизни, что зависело лишь от нее самой.

Казалось, будто, расхаживая туда-сюда, мать пытается убежать от тревоги. Грей тем временем прислушивался к приглушенным звукам разговора, доносившимся из соседней комнаты. Слов разобрать он не мог, однако легко узнавал нотки раздражения в отцовском голосе. Казалось, еще миг, и отец взорвется. И Грей, затаив дыхание, ждал этого момента, чтобы вовремя ворваться в кабинет. Его отец, бывший техасский нефтедобытчик, и без того был человеком вспыльчивым. В детстве и юности Грей не раз становился свидетелем отцовского гнева даже по мелочам. Его вспыльчивый нрав сделался еще хуже после того, как отец, человек гордый и независимый, довольно рано в результате несчастного случая лишился ноги. Теперь же, когда болезнь Альцгеймера почти лишила его памяти, вместе с ней он утратил и остатки самообладания.

— Нет, я должна быть с ним, — повторила мать.

Грей не стал с ней спорить. Он уже бессчетное количество раз разговаривал с ними обоими, пытаясь убедить отца переехать в специальный дом престарелых, где за ним будет надлежащий уход. Увы, подобные попытки всякий раз натыкались на каменную стену гнева и подозритель-

ности. Отец наотрез отказался уезжать из дома в Такома-Парке, в котором они прожили несколько десятков лет, предпочитая поддержку семьи сомнительному уходу в доме престарелых.

Увы, Грей не знал, сколько это еще будет продолжаться. Рано или поздно, но решение придется принять, причем не только ради отца, но и ради матери.

Та вновь споткнулась, и Пирс вовремя подхватил ее под локоть.

— Почему бы тебе не присесть? — сказал он. — Ты только выматываешь себя. Тем более что все скоро закончится.

Ощущая под пальцами хрупкие старческие кости, он подвел ее к стулу.

У него уже был разговор с социальным работником, и та выразила озабоченность здоровьем его матери — как физическим, так и эмоциональным. Более того, предупредила, что нередко тот, на кого ложится уход за тяжелобольным, не выдерживает первым и умирает раньше.

Грей не знал, что ему делать. Он уже нанял сиделку на полный рабочий день, чтобы снять с матери заботы хотя бы в дневное время. Этот его шаг был встречен ею не столько с благодарностью, сколько с легким раздражением. Она расценила это как покушение на ее личное пространство. Но даже сиделки уже было недостаточно. Остро стоял вопрос приема лекарств, вопрос обеспечения безопасности больного в не приспособленном для этого доме. Даже такие мелочи, как приготовление пищи, и те превратились в проблему. Не раз ночной телефонный звонок вырывал его из сна, и он с колотящимся сердцем вскакивал с постели в ожидании худшего.

Он предложил родителям переехать к ним, чтобы присутствовать в доме по ночам, но этот Рубикон его мать еще не была готова перейти. Впрочем, Грей был уверен в том, что ее отказ, скорее, объясняется гордостью, нежели чувством вины за то, что она навязывает сыну свои проблемы.

Учитывая сложные отношения отца и сына, наверное, оно даже к лучшему. Так что пока любые трения, которые возникали, были трениями между мужем и женой.

Дверь кабинета открылась, чем вывела его из задумчивости. В коридор шагнул врач, и Грей машинально расправил плечи. Судя по хмурому лицу врача, Пирс ожидал, что вердикт окажется неутешителен. Увы, в течение следующих двадцати минут Грей узнал, насколько тот неутешителен. Синдром Альцгеймера средней тяжести медленно, но верно смещался в куда более тяжелую сторону. Вскоре у его отца возникнут проблемы с самыми простыми вещами: самостоятельно одеться или посетить туалет. Он будет все чаще бродить по дому, не в состоянии вспомнить, где он и что ему нужно. Социальный работник предложила установить специальные двери, снабженные сигналом тревоги.

Пока обсуждались технические вопросы, Грей наблюдал за отцом. Тот сидел в углу рядом с матерью. От некогда властного человека осталась ходячая тень. Отец сидел со злым выражением лица и слушал, что говорит врач. Время от времени с его губ срывалось слово «чушь», правда, срывалось настолько тихо, что только Грей его слышал.

Впрочем, заметил он и то, как отец буквально вцепился в руку матери. Они прижались друг к другу, стойко выслушивая медицинский прогноз, как будто силой своей объединенной воли могли противостоять неизбежному и навсегда остаться вместе.

Затем врач зашуршал бумагами: нужно было заполнить страховку, выписать рецепты, после чего они вновь были свободны. Грей отвез родителей на машине домой, проследил, чтобы они поужинали, после чего на велосипеде поехал к себе. Он жал на педали со всех сил, как будто физические усилия могли прояснить его мысли.

Вернувшись к себе, Пирс долго стоял под душем, пока не закончилась горячая вода. Как только полилась хо-

лодная, он вышел из душевой кабины, растер себя полотенцем, надел трусы и направился в кухню. Он уже почти дошел до холодильника, чтобы взять одинокую банку пива, оставшуюся от упаковки из шести штук, которая была куплена накануне, когда заметил в шезлонге знакомую фигуру.

Грей резко развернулся. Обычно он бывал куда наблюдательнее, как, впрочем, и полагается агенту «Сигмы», если ему дорога жизнь. С другой стороны, затянутая в черную кожу женщина сидела, не шелохнувшись, как статуя. Мотоциклетный шлем лежал на подлокотнике кресла.

Грей узнал ее, но это не замедлило его пульса, а волоски на руках упорно продолжали топорщиться. Что неудивительно. Это было сродни тому, как обнаружить у себя в гостиной пантеру.

— Сейхан, — прошептал он.

Вместо ответа она лишь сняла с колена вторую ногу. Сделано это было с удивительной грацией. Впрочем, в этом тонком, стройном теле помимо грации таилась и редкая сила. На Грея пристально смотрели ярко-зеленые глаза. Она как будто оценивала его, хотя выражение ее лица оставалось непроницаемым. В полутемной комнате ее полуазиатские черты казались высеченными из мрамора. Единственное, что не было в ней резким, это волосы. Некогда коротко стриженные, теперь они были длиннее и падали ей на воротник. Левый уголок рта был слегка приподнят, как будто его растерянность позабавила ее. Впрочем, возможно, это был лишь обман зрения.

Пирс не стал спрашивать у нее, как она проникла в запертую квартиру и почему явилась к нему без всякого предупреждения. Ведь Сейхан была профессиональной убийцей и раньше работала на так называемую Гильдию, международную преступную организацию. Но даже это название не было настоящим. Скорее это был удобный псевдоним, которым пользовались секретные службы в своей

отчетности. Подлинное название и цели Гильдии оставались неизвестны даже для ее членов. Организация действовала по принципу самостоятельных ячеек, разбросанных по всему миру и потому не имевших полной картины ее деятельности.

Предав своих бывших хозяев, Сейхан осталась без работы и без крыши над головой. Разведслужбы — в том числе американские — вели на нее охоту. «Моссад» имел приказ уничтожить ее на месте, даже не пытаясь арестовать. Но вот уже примерно год она работала на «Сигму». Ее — впрочем, не афишируя этого — взял к себе директор Кроу для выполнения секретной задачи, которая не фигурировала ни в каких бумагах. Задача заключалась в том, чтобы выяснить, кто же, собственно, стоит у руля Гильдии.

Впрочем, никто не тешил себя иллюзиями относительно мотивов ее сотрудничества. Бывшей террористкой двигало желание выжить, а отнюдь не верность «Сигме». Ей надо было уничтожить Гильдию, прежде чем та уничтожит ее. Лишь горстка людей в правительстве знали об этой тайной сделке с бывшей убийцей. Чтобы обеспечить должный уровень секретности, Грей был назначен ее единственным контактом внутри «Сигмы».

С момента ее последнего доклада прошло пять недель, да и тот был сделан по телефону. Сейхан была где-то во Франции. И похоже, пока что все изыскания заводили ее в тупик.

Что же привело ее к нему?

Она сама ответила на его немой вопрос.

— У нас возникла проблема.

Грей не сводил с нее глаз. Хотя, по идее, ее слова должны были насторожить его, он почувствовал облегчение. Пирс представил себе банку пива в холодильнике и даже вспомнил, зачем она ему понадобилась. Внезапно он обрадовался ночной гостье — лучше она, чем все эти социальные работники, неврологи, лекарства и рецепты на них.

— Эта твоя проблема, она имеет какое-то отношение к ситуации в Юте? — спросил он.

— К ситуации в Юте? — переспросила Сейхан, прищурившись.

Он пристально посмотрел на нее, стараясь обнаружить на ее лице малейшие признаки обмана. Взрыв в Юте переполошил «Сигму», и внезапное появление Сейхан в его доме не могло не наводить на подозрения.

— Я пришла, чтобы показать тебе вот это, — сказала она наконец и пожала плечами.

Встав с кресла, Сейхан протянула ему какие-то бумаги, после чего направилась к двери, как будто приглашая его последовать за ней. Грей посмотрел на символ наверху страницы. Сказать по правде, тот ничего ему не говорил.

Он посмотрел на Сейхан. Та уже дошла до двери.

— Нечто всполошило осиное гнездо, — сказала она. — Причем на вашем же заднем дворе. Нечто огромное. Возможно, это тот самый момент, которого мы так давно ждали.

— Это как понимать?

— Двенадцать дней назад все мои антенны по всему миру внезапно зазвенели. Настоящее землетрясение. Затем все контакты, которые я так тщательно пестовала, внезапно смолкли.

Двенадцать дней назад.

До Грея дошло: это тот самый день, когда в Юте был убит индейский юноша. Интересно, есть между этими событиями какая-то связь?

Сейхан тем временем продолжала:

— Что-то явно привлекло к себе внимание Гильдии. А это землетрясение, которое я только что упомянула... Его эпицентр был здесь, в округе Колумбия. — Она выразительно посмотрела на Грея. — И вот теперь я ощущаю, как некие невидимые силы мобилизуют свои ряды. Именно во время подобного хаоса двери, что раньше стояли плот-

но закрытыми, приоткрываются, и из них наружу вылетают обрывки секретной информации.

От Пирса не скрылся блеск в ее глазах, ее волнение, ее учащенное дыхание.

— Ты что-то нашла.

Сейхан вновь указала на бумаги в его руке.

— Все берет свое начало здесь.

Грей снова уставился на символ на первой странице.

Это была Государственная печать Соединенных Штатов Америки.

Ничего не поняв, он быстро пролистал остальные страницы. Пестрая смесь машинописи, рисунков и даже фотокопия старого, написанного от руки письма. Хотя чернила выцвели, почерк был четкий, а само письмо написано по-французски. Грей прочел имя получателя послания — Аршар Фортескью. Имя явно звучало по-французски. Но нет, его внимание привлекло не оно, а другое, стоявшее в самом низу страницы. Имя, которое было известно каждому американскому школьнику. А также подпись человека, которому это имя принадлежало.

Бенджамин Франклин.

Грей, нахмурив брови, посмотрел на имя, затем на Сейхан.

— И какое отношение эти бумаги имеют к Гильдии?

— Вы с Кроу велели найти мне истинных ублюдков, — сказала Сейхан и взялась за дверную ручку. Прежде чем она успела отвернуться, Грей заметил, как на ее лице мелькнула тень страха. — Вам не понравится то, что я нашла.

Он шагнул к ней ближе, привлеченный не столько ее тревогой, сколько собственным любопытством.

— И что же ты нашла?

Сейхан ответила, уже переступив порог и выйдя в ночь:

— Гильдия... ее корни уходят к основателю Америки.

Джеймс Роллинс

НОЧНАЯ ОХОТА

Рассказ

4 марта, 5:32 вечера
Будапешт, Венгрия

Он тотчас понял, что за ней ведется охота.

Сидя за столиком уличного кафе, Такер Уэйн наблюдал за женщиной, торопливо переходившей продуваемую холодным ветром средневековую площадь Шентаромсаг Тёр, или площадь Троицы. Блондинка двадцати с небольшим лет оглядывалась через плечо слишком часто. Она была в темных очках, хотя уже почти вся площадь была накрыта тенью угасавшего дня. Розовый шелковый шарфик натянут почти до самого подбородка явно не потому, что ей холодно. Столь тонкая ткань едва ли защищала от ледяных порывов ветра, гулявшего на площади. Кроме того, она шла слишком быстро по сравнению с другими людьми, находившимися в сердце Королевского замка, главной туристической достопримечательности Будапешта.

Армия научила Такера подмечать подобные мелочи, выделять необычное из массы привычных вещей. Когда он был капитаном армейской разведки, то вместе со своим четвероногим партнером служил следопытом во время двух командировок в Афганистан, занимаясь поисково-спасательными операциями, «извлечением», выслеживанием целей для последующего захвата. В удаленных районах и деревнях Афганистана грань между жизнью и смертью

зависела не столько от оружия, кевларовых жилетов и новейших оценок риска, сколько от того, как тонко ты умеешь чувствовать ритмы окружающего пространства, привычного течения жизни, чтобы вовремя подметить все то, что в это течение не вписывалось.

Как, например, сейчас.

Женщина была здесь явно чужой. Даже расцветка ее одежды была неуместной. Светло-бежевое пальто, довольно длинное, до колен. Красные туфельки в тон шарфику и шляпке. Незнакомка ярким пятном выделялась среди одетой по-зимнему толпы — на фоне оттенков коричневого, черного, серого.

Не очень разумно, когда за тобой охотятся.

Наблюдая за тем, как она нервно идет через площадь, Такер грел руки о чашку кофе. Сам он был в теплой куртке, на руках — перчатки с обрезанными пальцами. Другие посетители кондитерской забрались в помещение, в тепло, где в этот час было многолюдно. Они стояли, прижатые к стойке, или сидели за крошечными столиками возле окна. Такер был единственным, кто сидел снаружи, во внешнем дворике на краю холодной городской площади.

Он и его напарник.

Пес породы, известной как бельгийская овчарка малинуа, лежал у ног Такера, уткнувшись носом в его ботинки, готовый выполнить любую команду. Пса звали Кейн. Они вместе отслужили два срока в Афганистане. Они работали вместе, ели вместе, даже спали вместе. Кейн стал такой же частью его тела, как, допустим, рука или нога.

Уйдя со службы, Такер забрал пса с собой. С тех пор он много скитался по свету, стараясь держаться подальше от людей. Иногда брался за разовую работу, чтобы хватало на кусок хлеба. Выполнив задание, сразу же перебирался на новое место. Ему нравилась такая жизнь. После того, что Такер видел в Афганистане, ему нужны были новые

горизонты, новые просторы. Но главным образом им двигала охота к перемене мест.

Родных в Штатах у него не было, и он больше не нуждался в доме. Его это устраивало.

Такер нагнулся и погладил густую шерсть на загривке пса. Кейн поднял голову. В глаза Уэйну заглянули темно-карие с золотистыми крапинками, собачьи глаза. В этом вся неповторимость собак. *Они изучают нас так же пристально, как и мы их.*

Такер ответил на этот взгляд коротким кивком и посмотрел на площадь. Женщина торопливо шагала в сторону кафе и вот-вот пройдет мимо выставленных на улицу столиков. Такер взглядом велел псу приготовиться.

Он внимательно изучил толпу на площади, обтекавшую высокую колонну в самом ее центре. Ее барочный фасад украшали мраморные фигуры. Казалось, они карабкались по ней вверх, к небу, к сверкающей золотой звезде. Колонна символизировала жителей города, сумевших спастись в восемнадцатом веке от Черной Чумы.

Когда женщина подошла ближе, Такер внимательно изучил всех, кто в эти мгновения смотрел в ее сторону. Таких было несколько. Незнакомка относилась к числу женщин, на которых всегда оборачиваются: стройная, с отличными формами, длинные светлые волосы до середины спины.

Наконец Уэйн вычислил на площади ее охотника. Точнее, охотников.

Высокий, похожий на глыбу мужчина, сопровождаемый по бокам двумя рослыми спутниками, вышел с улицы на северной стороне площади. Все трое одеты в плащи. Старший был черноволос, ростом более шести футов. Мускулистый и накачанный и, судя по оспинам на лице, хронический потребитель стероидов-анаболиков.

Под плащами у всех троих что-то бугрилось — явно спрятанное оружие.

Женщина их не заметила. Ее взгляд был устремлен вперед, поверх их голов. Похоже, она знала, что ее могут выслеживать, однако не умела вычислить преследователя. И все же она инстинктивно держалась ближе к людям.

Женщина торопливо прошла мимо Такера, оставив после себя легкий шлейф ароматов жасмина. Кейн повел носом вслед запаху ее духов.

Незнакомка направилась к входу в церковь Святого Матиаша. Это было великолепное сооружение с готическим шпилем, словно сделанным из каменного кружева, и рельефом четырнадцатого века, изображающим смерть Богоматери. Двери были все еще открыты для последних посетителей. Незнакомка шагнула к входу и, незаметно посмотрев по сторонам, вошла внутрь.

Такер допил кофе, оставил на столике чаевые и, поднявшись с места, взялся за поводок Кейна. Он вышел на площадь в тот самый миг, когда трое «охотников» прошагали мимо него. Двинувшись вслед за ними, Уэйн услышал, как самый высокий отдал по-венгерски какой-то приказ.

Местные громилы.

Такер пошел следом за ними прямо к церкви. Один из этой троицы обернулся на него. Уэйн знал, что тот увидит.

Мужчина лет тридцати, выше среднего роста, со светлыми, слегка взлохмаченными волосами, ведет на поводке собаку в коричневом жилете. Свою мускулистую атлетическую фигуру Такер попытался скрыть, опустив плечи и немного ссутулившись. Одежда на нем была крайне неброской и непритязательной: поношенные джинсы, слегка потрепанная куртка цвета хаки, низко надвинутая на лоб вязаная шапочка. Он знал, что избегать визуального контакта не стоит, это скорее вызовет подозрения. Поэтому он доброжелательно кивнул и тут же изобразил полное безразличие.

Как только второй «охотник» отвернулся, Такер потрогал нос и указал пальцем на громилу посредине.

Запомни его запах!

Кейн понимал около тысячи слов и примерно сотню жестов. Он тотчас затрусил вперед и, догнав троицу в плащах, понюхал ноги шагавшего посередине громилы.

Такер же нарочно отвернулся в сторону, сделав вид, будто рассматривает площадь и не обращает внимания на пса.

Выполнив приказание, Кейн вернулся к хозяину и принялся ждать следующую команду: уши по-прежнему стоят торчком, хвост приподнят, выражая готовность к действию.

Трое подошли к церкви, и средний отдал несколько коротких приказов на венгерском. Группа разделилась, каждый из «охотников» должен был прикрывать отдельный выход.

Такер подошел к скамейке, опустился на корточки перед псом и обмотал конец поводка вокруг чугунной ножки. Второй конец он отцепил и просто засунул за ошейник Кейна. Со стороны могло показаться, что собака привязана к скамье.

После этого он сунул руку под коричневый вязаный комбинезон пса, под которым скрывался водонепроницаемый кевларовый жилет, и щелчком привел в действие встроенную миниатюрную видеокамеру. Вытащив проводок с оптико-волоконной линзой, размером меньше карандашной стирашки, Такер спрятал ее в густой шерсти между стоящими торчком ушами.

— Стой! — приказал он.

Кейн уселся в тени, отбрасываемой церковью: обычная собака, дожидается своего хозяина.

Почесав пса за ухом и удостоверившись, что гарнитура «блютус» на месте, Такер нагнулся и приблизил лицо к морде Кейна. Это был их традиционный ритуал.

— Кто у нас хороший мальчик?

Кейн потянулся вперед и коснулся лица человека холодным носом.

— *Правильно. Ты.*

Пес махнул на прощание хвостом. Такер выпрямился, и Кейн проследил взглядом за громилой — тот направлялся к главному входу церкви с уверенностью охотника, чья жертва попала в ловушку.

Вынимая на ходу мобильник, Такер двинулся следом за венгром. Кстати, телефон — так же как и тактический жилет — он «оставил» себе, когда уходил со службы. Впрочем, и Кейна тоже. Но после того, что произошло в деревне неподалеку от Кабула...

Такер попытался отогнать мучительное воспоминание.

Больше никогда...

Все его отделение помогло ему бежать вместе с собакой.

Но это уже другая история.

Он включил телефон и нажал несколько клавиш. На экранчике возникла картинка: его спина, его удаляющаяся фигура. Изображение поступало с видеокамеры Кейна.

Значит, все в порядке.

Сунув телефон в карман, Такер последовал за верзилой внутрь церкви. Внутри, к похожему на огромную пещеру своду, ввысь уходили витые колонны. Стены украшали прекрасные золотые фрески, изображавшие смерть венгерских святых. Картины слегка подрагивали в мерцании свечей, которыми был уставлен весь неф. Дальше по бокам располагалась часовня с гробницами и музей средневековой резьбы. В церкви стоял густой запах ладана и плесени.

Такер легко вычислил цель, которая и здесь выделялась своим светлым пальто. Опустив голову, девушка сидела на скамье примерно в середине нефа.

Высокий громила занял пост у входа: стоял, привалившись к стене, в ожидании того момента, когда девушка поднимется, чтобы уйти. Было ясно, что «охотники» побоятся похищать ее на глазах у многочисленных свидетелей. Впрочем, в этот час, когда солнце уже практически зашло, а церковь пустеет, ждать им осталось недолго.

Теперь все зависит от него.

Проскользнув мимо громилы — взгляд тотчас выхватил в его левом ухе наушник радиотелефона, — Такер прошел в глубь церкви к скамье, на которой сидела женщина, и опустился рядом. Она тотчас отодвинулась от него на несколько дюймов. Впрочем, она даже не посмотрела в его сторону, хотя и сняла, в знак уважения к храму, солнечные очки. Такер поспешил снять с головы вязаную шапку.

В мерцании свечей ее волосы отливали золотом. Она бросила на него быстрый взгляд. Глаза ее были голубыми. В руках незнакомка сжимала сотовый телефон, как будто не знала, кому следует позвонить, или же сама надеялась получить звонок.

— Вы говорите по-английски? — тихо спросил Такер.

Даже его шепот заставил ее вздрогнуть. Впрочем, помолчав, она все-таки вежливо ответила:

— Да, говорю, но предпочитаю, чтобы меня не беспокоили.

Она произнесла эти слова так, будто делала это уже бессчетное число раз. Ее акцент был явно английским, так же как и ее сдержанность. Она демонстративно отодвинулась от Такера примерно на фут.

В свою очередь тот смиренно опустился на колени и, склонив голову к сложенным в молитвенном жесте ладоням, негромко сказал:

— Я хотел предупредить — вас преследуют три человека.

Незнакомка напряглась, готовая в любое мгновение сорваться с места и броситься прочь.

— Мне кажется, вам следует помолиться, — сказал Такер, жестом приглашая ее последовать его примеру.

— Я еврейка.

— А я здесь единственный, кто способен вам помочь. Если вы не против.

И вновь молчание, но теперь девушка осторожно опустилась на колени.

— Они стоят у каждой двери, — шепнул Такер, не поворачивая головы. Когда же она попыталась бросить взгляд в сторону выхода, твердо добавил: — Не смотрите!

Девушка склонила голову ниже.

— Кто вы?

— Никто. Я заметил, что вооруженные люди идут за вами по пятам. Увидел, что вы напуганы...

— Мне не нужна ваша помощь.

— Хорошо, я просто предложил вам ее, — вздохнул Такер и собрался встать.

Он сделал все, что подсказывала ему совесть. Он не может помогать тем, кому гордость или упрямство не позволяют принять его помощь.

Девушка протянула руку и потянула его за рукав.

— Подождите.

Когда Уэйн вновь опустился на колени рядом с ней, она спросила:

— Откуда мне знать, что вам можно доверять?

— Знать вы, конечно, не можете, — ответил Такер и пожал плечами. — Вы или доверяете мне, или нет.

Незнакомка пристально посмотрела на него, и он выдержал ее взгляд.

— Я помню вас. Вы сидели с собакой во дворике кафе.

— Ага, меня вы запомнили, а вот вооруженных громил, которые вас преследуют, — нет.

Она отвернулась.

— Я люблю собак. Она у вас такая красивая.

Такер тотчас проникся к незнакомке симпатией и даже улыбнулся в сложенные лодочкой ладони.

— *Его* зовут Кейн.

— Извините. Тогда *он* — красив. — Девушка придвинулась ближе и уже почти спокойно спросила: — Но что *вы* можете сделать?

— Я могу вывести вас отсюда. Увести вас от них. Что вы будете делать после этого — ваше дело.

Это была одна из разновидностей его специализации. «Извлечение».

Незнакомка посмотрела на него. Было видно, что она колеблется.

— Тогда, пожалуйста, помогите мне, — сказала она после короткой паузы.

Уэйн протянул ей руку.

— Тогда пойдемте отсюда.

— Как? — удивленно спросила она. — А как же?..

Его пальцы сжали ей ладонь, призывая замолчать. Рука ее была горячей.

— Держитесь ближе ко мне.

Уэйн отпустил руку и, жестом велев держаться как можно ближе к нему, помог ей выйти из прохода между скамьями. В другой руке, которая находилась параллельно бедру, он сжимал черный армейский нож «ка-бар». Обычно Такер тайно носил его на лодыжке и теперь вытащил из ножен, когда опускался на колени. Впрочем, не дай бог пускать его в ход.

Уэйн повел девушку прочь от главного входа к малому выходу на южной стороне храма. Пока они шли, он успел покоситься на верзилу-«охотника». Тот уже отделился от стены. Такер заметил, как он прикоснулся к уху, давая знак своему подручному, охранявшему дверь. Затем верзила двинулся через церковь к дальнему выходу, и его мощная фигура исчезла из вида. Они явно собирались устроить засаду сразу, как только их жертва выйдет наружу.

Когда громила вышел, Такер резко развернулся сам и, схватив незнакомку за талию, развернул и ее тоже.

— В чем дело?..

— Планы меняются, — ответил он. — Мы поступим по-другому.

Не выпуская девушку, Такер торопливо повел ее к северному порталу в надежде на то, что переданный громилой по радиосвязи приказ заставил «охотников» обратить

взгляды на юг и теперь они ждут девушку именно возле той двери.

Подойдя к выходу, он на мгновение помедлил. Затем притянул ее к себе и посмотрел на сотовый телефон. Солнце уже село, но изображение, хотя и зернистое, оказалось достаточно светлым. На экране была видна площадь и главный вход в церковь. Такер отыскал взглядом пса. Тот терпеливо его ждал.

Молодчина.

Удовлетворившись увиденным, Такер шагнул к выходу, надеясь, что охранявший его «охотник» ушел к другому краю церкви вместе со своим старшим.

Что ж, его хитрость сработала — правда, к несчастью, против него самого.

Стоило Такеру шагнуть к двери, как та открылась. Вместо того чтобы обходить церковь снаружи, третий «охотник» двинулся внутрь. Он явно пожелал пройти по прямой, а заодно прикрыть жертву сзади.

И Такер, и «охотник» растерялись в равной степени.

Взгляд «охотника» тотчас выхватил женщину в светлом пальто. Было видно, что громила тужится сообразить, как она оказалась здесь.

Такер отреагировал первым. Воспользовавшись секундным замешательством, он плечом вытолкнул противника наружу, в темный узкий переулок, где впечатал его в кирпичную стену, после чего с силой вогнал ему в солнечное сплетение локоть.

«Охотник» ойкнул и начал оседать на мостовую, успев, правда, потянуться к спрятанному оружию. Тогда Такер развернулся и с размаха стукнул рукояткой ножа громилу в висок. Тот мигом опустился на колени, а затем упал лицом вниз на землю.

Такер быстро обыскал его карманы. Девушка тем временем вышла наружу и прикрыла за собой дверь. Вид у нее был испуганный.

Поскольку церковь была почти пуста, никто не заметил этой короткой стычки. Такер забрал полуавтоматический пистолет FEG PA-63, табельное оружие венгерской полиции и военных. Он также обнаружил служебное удостоверение с незнакомым ему значком. Открыв его, Такер узнал лицо на фотографии. По верху «корочки» тянулась надпись «Nemzetbizionsági Szakszolgálat», внизу были три буквы — «NSZ».

Увидев удостоверение, девушка ахнула. Она поняла, что это такое.

Да, это явно не к добру.

Такер вопросительно посмотрел на нее.

— Он из венгерской службы национальной безопасности, — пояснила она.

Такер глубоко вздохнул и выпрямился. Так вот оно что! Он только что «отключил» сотрудника венгерской внутренней разведки. Во что же он вляпался? В данный момент ответить на этот вопрос могла только стоявшая перед ним незнакомка.

Нет, ему ни к чему быть пойманным рядом с лежащим без сознания телом. Тем более дружками поверженного «охотника». В этой бывшей стране советского блока, где свирепствовала необузданная коррупция, люди довольно часто исчезали бесследно.

На какой же стороне закона он сейчас находится? На правой или неправедной?

Уэйн вновь посмотрел в глаза испуганной молодой женщины. Ее страх казался неподдельным, рожденным смятением или паникой. Такер вспомнил, как она переходила площадь, — яркая, легко уязвимая мишень. Кем бы незнакомка ни была, она явно не преступница.

Он должен доверять своим инстинктам. Одной из причин, почему он работал в паре с Кейном, был его высокий уровень эмпатии. У военных кинологов даже была поговорка — *ЭТО передается по поводку.* Считалось, что со вре-

менем эмоции человека и животного становятся общими, связывая их воедино крепко, как поводок. Это же умение позволяло ему, как открытую книгу, читать людей. От Такера не ускользали даже малейшие нюансы языка тела, выражения лиц, на что другие люди просто не обращают внимания.

Стоило ему посмотреть на эту юную женщину, как он тотчас понял, что она в настоящей беде.

Что бы ни случилось — это была не ее вина.

Приняв решение, Такер взял ее за руку и быстрым шагом направился в переулок. Его отель, «Будапешт-Хилтон», находится недалеко, прямо за углом. Главное — оказаться в безопасности, тогда он сможет вычислить, что на самом деле происходит и что нужно делать.

Но прежде всего ему нужна информация. Нужны зоркие глаза и чуткие уши, а в его случае и собачий нос.

Такер снова вытащил сотовый телефон, нажал на кнопку и отдал команду.

Кейн слышит его голос и понимает команду.

«СЛЕД!»

Он встает, сбрасывает поводок и, не обращая внимания на клацанье «карабина» по камням мостовой, ныряет под скамью, где его тотчас укрывает тень. Здесь Кейн поднимает нос в ночной воздух. Впитывает запахи окружающего мира, получает информацию о том, чего можно не заметить в темноте, хотя глаз у него зоркий и даже ночью он может увидеть многое.

Тухловатый запах объедков из контейнера пищевых отходов...

Застарелый запах мочи от каменной стены...

Дымный бензиновый выхлоп пытается перекрыть все остальные запахи...

Но он продолжает принюхиваться, выискивая тот запах, который ему приказано найти. Это — проторенная дорожка на фоне всех прочих: запах кожи и пота, соль

на коже, мускусная влажность под длинными полами плаща, которую он уловил, когда указанный напарником человек прошел перед ним...

Теперь он идет по этому следу, и след этот светит, подобно зажженному маяку, сквозь облака миазмов.

Кейн ведет охоту за ним, прячась под скамьей, следя за каменным углом, оставаясь в тени. Ждет. Он видит, как добыча выбегает из-за угла.

Он припадает к земле.

Добыча и другой человек пробегают мимо, не замечая его.

Он ждет, ждет, ждет — и только тогда отправляется следом.

Почти прижимаясь брюхом к земле, Кейн передвигается из тени в тень, пока не замечает добычу. Та согнулась над другим человеком. Верзила и его напарник поднимают упавшего, осматриваются, затем уходят.

Он устремляется за ними, призрак, идущий по следу.

Такер торопливо провел незнакомку через главный вход отеля «Будапешт-Хилтон». Историческое здание расположено всего в считаных шагах от церкви Святого Матиаша. На пути к отелю их никто не заметил.

Такер быстро провел ее в вестибюль, в очередной раз удивившись странному смешению старины и современности, столь присущему этому городу. Отель расположился в нескольких зданиях доминиканского монастыря тринадцатого века, включая в себя церковную стрельчатую башню, восстановленное аббатство и погреба в готическом стиле. Не столько отель, сколько музей. Даже дверь, в которую они вошли, была когда-то частью старинного фасада иезуитского колледжа, основанного в 1688 году.

Ему и Кейну предоставили здесь номер благодаря специальному международному военному паспорту, в котором собака значилась армейским рабочим животным. У Кейна даже имелось звание — *майор*, на одну ступеньку выше,

чем у Такера. Все военные собаки были рангом выше, чем их напарники-люди. Это позволяло рассматривать случаи жестокого обращения с животными в военно-полевом суде. Приговор обычно гласил: *за рукоприкладство по отношению к старшему по званию.*

Кейн заслужил и свое звание, и особое положение. За время выполнения боевых заданий он спас сотни жизней. Так же, как и его напарник.

И вот теперь на них легла новая обязанность. Защитить эту женщину и выяснить, во что они вляпались.

Такер провел незнакомку через вестибюль в свой гостиничный номер, одноместный, с огромной кроватью. Сама комната была небольшой, однако из ее окна открывался вид на Дунай, рассекавший город на две части — Буду на этом берегу и Пешт — на другом. Отодвинув от стола стул, Такер предложил гостье сесть. Сам он устроился на краю кровати и посмотрел на экран мобильника: ага, Кейн продолжает слежку. На экране было видно, как двое тащат по узким извилистым улицам третьего, который, похоже, так и не пришел в сознание.

Такер положил телефон на колени и повернулся к девушке.

— Может, вы все-таки расскажете мне, в какой беде оказались, мисс?..

Незнакомка безуспешно попыталась улыбнуться.

— Барта. Алица Барта. — На ее глаза неожиданно накатились слезы, и она поспешила отвернуться. — Я не знаю, что происходит. Я приехала из Лондона, чтобы встретиться с отцом... или, точнее, чтобы *найти его*. Он — профессор гебраистики Будапештского еврейского университета.

Алица вопросительно посмотрела на Такера, пытаясь понять, слышал ли он о таком учебном заведении. Когда тот ответил ей непонимающим взглядом, она заговорила дальше. От Такера не скрылось, как сквозь слезы прорывается семейная гордость.

— Это один из лучших университетов, где изучают еврейскую культуру и религию. Он был основан в середине девятнадцатого века. Это старейшее учебное заведение в мире, где готовят раввинов.

— Так ваш отец раввин?

— Нет. Он историк. Он изучает зверства нацистов, в частности, занимается темой разграбления имущества евреев.

— Я слышал о попытках найти и вернуть награбленное.

— На выполнение этой задачи потребуются десятилетия, — кивнула Алица. — Чтобы вы представили себе масштаб проблемы, скажу следующее: британское министерство, в котором я работаю в Лондоне, оценивает награбленное нацистами в покоренных ими странах в 27 триллионов долларов. Венгрия не была исключением.

— И ваш отец расследует преступления, совершенные нацистами на венгерской земле? — До Такера начал доходить смысл проблемы: пропавший историк, утерянные сокровища, спрятанные нацистами, и каким-то образом причастная к этому венгерская национальная служба безопасности.

Кто-то что-то нашел.

— Последние десять лет он расследовал одно происшествие. Ограбление Венгерского национального банка в конце войны. Немецкий офицер, точнее, оберфюрер СС Эрхард Бок и его подчиненные бежали из страны, прихватив тридцать шесть ящиков с золотом и драгоценными камнями, которые сегодня оцениваются в 92 миллиона долларов. Согласно документам того времени, всё это они погрузили на пароход и отправили по Дунаю в Вену. Однако по пути пароход попал под авианалет. Сокровища выбросили за борт примерно в том месте, где Дунай сливается с Моравой.

— И эти сокровища так и не были найдены?

— Да. Это удивляло моего отца, потому что факт ограбления широко известен, так же как и судьба сокровищ.

Дело в том, что устье Моравы сильно мелеет в это время года. А если учесть, что в течение двух лет имела место сильная засуха, то тогда оно было совсем мелким. По мнению отца, кто-то должен был обнаружить эти ящики прежде, чем их засосало речным илом.

— И у вашего отца есть другая теория, верно я понял?

Их взгляды встретились.

— Он считает, что сокровища никуда не увозили, а спрятали где-то в Будапеште. Эрхард Бок наверняка рассчитывал, что сможет вернуться за ними. Конечно, этого не произошло, и на смертном одре Бок намекнул, что сокровища остаются на прежнем месте. Он якобы захоронил их там, *где до них не дотянутся даже когти мертвых евреев*.

Такер вздохнул.

— Как говорится, бывших нацистов не бывает.

— Два дня назад отец оставил на моем автоответчике загадочное послание. Он заявил, что совершил невероятное открытие благодаря важной подсказке, которую отыскал в недавно возвращенном архиве университетской библиотеки. Документ из пражской пещеры.

— Пражской пещеры?

Алица кивнула и поспешила объяснить:

— Библиотека здешнего университета обладает самым богатым после Израиля собранием еврейской теологической и исторической литературы. Когда немецкие войска оккупировали Будапешт, они сразу же закрыли еврейский университет и превратили его в тюрьму. Однако незадолго до этого самые ценные рукописи были спрятаны в подземном хранилище. Однако внушительное количество важных документов — три тысячи книг — немцы перевезли в Прагу. В еврейском квартале чешской столицы Адольф Эйхман собирался устроить музей исчезнувшей расы.

— Какой славный парень.

— Лишь в 1980-х годах эти книги были обнаружены в пещере под Прагой. А после падения коммунизма в 1989 году они были возвращены в Будапешт.

— И ваш отец нашел нечто важное среди этих возвращенных книг?

Девушка посмотрела ему в глаза.

— Да, в учебнике *по геологии*. Отец оставил сообщение на автоответчике, в котором просил меня, чтобы я, в свою очередь, попросила у британского министерства помощь в получении спутниковой информации. В Венгрии отец так и не смог ничего добиться.

— Что это за информация?

— Информация радара, зондирующего глубины земли с американского геофизического спутника. Ему нужно было глубокое подземное сканирование Пешта на другой стороне Дуная.

Алица посмотрела в окно на реку и сиявший огнями город.

— Получив это сообщение, я попыталась дозвониться до него, чтобы выяснить подробности. Мне это так и не удалось. Прошли сутки, и я начала беспокоиться. Я попросила одну из моих здешних подруг зайти к нему домой. Та сообщила мне по телефону, что квартира разгромлена, все перевернуто и разбито. Отец куда-то исчез. Тогда я села на первый же самолет, летевший рейсом в Будапешт. Весь день я провела в венгерской полиции. Похоже, там практически ничего не хотели делать, лишь пообещали держать меня в курсе розысков. Когда я вернулась к себе в отель, то обнаружила, что в моем номере был обыск. Дверь взломана, мебель перевернута, вещи разбросаны по всей комнате.

Алица выразительно посмотрела на Такера.

— Я не знала, что делать, не знала, кому доверять. Я просто убежала из отеля и оказалась на площади. Я была уверена, что за мной следят, но потом посчитала, что это

просто паранойя. Скажите, *что* может быть кому-то от меня нужно? Что ищут эти люди?

— Так вы получили ту самую информацию со спутника, о которой вас просил отец?

Глаза девушки удивленно расширились. Она сунула руку в карман пальто и вытащила небольшую флешку.

— Так, значит, они ищут вот это?

— Вполне может быть, а также и *вас*. Чтобы использовать как средство давления на вашего отца.

— Но зачем? И где может быть мой отец?

Такер посмотрел на сотовый телефон, лежавший у него на коленях. Люди, за которыми следовал Кейн, подошли к седану, припаркованному за пределами исторической части города. Здесь пес замедлил шаг и юркнул в ближайшую тень. Старшего было легко заметить. Он стоял, прислонившись к капоту машины, и прижимал к уху мобильный телефон.

— Надеюсь, эти парни дадут нам подсказку, — сказал он. — Вы говорите по-венгерски?

— Говорю. Моя семья родом из Венгрии. После отправки венгерских евреев в Освенцим мы потеряли почти всех родственников. Но кое-кто все-таки остался в живых.

Такер похлопал по кровати рядом с собой.

— Тогда послушайте это.

Алица села рядом и вгляделась в экран сотового.

— Кто это снимает? — спросила она и наклонилась ниже. — Это те самые люди, что преследовали меня?

— Да, они.

Алица, прищурившись, посмотрела на Такера.

— Но как?..

— Я послал Кейна следить за ними. Он оснащен полным комплектом видеонаблюдения.

Его слова встревожили ее еще больше. Впрочем, Такер не стал вдаваться в подробности, а просто включил громкость. Шум уличного движения и завывание ветра погло-

щали слова громилы, однако несколько фраз прозвучало довольно отчетливо.

Алица сосредоточенно поджала губы и наклонила набок голову, прислушиваясь. Такер невольно обратил внимание на изящный изгиб длинной шеи.

— О чем они говорят? — спросил он.

Алица, запинаясь, начала переводить:

— Что-то о кладбище. Заброшенном еврейском кладбище.

Наконец громила закончил говорить по телефону и скрылся в седане. Алица покачала головой.

— В конце он упомянул название улицы. *Шальготарьяни.*

Как только машина отъехала, Такер взял телефон и, нажав на кнопку, передал команду Кейну.

— Возвращайся домой. Молодчина, Кейн.

Опустив телефон, он увидел, как пес развернулся и потрусил в сторону отеля. Убедившись, что с Кейном все в порядке, Такер повернулся к Алице.

— Похоже, что эта троица действует на свой страх и риск. Кто-то услышал о расследовании вашего отца. О том, что, возможно, обнаружены потерянные сокровища. Вот они и пытаются украсть награбленное.

— Что же нам делать? Обратиться в полицию?

— Я не уверен, что это будет самое мудрое решение, особенно если вы хотите найти вашего отца живым и здоровым.

Последние слова Такер произнес с особым нажимом. Алица тотчас побледнела. Что ж, это даже неплохо. Пусть знает, каковы ставки в этой игре.

— Теперь, когда эти типы потеряли след, они загнаны в угол. — Это можно было заметить даже на зернистой картинке видеокамеры. — Полиция уже взялась за поиски вашего отца. Теперь эта троица ищет вас, чтобы использовать в качестве инструмента шантажа, из чего следует, что в данный момент ваш отец все еще жив. Но теперь, поскольку

вы тоже пропали, а полиция хотя и медленно, но все же делает свое дело, они будут вынуждены спешить. Боюсь, что, если сегодня ночью они не получат то, что им нужно, они убьют вашего отца, чтобы замести следы. Впрочем, даже если они добьются от него нужных сведений, его ждет все тот же печальный конец.

— Значит, нет никакой надежды?

— Надежда есть всегда. Они напуганы и, скорее всего, начнут делать ошибки.

И станут еще более опасными, мысленно добавил он.

— Что же нам тогда делать?

— Мы узнаем, куда они забрали вашего отца. Та улица, которую они назвали. Вам известно, где она находится?

— Нет, я не слишком хорошо знаю Будапешт.

— У меня есть карта.

Такер достал карту города и разложил ее на кровати. Касаясь плечом его плеча, девушка склонилась над картой рядом с ним. Аромат жасмина отвлекал.

— Вот она, — произнесла Алица. — Улица *Шальготарьяни*.

Такер провел пальцем по улице, заканчивающейся тупиком.

— Это почти в центре Пешта, и она как будто тянется вдоль... — Такер прочитал название и вопросительно посмотрел на девушку. — С кладбищем Керепеши. Оно может быть тем самым заброшенным еврейским кладбищем, о котором вы услышали из их разговора?

— Нет, вряд ли. Керепеши — старейшее кладбище во всей Венгрии. — Алица провела пальцем ближе к Дунаю. — Еврейский квартал вот здесь. Здесь же и большая часть наших захоронений. Это примерно в трех милях от кладбища Керепеши.

— Значит, мне придется взять Кейна и самому осмотреть эту улицу.

— Но это слишком опасно, — сказала девушка и тронула его за рукав. — Я не смею просить вас об этом.

— Вам не нужно меня просить. Если я не доведу это дело до конца, то они придут и за мной. Тот тип, которого я оглушил в переулке, видел, что вы были не одна. Знаете, я не хотел бы провести остаток жизни, постоянно оглядываясь и проверяя, не преследуют ли меня агенты венгерской охранки.

— Тогда я пойду вместе с вами.

— Извините, но у нас с Кейном такое правило: мы работаем только вдвоем. Вам лучше остаться здесь.

С этими словами он шагнул к двери, но Алица преградила ему дорогу.

— Вы не говорите по-венгерски. Вы не знаете, как выглядит мой отец. И вы совсем ничего не знаете о городе. В опасности жизнь моего отца. Я не собираюсь сидеть сложа руки, надеясь, что все обойдется. Когда-то мои соплеменники тоже на это надеялись. Сами знаете, чем это для них кончилось.

Было видно, что она собралась спорить с ним, но Такер лишь пожал плечами.

— Хорошо, вы убедили меня. Я действительно не знаю языка. Пойдемте.

Такер вместе с Алицей сидел на заднем сиденье такси. Машина катила по великолепному Цепному мосту, соединяющему оба берега Дуная. Девушка сидела посередине, между Кейном и Такером. Пес все это время высовывал нос в приоткрытую щель окна и радостно бил хвостом.

Алица погладила Кейна по холке, что, возможно, усилило радостное настроение четвероногого пассажира. По крайней мере, присутствие собаки успокаивало. Напряжение, которым было сковано все ее тело, слегка ослабло. И все же она крепко сжимала отцовский свитер, лежавший у нее на коленях. Сжимала так, что побелели костяшки пальцев.

Выйдя из отеля, они слегка замешкались, чтобы забрать Кейна, который покорно ожидал их перед входом. Потом

по пути в Пешт им пришлось ждать друга ее отца, того самого, кто согласился тайком проникнуть в опечатанную полицией квартиру, чтобы забрать что-нибудь из вещей в шкафу. Им был нужен его запах. Дело было рискованное, но, похоже, за квартирой никто не наблюдал.

И все-таки Такер продолжал следить, нет ли за ними «хвоста» — тот вполне мог увязаться за ними, когда они проехали по мосту и, оставив Буду, покатили по улицам Пешта.

Еще через пятнадцать минут они добрались до центра второй половины города и проехали мимо похожего на огромный парк кладбища Керепеши с его массивными мавзолеями, бесчисленными скульптурами и длинными рядами могильных камней.

Такси остановилось на улице *Шальготарьяни*, на границе кладбища. Сказав несколько слов по-венгерски таксисту, который большую часть пути подозрительно косился на Кейна, Алица расплатилась с ним и даже сунула пару лишних банкнот за доставленные неудобства.

Все вылезли и подождали, пока такси не уедет. Когда машина наконец скрылась из вида, Алица повернулась к Такеру.

— Ну, что теперь?

— С этого места мы отправим Кейна на задание. Но сначала его нужно экипировать.

Такер указал на парковую скамью, почти незаметную в тени старинного дуба. Густо поросшая буками и березами, кустарником и зарослями диких роз, вся улица казалась старой и заброшенной. В темноте мерцали огни нескольких домов. Сама дорога была разбитой, с многочисленными рытвинами, как будто по ней давно никто не ездил. Такер подвел спутницу к скамье, и они сели.

Кейн присоединился к ним лишь после того, как, задрав ногу над трухлявым пеньком, «пометил» улицу как свою законную территорию.

Ухватив пса за загривок, Такер встряхнул спрятанный под собачьим «комбинезоном» тактический жилет — хотел проверить, что никакая деталь не болтается и не выдаст лязгом его четвероногого напарника. С этого места они должны действовать как можно более незаметно. Такер включил видеокамеру, приподнял объектив и проверил наушник пса.

— Все в полном порядке, дружище, — сказал Такер, пригнувшись к собачьей морде. — Готов к охоте?

Ответом ему стало энергичное помахивание хвостом. Темные глаза Кейна блеснули в темноте.

Алиса протянула Такеру шерстяной свитер. Кейн уже хорошенько обнюхал его, но дополнительная порция запаха дела не испортит.

— Цель! — произнес Такер. Пес старательно принюхался к свитеру, затем приподнял голову. Такер указал на обсаженную деревьями улицу: — Иди по следу и найди!

Пес вздрогнул и устремился вперед. Еще несколько секунд, и он исчез в темноте, как будто его здесь никогда не было.

Такер встал и вытащил сотовый телефон. Он заранее надел наушник и включил ларингофон, чтобы общаться с Кейном без помощи рук. Вскоре в наушнике послышалось шумное дыхание пса. Чувствительный микрофон многократно усиливал любые звуки. Отлично.

Проверив связь еще разок, Такер повернулся к Алисе.

— Вы можете подождать здесь. Если мы что-нибудь найдем...

Она явно была не против остаться, но все-таки встала.

— Я пойду за вами.

Такер кивнул и, проверив отобранный у венгра пистолет, засунул его за ремень.

— Посмотрим, что найдет Кейн.

Они зашагали по улице. Такер шел, стараясь держаться в тени густо заросшей деревьями аллеи, избегая пятен

света, отбрасываемых окнами редких домов. Впрочем, в подобной предосторожности особой необходимости не было. В наушник он слышал дыхание пса, а на экране мобильника видел, где тот находился. Собака была продолжением его органов чувств, а не просто напарником по работе.

Вскоре они услышали, как вдалеке залаяли другие собаки, по всей видимости почуявшие появление Кейна. Если люди имеют в носу примерно шесть миллионов обонятельных рецепторов, то поисковые собаки вроде Кейна — триста миллионов, что во много раз увеличивает их способность распознавать запахи. Это позволяет им обнаружить цель на расстоянии, равном длине двух футбольных полей.

Такер не сводил глаз с дороги и постоянно прислушивался, не идет ли кто сзади. Он также отслеживал передвижения Кейна — тот постоянно петлял в поисках следа. Такеру казалось, что его собственное восприятие расширяется. Все его органы чувств были напряжены до предела, сравнявшись по остроте восприятия с его четвероногим другом.

Он теперь по-иному, более остро, ощущал близость Алицы: запах ее кожи, звук шагов, участившееся дыхание. Стоило ей сократить расстояние между ними, как он спиной уловил тепло ее тела.

На экране телефона Кейн еще раз перебежал улицу, двигаясь, судя по всему, в направлении тупика. Домов там не было, заросли как будто стали гуще и выше, а деревья старее. На экране появилась кирпичная арка, наполовину скрытая деревьями. Ее фасад сильно потрескался и был изрядно выщерблен. Вход закрывали заржавленные чугунные ворота.

Интересно, что там, за ними?

Стараясь держаться в тени, Кейн обошел небольшую площадку перед входом. К арке прилепился крошечный домик смотрителя кладбища. В окнах было темно. Кейн

подошел к воротам и понюхал их нижний край. Такер заметил, как пес тотчас напрягся: вытянул нос вперед и поджал хвост. Ага, значит, что-то нашел...

Такер обернулся и прикоснулся к плечу девушки.

— Кейн взял след, обнаружил там запах вашего отца.

В глазах Алицы вспыхнула надежда. Девушка торопливо шагнула вперед, но Такер крепко сжал ей руку и удержал на месте.

— Держитесь позади меня, — сказал он. Затем потрогал ларингофон и отдал команду Кейну: — Молодчина. Пригнись. Спрячься!

Он увидел на экране, как пес нырнул в сторону и скользнул в тень справа от арки.

Такер повел Алицу вперед. Вскоре они дошли до конца улицы. Вокруг, похоже, все было спокойно. Уэйн подвел девушку к высокому буку.

— Я проверю ворота, — сказал он. — Посмотрю, заперты они или нет. Вы оставайтесь здесь и ждите, пока я не дам вам знак, что все в порядке.

Алица кивнула и нервным жестом машинально прижала руку к горлу.

После этого Такер последовал примеру Кейна: вместо того, чтобы идти по прямой, обошел стоянку по периметру, стараясь держаться в тени. Луна над головой светила ярко, бросая на землю слишком много света.

Такер пригнулся, чтобы его не заметили из окон пристроенной к арке сторожки. Нет, все тихо. Еще пара шагов, и он оказался возле ворот. На его счастье, те были не заперты. Такер рискнул протянуть руку, чтобы толкнуть одну половинку. Увы, прежде чем он успел это сделать, темноту за воротами прорезали лучи двух мощных фар. Ослепленный, Такер застыл на месте.

Из темноты раздался знакомый грубый голос. К несчастью, человек говорил по-венгерски. Такер решил не обращать на него внимания. Бросившись в сторону, он вы-

хватил отобранный у оглушенного «охотника» пистолет и выстрелил по фарам.

Из-за ворот открыли ответный огонь.

Раздался треск разбитого стекла, и одна фара погасла. Затем машина устремилась вперед.

Черт!

Такер отскочил от арки, чтобы не попасть под колеса летевшего прямо на него седана. Не успел он отскочить в сторону, как у него за спиной с лязгом распахнулись ворота и мимо него на площадку вылетела похожая на огромного черного зверя машина. Раздался треск выстрелов, и Такер поспешил нырнуть в заросли, где спрятался за стволом старого дуба и попытался перевести дыхание. Затем через ларингофон отдал команду Кейну:

— *Спрячься!*

Сам он решил сделать то же самое.

В следующее мгновение до него донесся громкий крик, перекрывший собой даже рев мотора. Кричали по-венгерски. Такер осмелился выглянуть из-за дерева. Дверь заднего пассажирского сиденья машины была приоткрыта. В свете уличного фонаря он увидел, как Алицу затащили в салон автомобиля. По всей видимости, подъехавший сзади седан застал ее врасплох, а включенные фары высветили место, где она пряталась.

Верзила-венгр с рябым лицом держал девушку за горло, приставив к ее виску пистолет. На этот раз он попытался заговорить по-английски:

— Выходи сюда, или я ее пристрелю!

Не имея иного выбора, Такер, подняв руки, вышел из-за дерева. Пистолет он держал за скобу одним пальцем.

— Бросай оружие! — крикнули ему.

Такер бросил пистолет в сторону седана, и тот улетел под днище машины.

— Иди сюда!

Ага, история принимает интересный оборот — явно не к добру. Он приблизился к Алице. Та виновато посмотрела на него, как будто извинялась.

Такер покачал головой.

Ты ни в чем не виновата.

Такера довольно поверхностно обыскали, после чего вместе с Алицей под дулом пистолета повели к воротам, которые теперь болтались на петлях. Седан медленно покатил вслед за ними, подталкивая их вперед.

За кирпичной кладкой арки заросли сделались гуще. Деревья были обвиты плющом, повсюду рос папоротник. Могилы и склепы напоминали разбросанные по земле детские кубики. Многие были взломаны и зияли черными ямами. Ограды были повалены или, словно пьяные, стояли покосившись одна на другую. Белые мраморные плиты и камни поросли мхом и лишайником. Большая часть могил была завалена кучами листьев и мусора.

Такер посмотрел на Алицу. Судя по ее глазам, она узнала это место.

На ближней могильной плите была высечена звезда Давида.

Это было то самое заброшенное еврейское кладбище.

Их подтолкнули к домику смотрителя. В глубине крошечного помещения, просачиваясь через плотные занавески, мерцал свет.

Когда они подошли ближе, дверь открылась, и они на мгновение зажмурились от яркого света.

В дверном проеме стоял мужчина — высокий, похожий на скелет, в очках с толстой роговой оправой. Его взгляд равнодушно скользнул по Такеру и остановился на Алице.

Девушка неуверенно шагнула вперед.

— Профессор Чорба?..

Значит, этот человек ей знаком.

— *Jó estét*, мисс Барта, — поприветствовал он ее. — Извините, что мы встретились с вами в столь прискорбных обстоятельствах.

Он отошел в сторону, уступая ей дорогу.

— Домонкош, проведи наших гостей. — Глаза профессора наконец остановились на лице Такера. — Вот уж не думал, что наша независимая мисс Барта наймет телохранителя. Это я недоглядел. Впрочем, не такой уж серьезный промах.

Рябой громила по имени Домонкош подтолкнул Такера в спину, и тот шагнул в дверной проем.

Помещение производило довольно странное впечатление: на полу из грубых досок были разбросаны толстые, хотя и изрядно потертые ковры; низкий потолок с деревянными стропилами, в углу небольшой очаг, в котором ярко алели угли.

Домонкош подтолкнул Такера к стене. Второй громила занял пост возле окна. Еще один вышел в прихожую, видимо для того, чтобы посмотреть, нет ли кого на улице, чтобы в случае чего открыть стрельбу.

Прислонившись к стене, Такер уловил знакомый кисловатый запашок. Тот доносился откуда-то из соседнего помещения. Все понятно. Где-то там лежит мертвое тело, а может, даже не одно, которое уже начало разлагаться. Скорее всего, хозяин сторожки.

Был и другой запах — запах свежей крови.

К стулу был привязан человек с растрепанными седыми волосами. Все его лицо было в синяках, один глаз распух. Из обеих ноздрей тянулись полоски запекшейся крови. Когда Такер вошел внутрь, единственный целый глаз вспыхнул искоркой надежды, однако эта искорка моментально погасла, стоило ему вновь увидеть своих мучителей.

— Алица! — надсадно прохрипел он.

— Отец! — Она бросилась к нему и опустилась на колени рядом со стулом. По ее щекам потекли слезы. Девушка

обернулась к человеку, который встретил ее в дверях: — Как вы могли?

— Боюсь, у меня есть на то девяносто два миллиона причин, моя дорогая.

— Но вы же проработали с моим отцом почти тридцать лет!

— Да, верно, в том числе десять лет при коммунистическом режиме, пока ваш отец находился в Лондоне, наслаждаясь радостями свободного мира. — В голосе профессора Чорбы звучала зависть и еле сдерживаемая ярость. — Вы не понимаете, каково нам было жить здесь. Я потерял мою дорогую Марию лишь потому, что у врачей не нашлось в нужном количестве антибиотиков. Затем я потерял мою маленькую отважную Луизу. Ее застрелили при разгоне демонстрации. Я не позволю, чтобы сокровище вернули нынешнему правительству, потому что оно ненамного лучше прежнего. Просто до власти дорвались старые игроки от политики.

Не позволю! Никогда!

— Так вы решили присвоить сокровище? — с вызовом спросила Алица. Было видно, что его слова не пробудили в ней сочувствия.

— Я использую его на благие цели, мы поможем угнетенным, исцелим страждущих!

— А что будет с моим отцом? — разрыдалась девушка. — Его вы тоже исцелите?

— Его я оставлю в живых — при условии, что он не станет упрямиться и согласится сотрудничать. Так же, как и вы, мисс.

Свежо предание, подумал Такер.

То же недоверие отразилось и на лице Алицы.

Чорба вытянул руку.

— Благодаря моим источникам я знаю, Алица, что вы раздобыли то, о чем просил вас отец. Сведения со спутника, полученные от американцев.

— Не... делай... этого!.. — выдавил привязанный к стулу старик. Каждый звук давался ему с великим трудом.

Алица посмотрела на отца, а затем на Такера.

Выбора у нее не было, Уэйн это понял. Ее обыщут, изобьют и в любом случае получат то, что им нужно.

Такер опустил голову — не только чтобы шепотом высказать свое мнение, но также спрятать ларингофон. У него отобрали телефон и нож, но не заметили горошину наушника в левом ухе и прилепленный к горлу ларингофон. Тот был довольно чувствительный, чтобы воспринимать даже малейший шепот.

Алица неохотно отдала похитителям флешку. Чорба и его подручные моментально оживились. Пользуясь моментом, Такер прикрыл рукой рот и прошептал едва слышные команды.

Кейн прячется в тени. Такеру слышно, как стучит его сердце, слышно его негромкое дыхание.

Пес вспоминает грохот выстрелов, скрежет шин, вонючий бензиновый выхлоп. Он хочет броситься к партнеру, залаять, зарычать, впиться зубами в его врагов.

Но он остается в тени, потому что ему так велено.

Теперь в его ухе звучит новая команда.

ПРИНЕСИ МОЙ ПИСТОЛЕТ, СПРЯЧЬСЯ ПОД МАШИНОЙ.

Кейн выглядывает в темноту, на освещенную лунным светом площадку, где лежит пистолет. Он знает, что такое пистолет. Он видел, как тот полетел под машину, куда его бросил напарник. Пистолет лежит там.

Прижимаясь к земле, Кейн выскакивает из темноты и хватает зубами пистолет. Язык тотчас ощущает привкус дыма, пороха и пота напарника. Кейн двигается бесшумно и быстро ныряет обратно в тень. Затем бросается под арку на еле слышный звук остывающего мотора —

туда, откуда доносится вонь горелого масла, — готовый скользнуть под брюхо машины и ждать.

Однако откуда-то слева доносится рычание.

Из зарослей возникает какая-то тень.

Он чует других собак, их запах на дороге, на кустах, в воздухе.

Они пометили эту территорию как свою. Кейн опускает пистолет на землю, в грязь. По движениям напряженных лап он узнает вожака стаи, когда тот выходит ему навстречу в окружении нескольких силуэтов, которым принадлежит это место. Это их земля, и на ней могут находиться только они. Чужакам здесь не место.

Чтобы помочь напарнику, Кейн должен сделать эту землю своей, хотя бы на одну ночь.

Приглушенно рыча, он бросается навстречу самой крупной тени.

Рычание и вой безумной собачьей драки зловещим эхом прокатились по сторожке. Эти звуки чем-то напоминали доисторическую эпоху, где всегда были кровь, злоба и выживание.

Такер услышал эти звуки в наушник.

Кейн.

Его сердце сжалось от страха.

Домонкош улыбнулся. Услышав этот дикий хор, он что-то сказал по-венгерски. Стоявший у окна громила ухмыльнулся в ответ.

В отличие от них, Чорба даже не поднял головы от ноутбука, который извлек из «дипломата».

— Бродячие псы, — пояснил он, не сводя глаз с экрана. — Они нашли себе приют на этом заброшенном кладбище.

Неудивительно, что никто не отреагировал на присутствие здесь Кейна. Для них он всего лишь один из многих бродячих псов.

— Псы! — продолжил Чорба. — Вот кому вы хотели отдать сокровища, Якоб!

Отец Алицы поднял голову и посмотрел на бывшего коллегу. Якоб Барта и его дочь крепко сжали друг другу руки. Они не питали никаких иллюзий по поводу своего ближайшего будущего, зная, что живыми их отсюда не выпустят.

— Но те, кто стоит у власти, еще хуже диких псов, — продолжил Чорба. — Если дать им такое количество золота, оно вызовет настоящий огненный смерч коррупции и беззакония. Погибнет много людей. Нет, этому не бывать, им оно не достанется.

Такеру стоило немалых трудов прислушиваться к хору собачьей свары. Прекратилась она столь же внезапно, как и началась. Затаив дыхание, он напряг слух, пытаясь понять исход битвы, но так ничего и не услышал.

Никакого частого дыхания, никого сопения, никакого шороха лап по земле.

Привычное присутствие его Кейна куда-то исчезло, сменившись гнетущей тишиной. Неужели поврежден аудиодатчик? Или он как-то выключился во время драки Кейна с чужими собаками?

Или случилось нечто худшее?

Сердце Такера как будто подкатило к горлу.

Кейн...

Чорба радостно потер руки.

— Наконец-то!

На экране ноутбука появилось изображение старой карты кладбища, начерченной еще от руки. На ней была помечена даже кирпичная арка.

Профессор указал на экран.

— Якоб нашел эту карту среди старых документов, в которых описывалось погребение 1888 года и то, как могильщики пробились в пещеру, расположенную под кладбищем. Венгерский ландшафт изобилует целой системой таких подземных пустот естественного происхождения.

Даже здесь, под Будапештом, существует примерно две сотни пещер — больших и малых, — которые тянутся прямо под нашей столицей. В основном это следствие естественной геотермической активности региона.

Алица вздрогнула, в глазах ее застыл ужас.

— Умирая, оберфюрер СС Эрхард Бок сказал, что похищенное золото *спрятано под землей, где до него не дотянутся даже когти мертвых евреев*. Он говорил прямо и недвусмысленно, имея в виду еврейское кладбище. *Под* еврейским кладбищем. Это вполне в духе нацистов — спрятать награбленные сокровища на еврейском кладбище. Должно быть, Эрхард Бок что-то слышал о небольшом захоронении, расположенном на некотором расстоянии от еврейского квартала, в частности о том, что под кладбищем есть пещера. Спрятав там сокровища, он, по всей видимости, ликвидировал всех, кому было о них известно, а также уничтожил все ссылки и сведения о ней в литературе. Тем самым Бок гарантировал, что тайна умрет вместе с ним, если он не сможет позднее забрать эти сокровища.

Якоб Барта поднял голову и повернулся к дочери.

— Откуда ему было знать, что одна из этих старинных книг сохранится до наших дней и вернется в Будапешт. Зло беспечно, оно никогда ни о чем не думает.

Его последние слова были обращены к Чорбе, но не достигли цели.

— Вот оно, нашел, — произнес профессор.

На экране появилась современная фотосъемка, сделанная со спутника и наложенная на старинную карту. Метод подповерхностной геолокации грунта позволял обнаружить подземные пустоты: тайные подвалы, бункеры, пещеры, вернее, целую систему пещер. Топографические линии, появившиеся на экране, очертили контуры кладбища. Темные пятна означали скрытые пустоты. В верхнем левом углу отчетливо виднелось размытое пятно, располагавшееся под одной из отмеченных на карте могил.

Чорба повернулся к ним. Глаза его радостно сверкнули.

— Это она! — Он посмотрел на Домонкоша. — Возьмите двух своих людей. Скажите им, чтобы захватили с собой молотки, ломики и веревки. Если сокровище на месте, то нам хватит всего одной ночи, чтобы погрузить его на грузовик и вывести из Будапешта, прежде чем кто-то заподозрит что-либо.

Верзила указал на Такера и заговорил по-венгерски. Чорба кивнул и что-то ответил тоже по-венгерски.

Такер повернулся к Алице.

— Он говорит, что на вид ты сильный, — с испуганным видом пояснила она. — Им наверняка пригодится лишняя пара рук, когда они станут вскрывать могилу.

Которая вполне может стать его собственной, подумал Такер.

Чорба указал на Алицу:

— Свяжите ее. Как только мы убедимся, что сокровища на месте, мы решим, что нам с ними делать.

Запястья и лодыжки Алицы быстро обмотали веревками. Как только с этим было покончено, Чорба поднял небольшой чемоданчик, поставил его на стол и откинул крышку. Внутри оказались серо-желтые блоки взрывчатки С-4, снабженные детонаторами. Чорба нажал на кнопку, и один за другим зажглись зеленые огоньки.

Тогда он повернулся и заговорил по-английски, главным образом для пленников:

— Этой вещью со мной любезно поделились коллеги Домонкоша из службы национальной безопасности. — С этими словами он поднял радиопередатчик. — Этакий подарок, который поможет стереть наши следы, зато сотворит небольшой хаос, который в свою очередь поможет нам незаметно выскользнуть из Венгрии.

Пристально глядя на Такера, Чорба сунул передатчик в карман.

— А пока, как мне кажется, он послужит нам чем-то вроде страховки на тот случай, если ты задумаешь выкинуть какую-нибудь глупость. Одно нажатие кнопки, и Алиса и Якоб навсегда останутся на этом кладбище.

Такера грубо подтолкнули к двери, а из нее — в холодную ночь. После яркого света внутри сторожки кладбище показалось ему еще темнее. Он осмотрелся по сторонам в надежде увидеть верного пса. Вдруг Кейн сумел спрятаться с пистолетом под машиной?

Проверить это можно было, лишь заглянув под брюхо седана. Сделав вид, как будто за что-то зацепился, Такер растянулся плашмя на земле. Домонкош мерзко хохотнул у него за спиной. Лежа на животе, Такер попытался увидеть, есть ли что-то под брюхом седана. Увы, там было темно, и он ничего не заметил.

Но главное, там не было Кейна.

В следующий миг чья-то рука схватила его за воротник и поставила на ноги.

— На этих пятнадцати акрах, — предупредил Чорба, — земля сплошь и рядом усеяна камнями. Этак недолго расшибить голову. Я бы советовал всем внимательно смотреть под ноги.

В его словах Такеру послышалась угроза.

Чорба повел их за собой, держа в одной руке фонарь, в другой — радиопередатчик. Такер шагал следом, за ним — все остальные. Их небольшая колонна медленно двигалась по заросшему плющом кладбищу. Тот буквально душил в своих объятиях любую поверхность, каждый камень. Его спиральные щупальца цеплялись за одежду. Сломанные ветви хрустели под подметками, словно хрупкие кости.

Они шагали вперед, и пляшущие огоньки фонариков выхватывали из темноты вещи пострашнее, нежели старые указатели на земле. Все чаще вокруг черными пастями зияли ямы, наполовину скрытые листьями или плющом, провалившиеся или разграбленные старые могилы.

Угроза это или нет, но Такер решил отнестись к словам Чорбы серьезно и внимательно следил, куда ставит ноги.

Позади него подручные профессора оживленно переговаривались о чем-то по-венгерски. Не иначе как обсуждали вопрос, как им потратить свою долю из 92 миллионов долларов. Профессор шел молча, погрузившись в задумчивость.

Такер воспользовался моментом, чтобы пощупать ларингофон и попытаться связаться с Кейном.

— Эй, приятель, ты слышишь меня?

Кейн притаился посреди притихшей своры.

Он истекает кровью, тяжело дышит, взглядом отпугивает других.

Никто не рискует подойти к нему ближе. Наконец самый первый осмелился подползти к нему на брюхе, негромко скуля в знак того, что признает поражение. На его шее видны следы от клыков Кейна, однако он жив, он научился покоряться противнику, который одержал над ним верх. От него несет мочой и покорностью.

Кейн разрешает ему подползти ближе. Они трутся мордами, и Кейн разрешает ему подняться и занять свое место в стае.

Затем Кейн поворачивается. Схватка увела его от машины, от пистолета. Он смотрит перед собой, размышляя, что ему делать, когда в ухе раздается команда:

— Найди меня. Принеси пистолет. Прячься.

Теперь эта дикая территория принадлежит ему, и Кейн бросается к тому месту, откуда началась схватка. Он молча несется через заросли, неслышно ныряет в кусты, перепрыгивает через темные ямы, обходит камни.

Похоже, теперь ему принадлежит не только эта территория.

Тени неслышно следуют за ним.

Он не один.

Держа радиопередатчик, Чорба что-то выкрикнул по-венгерски. Он остановился рядом с плоским склепом, крыша которого была приподнята над землей не более чем на фут. Собственно говоря, склеп был почти не виден под толстым слоем полусгнивших листьев и перегноя, как будто земля вознамерилась поглотить его целиком.

Такеру протянули молоток и ломик. Он тотчас подумал, как лучше воспользоваться ими к собственной выгоде. Однако теперь у профессора в руках пистолет, причем направлен он в его сторону. Свои руки Чорба явно марать не собирается. Кроме того, в кармане у него радиопередатчик. Такеру вспомнился ужас, застывший на лице Алицы, безысходное горе в глазах ее отца.

Он не имеет права их подвести.

Ему остается одно: беспрекословно выполнять все приказы. И он взялся за работу наравне с остальными. Действуя молотками и ломиками, они оторвали от стен каменную крышу. После чего перешли на одну сторону и, просунув в щель ломики, попытались приподнять мраморную плиту, как если бы это был канализационный люк. Задача казалась почти невыполнимой, однако спустя пару минут плита с хлопком оторвалась от земли. Из образовавшейся щели тотчас пахнуло серой — казалось, это на них из преисподней дохнул сам дьявол.

Один из троицы поспешно перекрестил лоб, как будто отгораживаясь от темных сил. Остальные — правда, не совсем искренне — отпустили в его адрес ехидные шуточки. Затем все с удвоенной энергией вновь принялись толкать и приподнимать крышку, чтобы сдвинуть ее с основания склепа.

Чорба подошел к ним с фонариком в руке и, направив луч вниз, с явным удовольствием выругался по-венгерски. Остальные разразились радостными воплями.

От стены склепа вниз, теряясь в темноте, уходили ступеньки.

Они нашли нужную им могилу!

Негромко прозвучали новые приказы.

Под дулами двух направленных в него пистолетов Такер был вынужден сесть на край соседнего склепа. Домонкош и Чорба, вооружившись фонариками, вместе спустились по ступенькам вниз, чтобы проверить, что там внутри. Вскоре они исчезли в темноте, лишь свет их фонариков жутковато мерцал в глубине разверстой могилы.

Терять Такеру было нечего. Он приготовился действовать и сидел, заведя руки за спину, всем своим видом давая понять, что готов к сотрудничеству. Притворившись, будто что-то бормочет себе под нос или молится, он полушепотом озвучивал в ларингофон команды.

Кейн, будь осторожен. Держись в тени, принеси пистолет.

Такер держал ладони за спиной открытыми и ждал.

Он глубоко и ритмично дышал, чтобы сохранить спокойствие. И зорко следил за темнотой из-за полуопущенных век.

Давай, Кейн.

Один из венгров неожиданно вскрикнул, и Такер увидел, как он нацелил пистолет на кусты. Из зарослей донеслось приглушенное рычание, слева мелькнула какая-то тень, хрустнула ветка. Затем тишину со всех сторон нарушил рык сразу нескольких собачьих глоток. В темноте замелькали какие-то тени.

Оба подручных Чорбы испуганно вытаращили глаза и что-то залопотали по-венгерски.

Их взяла в кольцо обитавшая на кладбище свора бездомных собак.

Затем Такер почувствовал, как его пальцев коснулось что-то холодное и влажное. Он испуганно вздрогнул. Но нет, все вокруг тихо. Потрогав у себя за спиной, он нащупал собачью шерсть. В следующую секунду ему в ладони легло что-то тяжелое.

Пистолет.

— *Молодец,* — прошептал он в ларингофон. — *Будь рядом.*

Похоже, Кейн успел обзавестись дружками.

Такер осторожно положил пистолет на могилу позади себя. Поскольку внимание охранников сейчас было приковано к собакам, он воспользовался этой возможностью, чтобы на ощупь проверить, крепко ли сидит в ухе Кейна приемник. Не хотелось бы в столь критические мгновения вновь лишиться преданного друга.

Нет-нет, только не сейчас.

Сейчас связь с псом — единственная его надежда.

Такер выключил устройство, затем вновь включил. Оставалось только надеяться, что этого окажется достаточно.

Спустя минуту его ухо наполнил треск статических разрядов, это означало, что все в порядке.

— *Спасибо, Кейн, а теперь возвращайся к своим друзьям и жди в темноте.*

Кейн тотчас юркнул в заросли. Его движение выдало лишь еле слышное царапанье когтей по мраморной плите. Еще минута, и стало тихо. Свора растворилась в темноте ночи.

Когда стало окончательно понятно, что опасность миновала, оба охранника стряхнули с себя страх и даже посмеялись, уверенные в том, что это собаки испугались их.

В ухе Такера звучало приглушенное дыхание Кейна. Затем он осторожно сунул пистолет за пояс и прикрыл его полой куртки.

Надо сказать, что он успел вовремя.

Потому что в следующий миг из склепа раздался крик, а свет фонариков сделался ярче. Затем из-под земли показалось лицо Домонкоша, который, сияя улыбкой от уха до уха, рявкнул, отдавая новые приказы. Такер был готов поклясться, что разглядел в его глазах блеск золота.

Неужели они и впрямь нашли пропавшее сокровище?

Такера заставили подняться на ноги и последовать за Домонкошом в глубь склепа. Из чего он сделал вывод, что для

того, чтобы вытащить клад на поверхность, им нужны дополнительные рабочие руки. В сопровождении двух охранников Такер двинулся вниз по ступенькам.

Узкие ступени вели вниз от кирпичных стен, прорубленные в естественном камне. Досчитав до ста, Такер сбился со счета. Умолкли и следовавшие за ним охранники. Казалось, будто каменная толща давила на них тяжким гнетом, так же как и мечты об ожидающих их внизу сокровищах. Вскоре Такер слышал вокруг себя лишь сопение и эхо шагов. Где-то далеко внизу капала вода.

Отлично.

Наконец, освещаемый фонариком Чорбы, замаячил конец лестницы.

Дойдя до пещеры, Домонкош ступил в нее первым и, словно в приветственном жесте, развел руки, как будто приглашал гостей войти к себе в дом. Он вновь обрел голос и теперь весело перебрасывался словами со своими подчиненными.

Такер сделал несколько шагов внутрь. Размеры естественного склепа не могли не впечатлять: с потолка пещеры капала вода, свисали сталактиты, стены сплошь в известковых потеках. Интересно, подумал Такер, сколько евреев-рабов замучил до смерти оберфюрер СС Эрхард Бок, чтобы пробить тоннель в эту пещеру, и сколько еще людей потом нашли здесь свой конец, чтобы унести его тайну в могилу? И вот теперь, глядя на Чорбу, он подумал о том, как этот ученый, еврей по национальности, смог забыть трагическое прошлое своего народа и участвовать в краже золота, омытого кровью его безвестных соотечественников?

Профессор Чорба стоял рядом со штабелем ящиков, каждый размером примерно в кубический фут. Деревянную поверхность каждого украшала свастика.

Кстати, он уже успел вскрыть один, сняв его с самого верха. По полу были рассыпаны золотые слитки, каждый размером с упаковку масла.

Чорба повернулся к ним. Глаза его горели безумием.

Он заговорил, и все остальные начали что-то радостно выкрикивать.

Затем он снизошел до того, чтобы поделиться своей радостью с Такером.

— Эрхард Бок солгал, — заявил он с благоговейным трепетом в голосе. — Здесь не тридцать шесть ящиков, здесь их более *восьмидесяти*!

Такер мысленно произвел подсчет. Находка тянула на двести миллионов долларов.

Что ж, очень даже неплохо, если ради этого вы готовы убить нескольких ни в чем не повинных кладбищенских сторожей, доброго университетского профессора, его дочь — и это не считая моей скромной персоны. И кто поручится, что список жертв будет этим исчерпан?

Всё, он насмотрелся достаточно.

Такер вытащил пистолет и сделал три выстрела.

Три выстрела в голову.

На землю упали три тела. Последним был Домонкош. Этот падал с растерянным выражением на лице, как будто не верил в то, что происходит.

Четверых вывести наверх Уэйн не мог. Слишком рискованно. Но одного — того, кто стоял за всем этим, — вполне.

Чорба споткнулся о ящик и вытащил из кармана детонатор.

— Еще один шаг, и я нажму на кнопку!

Такер нарочно сделал шаг вперед — хотел проверить серьезность его намерений. Дрожащий палец профессора лежал на кнопке.

Затем, поморщившись, Чорба выполнил угрозу.

— Я вас предупреждал!

— Я почему-то не услышал никакого взрыва, — спокойно произнес Такер. — А вы?

Чорба нажал на кнопку еще несколько раз.

Такер шагнул к нему и вырвал из его рук детонатор, отключил и сунул себе в карман. Затем махнул пистолетом в сторону лестницы.

— Я ничего не понимаю, — пробормотал профессор, но спорить не стал.

Такер не стал ему ничего объяснять. Как только Кейн принес пистолет, ему ничего не стоило пристрелить Домонкоша и двух его подручных еще наверху, однако он опасался, что, услышав выстрелы, Чорба может запаниковать и сделает то, что только что попытался сделать сейчас, — нажмет на кнопку.

Так что Такер был вынужден спуститься вниз.

Пройдя примерно четвертую часть ступенек, он потерял радиосвязь с Кейном. Собачье дыхание в ухе стихло. Это вселило в него уверенность, что на такой глубине передатчик Чорбы в равной степени бесполезен. Но, только спустившись вниз, Такер окончательно в этом убедился и наконец почувствовал себя в безопасности.

Наконец они вышли из склепа. Чорба попытался было нырнуть в заросли.

— *Кейн, останови его.*

Из зарослей навстречу профессору вышла какая-то тень и перегородила ему дорогу. В темноте сверкнули глаза, раздалось рычание. Затем по обе стороны материализовались другие силуэты. Тишину ночи, подобно далеким раскатам грома, прорезало рычание.

Чорба в ужасе отшатнулся, споткнулся о камень и полетел головой вперед в одну из открытых могил. Затем последовал глухой удар, а за ним — неприятный хруст.

Такер поспешил к открытой могиле и заглянул в зияющую яму. Профессор неподвижно лежал на глубине шести футов. Шея была неестественно вывернута. Судя по всему, местные привидения решили, что будет лучше, если он навсегда останется здесь, на кладбище.

Маячившие рядом с Такером тени, как будто по некоему неслышному сигналу, постепенно растворились в лесу, оставив после себя лишь шорох листьев.

К Такеру с виноватым видом подошел Кейн. Казалось, что пес за что-то стыдится.

Такер наклонился и взял собачью морду в ладони.

— Кто у нас хороший мальчик?

Тогда Кейн вытянул шею и прикоснулся холодным собачьим носом к носу Такера.

— *Правильно. Ты.*

Спустя полчаса Уэйн сидел в седане с разбитыми фарами. Мотор был выключен.

Он уже освободил Алицу и ее отца и поведал им обо всем, что произошло. Теперь они сами, если сочтут нужным, могут рассказать все властям — правда, без упоминания его имени.

Алица наклонилась и заглянула в открытое окно.

— Спасибо вам, — она поцеловала его в щеку. — Вы уверены, что не хотите остаться? Хотя бы на денек?

В ее голосе Такер услышал предложение. Увы, он знал: стоит ему остаться, как это тотчас все усложнит. У него имелось двести миллионов причин, почему он должен уехать.

— А как же вознаграждение? — спросила Алица.

Такер тотчас представил себе Чорбу, лежащего на дне могильной ямы с переломанной шеей.

— На этом золоте слишком много крови, — ответил он. — Если у вас найдется немного лишних денег... Я знаю, что в том лесу живут несколько бездомных собак. Им бы пригодилась еда, теплое место, где они могли бы провести ночь, и любящая семья.

— Я сделаю, чтобы так оно и было, — пообещала Алица. — Тем более разве не того же самого хочется всем нам?

Такер посмотрел на дорогу, что виднелась за кирпичной аркой.

Когда-нибудь — да, но не сегодня.

— До свидания, Алица, — сказал он и повернул ключ зажигания.

На сиденье рядом с ним Кейн ударил хвостом и высунул голову в окошко. Заурчал мотор, а в следующий миг пес испустил душераздирающий вой, словно прощался с братьями по крови.

Седан устремился вперед и выехал в арку.

Лес позади машины взорвался десятком собачьих глоток — тут был и лай, и вой. Собачьи голоса эхом перекликались среди деревьев, как будто пытались поскорее прогнать людей с кладбища.

Машина катила вперед, и сквозняк гонял по салону туристические буклеты. Похоже, ее прежний владелец мечтал о далеких путешествиях, на которые в числе прочего и намеревался потратить золото.

Одна листовка криво налипла на ветровое стекло. На ней были изображены пальмы и ослепительно-белый песчаный пляж.

Экзотическое название тотчас заставило вспомнить другое время, другую страну, другие мифы.

Занзибар.

Такер усмехнулся, а Кейн повилял хвостом.

Да, этого достаточно.

* * *

Так заканчивается приключение Такера и Кейна в Будапеште. Впрочем, впереди их ждет еще одно, когда в романе «Линия крови» они доберутся до Занзибара. Судьбоносная встреча с коммандером Пирсом из отряда «Сигма» сделает их участниками увлекательных событий, происходящих в разных уголках Земли. Новое приключение приведет к страшному научному открытию — *Бессмертные до сих пор живут среди нас.*

Джеймс Роллинс
Ребекка Кантрелл

Город крика

Рассказ

23 октября, 14 часов 09 минут
Кабул, Афганистан

Все началось с криков. Сержант Джордан Стоун снова прислушался к обрывку сигнала о помощи, поступившему в управление военного командования в Кабуле в 4:32 утра. Опершись локтями на обшарпанный серый стол и прижав ладонями к ушам огромные наушники, он пытался в очередной раз уловить истинный смысл записи.

Ланч, состоявший из местного лаваша и кебаба из телятины, остался нетронутым, хотя в воздухе по-прежнему стоял густой запах карри и кардамона, усугубляя тошноту, накатившую на него, пока он вслушивался в запись сигнала тревоги. Стоун сидел один в маленькой комнатушке без окон в одноэтажном неприметном здании Афганской академии криминалистической техники, на краю авиабазы Баграм неподалеку от Кабула.

Однако мыслями Джордан Стоун был не здесь, с головой погрузившись в записанные на кассету звуки стрельбы. Он закрыл глаза и весь обратился в слух, в четырнадцатый раз прослушивая запись. Сначала крики, затем лихорадочная скороговорка.

— *Они возвращаются... помогитепомогитепомогитенам*!..

Звук то пропадал, то возвращался, но от этого страх и паника этих простых слов не делались менее явственными.

За криком последовал треск стрельбы — отчаянной, нерегулярной, неконтролируемой, отдававшейся эхом, — прерываемый новыми душераздирающими криками. Но более всего — от этого дыбом становились волоски на руках — пугала последовавшая за этим тишина, мертвый эфир, который продолжал транслировать радиопередатчик. Через полные две минуты прозвучала одна-единственная фраза, искаженная, неразборчивая, как будто губы говорящего были прижаты слишком плотно к микрофону. Почему-то именно эта интимность разозлила сержанта больше всего.

Джордан потер глаза и снял наушники. Было ясно, что в эти предутренние часы ситуация там закончилась скверно. Так что никаких сомнений не оставалось — их группе нужно срочно отправляться туда. Сержант Стоун и его люди работали на Объединенную экспедиционную судебно-медицинскую службу, расквартированную за пределами Кабула. Его команда обслуживала военных, занимаясь криминалистическим осмотром мест преступления. Джордан и его товарищи собирали улики на подозреваемых в терроризме, проверяли и обезвреживали самодельные взрывные устройства, уничтожали подозрительные мобильные телефоны, найденные на местах сражений или в засадах.

Если возникала какая-то тайна, то ее разгадку поручали именно им. И его парни отлично выполняли свою работу. Они разгадают и эту загадку.

— У меня есть дополнительные сведения, — сообщил, входя в комнату, специалист Пол Маккей и опустился на металлический стул, который угрожающе скрипнул под его внушительным весом. Маккей был на голову выше Джордана и на целое брюхо толще, но свое дело знал хоро-

шо и был взят в отряд из отдела артиллерийско-технической службы. Умный и хладнокровный. — Запись поступила из лагеря археологической экспедиции, работающей в Бамианской долине. Четверо мужчин и одна женщина. Все американцы. Командование отправило туда отряд рейнджеров для их охраны. У нас есть всего час времени, чтобы решить, что мы можем там сделать, после чего должны отправиться туда.

Джордан кивнул. Он привык к таким событиям, они ему даже нравились. Это заставляло его постоянно быть в форме, не давало излишне углубляться в собственные мысли.

— Хочу еще поработать над этой записью. Вы с Купером собирайте все необходимое и готовьтесь к вылету. Встретимся возле вертолета.

— Будет сделано, сержант, — ответил Маккей и, быстро отдав честь, встал и поспешил к выходу.

Джордан еще раз прослушал загадочную фразу в конце записи, затем позвал переводчиков. Толку от них оказалось никакого. Никто не смог даже определить язык, на котором эта фраза была произнесена. Не признал его и местный, афганец. Один из переводчиков даже заявил, что это вообще не человеческая речь, а звуки, издаваемые каким-то животным.

Кто-то быстро отыскал британского историка и археолога, профессора Томаса Этертона, работавшего с археологической экспедицией в Бамиане, и привез его к Джордану. Крепкий для своих шестидесяти лет, этот ученый приехал в Кабул двумя днями ранее, чтобы ему загипсовали сломанную руку. Прослушав запись с криками, профессор побледнел и провел здоровой рукой по аккуратно подстриженным седым волосам.

— Думаю, что это мои коллеги, но я не уверен до конца. Я никогда не слышал, чтобы они так кричали. — Его передернуло от отвращения. — Что могло заставить их так жутко кричать?

Джордан протянул ему пластиковый стаканчик с водой.

— Наш вертолет, полный рейнджеров, сейчас находится на пути к ним. Они спешат к ним на помощь.

Профессор посмотрел на него с таким видом, как будто точно знал, что помощь непременно опоздает. Он поправил на переносице очки в проволочной оправе и ничего не сказал. Когда же Этертон поднял стаканчик, его пальцы дрожали так, что вода расплескалась на стол. Он поставил его обратно, громко стукнув гипсом о столешницу.

Джордан дал ему минуту, чтобы успокоиться. Известие о смерти коллег сильно ударило по нему, чего, собственно, и следовало ожидать. Ничего удивительного. Естественная реакция.

— Последняя фраза. — Джордан перемотал запись и нашел последнюю, произнесенную шепотом фразу. — Вы узнаете этот язык?

Он воспроизвел ее еще раз.

Мускул под глазом профессора заметно дернулся.

— Быть того не может!

Он схватился за край стола обеими руками, как будто опасаясь, что его унесет порывом ветра. Что бы это ни было, оно явно напугало его сильнее жутких криков.

— Чего не может быть? — уточнил Джордан.

— Бактрийский, — прошептал профессор одно-единственное слово и еще крепче вцепился в стол — так, что костяшки его пальцев побелели.

— Бактрийский? — удивился Джордан. Он слышал о бактрийских верблюдах, но о бактрийском языке — никогда. — Что это, профессор?

— Бактрийский, — подтвердил ученый и с сомнением посмотрел на наушники, как будто они могли ввести его в заблуждение. — Исчезнувший язык Северного Афганистана, один из наименее изученных среднеиранских диалектов. На нем никто не говорит... вот уже несколько столетий.

Странно. Значит, кто-то напал на группу археологов и оставил загадочное послание на древнем языке. Или это было послание, оставленное последним оставшимся в живых человеком? Впрочем, для себя Джордан не видел особой разницы, поскольку это не походило на стандартное нападение террористов.

— Вы можете сказать мне, что это значит?

Не поднимая глаз от столешницы, Этертон ответил:

— Девочка. Это означает: «Девочка наша!»

Вот это уже страннее некуда.

Джордан обеспокоенно поерзал на стуле. Были ли эти последние слова угрозой? Неужели они означают, что один из членов археологической экспедиции — женщина — все еще жива, может быть, захвачена в качестве заложницы и подвергается пыткам? Несколько лет назад он бы удивился тому, кто мог сделать такое, но теперь ответ у него имелся. Когда дело касалось группировок «Талибана» или мятежников из числа местных племен, он уже ничему не удивлялся. Что не могло не беспокоить.

Каким же ветром парнишку с фермы в Айове занесло в Афганистан, где он теперь занимается расследованием убийств? Джордан знал, что внешне он по-прежнему типичный уроженец сельской местности. Светлые волосы, голубые глаза, квадратная челюсть. Не нужно было смотреть на звездно-полосатый флажок эмблемы, пришитой к плечу его камуфляжной формы, чтобы понять: Джордан Стоун — американец. Но если присмотреться ближе к шрамам на теле, если поймать на себе его пристальный взгляд, — нетрудно заметить совершенно иную сторону его натуры. Неизбежно возник бы вопрос: вписался бы он снова в пшеничные поля родной фермы? Если он, разумеется, когда-либо вернется в отчий дом...

— Сколько женщин находилось на археологической площадке? — уточнил Джордан.

Открылась дверь, и в проеме появилась голова Маккея. Он указал пальцем на запястье. Пора. Времени в обрез.

Джордан поднял руку, призывая его пару минут подождать.

— Профессор Этертон, сколько женщин находилось на археологической площадке? — повторил он вопрос.

Профессор довольно долго молча смотрел на него, прежде чем ответить.

— Трое. Шарлотта... то есть я имею в виду доктора Бернстайн из Чикагского университета. Местная женщина, повариха, она готовила для нас пищу. И ее дочь. Маленькая девочка. Если не ошибаюсь, лет десяти.

У Джордана похолодело внутри, стоило ему подумать о том, что маленькая девочка могла попасть в ситуацию, которая, судя по всему, закончилась кровавой резней. По идее, он должен был испытать ярость. Стоун попытался найти в себе это чувство, однако обнаружил лишь разочарование и усталость.

Неужели я стал таким толстокожим?

23 октября, 16 часов 31 минута
Бамианская долина, Афганистан

Джордан выглянул из иллюминатора вертолета на простиравшуюся внизу долину, похожую на дно чаши в окружении горных хребтов с покрытыми снегом вершинами. Долина протянулась на тридцать миль и являла собой оазис пахотных земель и овцеводческих хозяйств, примостившийся среди остроконечных пиков Гиндукуша. Хотя перелет над горами занял совсем немного времени, казалось, будто Кабул остался на расстоянии миллиона миль от этой забытой богом долины.

Они облетели безлюдную деревушку, в которой археологи устроили свой лагерь. Деревушка представляла собой скопление десятка глинобитных строений, часть которых

была крыта соломой, часть — листами ржавого железа. Некоторые зияли голыми крышами. Похоже, что до приезда археологов здесь никто не жил вот уже несколько лет.

Мохнатыми хлопьями падал густой снег, закрывая последние оставшиеся на земле следы и возможные улики. Джордан нетерпеливо поерзал на сиденье. Протяни они еще немного, и делать им здесь будет нечего. Кроме того, примерно через полчаса солнце сядет, лишив их нормального освещения.

Наконец вертолет совершил посадку, и Джордан вместе со своей командой, которая теперь включала в себя профессора Этертона, направились к тому месту, которое рейнджеры определили как место убийства. Ученого Джордан взял с собой на тот случай, если им понадобится переводчик с бактрийского. Или тот, кто опознает тела погибших археологов. Он надеялся, что профессор справится с задачей. Этертон заметно нервничал, причем еще сильнее, чем раньше, и постоянно трогал край своего гипса.

Джордан осторожно обошел по периметру жуткое место преступления. Выраставший буквально на глазах слой снега и бесчисленные отпечатки ног, бездумно затоптавших все кругом, уже безвозвратно похоронили детали преступления, однако оказались бессильны скрыть кровь. Ее было слишком много. Брызги крови были видны на полуразрушенных стенах домов по обеим сторонам грязной улицы. Под ногами пятна сливались в рыжевато-красную тропу, уводившую прочь из деревни, — как будто некое божество, обмакнув в кровь палец, прочертило по снегу красный след. Судя по всему, то же самое божество похитило и тела жертв, оставив лишь следы недавнего кровопролития. Но куда же все-таки делись тела убитых? Куда их забрали? И почему? И как?

Джордан смотрел на пушистые хлопья снега, падавшие со стремительно темнеющего неба. Скоро окончательно опустятся сумерки.

— Рассматривайте всю деревню как место преступления, — обратился он к двум своим коллегам. — Даю вам задание полностью ее огородить. Не хочу, чтобы сюда кто-то ступил хотя бы ногой, пока мы с вами все не выясним.

— Закрываем дверь сарая после того, как лошадь сбежала? — пошутил Маккей и, потопав окоченевшими ногами, плотнее натянул на широких плечах пуховик. Затем указал на след башмака, отпечатавшийся в луже крови. — Похоже, тут кто-то забыл разуться.

Джордан узнал отпечаток подошвы ботинка армейского образца. Значит, это постарались свои. Место преступления затоптано рейнджерами, несколько часов назад блокировавшими долину до прибытия команды Джордана.

— Тогда давай извлечем из этого урок и больше не будем здесь ничего затаптывать, — предупредил его Джордан.

— Понял. Он легкий, как перышко, — вступил в разговор второй коллега, специалист Мэдисон «Бешеный Пес» Купер. Хлопнув одной огромной черной рукой Маккея по плечу, второй он насмешливо погладил его заметное брюшко. — Но это может стать проблемой для нашего друга. В Кабуле он больше времени проводит в столовой, в очереди за жрачкой, чем в спортзале.

Маккей оттолкнул его.

— Дело не в весе. Дело в технологии.

— Я возьму на себя северную сторону, — фыркнул Купер. — Ты займешься южной.

Маккей кивнул, закинул повыше на плечо рюкзак и вытащил из чехла цифровой «Никон», чтобы фотографировать место преступления.

— Тот, кто первым откопает стоящую улику, ставит всем по кружке пива, когда мы вернемся в Штаты.

— А не много ли кружек пива в твоем брюхе? — подначил его Купер.

Джордан проследил за тем, как коллеги, согласно процедуре, разошлись в разных направлениях. Им предстояло

прошерстить окраину деревушки на предмет возможных улик, будь то следы шин, следы ног, брошенное оружие — короче, все, что позволило бы установить личности нападавших. Каждого его сотрудника сопровождало по офицеру афганской полиции — Азар и Фаршад были практикантами-криминалистами из Афганской полицейской академии.

Джордан прекрасно понимал: за взаимным добродушным подшучиванием обоих его коллег скрывается тревога. Он читал ее в их глазах. Сложившаяся ситуация не нравилась им даже больше, чем ему самому. Забрызганное кровью место преступления, тела убитых, исчезнувшие неизвестно куда, как будто они бесследно испарились...

— Зачем вообще здесь кто-то когда-то поселился? — пробормотал он, не ожидая ответа на свой вопрос.

— По всей видимости, именно изолированность этого места от всего мира в свое время и привлекла сюда буддийских монахов, — произнес стоявший у него за спиной профессор Этертон. Джордан практически забыл о его присутствии.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Стоун, расчехляя свою видеокамеру. Если снег не растает, то отснятые им кадры станут единственным свидетельством разыгравшейся здесь трагедии. Он набросал мысленную сетку и, подойдя к самому краю, снял перчатки, чтобы было удобней вести съемку. — Оставайтесь у меня за спиной, не отходите ни на шаг и, пожалуйста, держитесь в стороне от места преступления.

Этертон с шумом втянул через нос воздух и огляделся по сторонам, как будто опасаясь упустить какую-нибудь деталь. Когда он заговорил снова, его голос, казалось, вот-вот сорвется на фальцет.

— Вся эта долина была для буддистов священной. Они построили здесь огромный монастырский комплекс, вырыли в скалах множество пещер для медитации и целый лабиринт ходов сообщения. Стены этих пещер до сих пор

украшают самые ранние из известных науке образцов масляной живописи.

— Ммм, — пробормотал в ответ Джордан и отрегулировал камеру на низкий уровень освещенности — хотелось запечатлеть по возможности все детали.

Профессор же перевел взгляд на скалы и заговорил снова. Казалось, он обращается с лекцией к аудитории. Голос его звучал монотонно, как будто речь была заучена наизусть.

— Много веков назад монахи высекли в скалах гигантские изображения Будды. Если вы приглядитесь внимательнее, то, возможно, заметите ниши, в которых они когда-то располагались.

Джордан посмотрел на далекие желтые скалы, однако сумел разглядеть лишь темные выемки — по всей видимости, тоннели и пещеры, — а также исполинские проходы под арочными сводами, те самые ниши, о которых говорил ученый.

— Статуи Будды, уничтоженные талибами в 2001 году, — продемонстрировал он свою осведомленность, вспомнив вопиющий случай, потрясший своей жестокостью весь мир.

— К сожалению, это так. Талибы явились сюда с танками и бомбами и взорвали знаменитые статуи, объявив их оскорблением ислама. — Этертон, не отрываясь, смотрел на скалы, лишь бы не смотреть на разбрызганную повсюду кровь. Кровь, которая могла быть его кровью. Он заговорил снова, все тем же высоким, монотонным фальцетом. Джордану почему-то послышалось в нем нечто зловещее. — Все, что осталось от бывших колоссов, — эти самые пустые ниши, в которых теперь лежат груды каменных обломков. Такое ощущение, будто над всей долиной нависло проклятие.

Джордан отметил, что взгляд профессора переместился со скал на высокую гору над деревней. Ее темная гро-

мада отбрасывала на место преступления зловещую тень. Стоун сумел разглядеть каменные стены, обломки древних парапетов и развалины башен. Все это напомнило ему детский замок из песка, который кто-то задел ногой и разрушил. Поверхность камня была изъедена ветрами, дождем и снегом. Воздействие стихий сделало свое дело: крепость превратилась в собственную бесформенную копию, груды камня и песка, в которых лишь смутно угадывались ее былые очертания.

— Если долина действительно проклята, — продолжал Этертон, — то существует источник проклятия. Мусульмане назвали эти руины Мао Балег, что означает Проклятый Город.

Его слова разбудили в Джордане любопытство и, что греха таить, страх. Было что-то в этом месте такое, что лишало его присутствия духа, и это при том, что сержант был далеко не робкого десятка.

— Что случилось с городом? — поинтересовался он у профессора, продолжая вести съемку. Дополнительная фоновая информация не помешает.

— Измена и убийства. Но, как и большинство подобных преданий, все началось с трагической любви двух молодых людей. — Профессор замолчал, как будто рассчитывая услышать ответ Джордана.

Увы, у того не было времени, чтобы поддакивать Этертону. Сержанту нужно было торопиться. Над долиной стремительно сгущались сумерки, а завтра все вокруг скроет выпавший за ночь снег. Ему была ненавистна мысль о том, что придется заканчивать расследование в темноте, ведь они наверняка что-то упустят.

— Когда-то этот город славился как один из богатейших во всем Афганистане. — Закованной в гипс рукой профессор указал на развалины. — Он был не только центром монашества, но и служил важным перевалочным пунктом для торговых караванов, проходивших по Шел-

ковому пути из Центральной Азии в Индию. Чтобы защитить это богатство, царь династии Шансабани по имени Джалалудин возвел эту крепость. Почти целое столетие она считалась неприступной, а в ее стенах проживало до ста тысяч человек. Легенды гласят, что она была вся пронизана потайными подземными ходами, благодаря которым защитники цитадели могли бы наносить удары по неприятелю. Имелся даже подземный источник, запасы воды из которого позволяли выдержать продолжительную осаду.

— Почему же все так плачевно закончилось? — задал вопрос Джордан. Похоже, эти стены пали довольно давно. Он навел фокус на кровавую кляксу, в скверном освещении пытаясь выжать из снимка максимум.

— Чингисхан. Монгол по происхождению, он хотел подчинить себе эту долину. Поэтому он отправил на переговоры к защитникам крепости своего внука, чтобы тот договорился с ними о ее мирной сдаче. Однако молодого человека убили. После этого Чингисхан повел свои войска на захват долины, поклявшись вырезать всех до единого обитателей крепости за их неповиновение. Однако когда он вошел в долину, то захватить цитадель все равно не смог.

Продолжая вести видеосъемку, Джордан осторожно шагнул вперед.

— Должно быть, он все-таки нашел какой-то способ. Вы что-то сказали об измене...

Бесстрастный голос ученого зазвучал дальше:

— Это была история любви. Дочь местного царя за несколько месяцев до начала осады влюбилась в некоего юношу. Однако отец отказался дать согласие на их брак, не одобрив ее избранника, и даже велел отрубить ему голову, когда влюбленные попытались тайно сбежать. Разъяренная и безутешная в своем горе, девушка покинула цитадель и под покровом тьмы пришла в стан Чингисхана. Желая отомстить за смерть любимого, она показала мон-

голам тайные ходы в крепость и выдала Чингисхану, где находится подземный источник воды.

Джордан слушал рассказ Этертона, что называется, вполуха, пытаясь заснять как можно больше деталей. Его усилия были не столь скрупулезны, как ему самому хотелось бы, однако видимость стремительно ухудшалась с каждой минутой. Закончив съемку одной стороны улицы, он перешел на другую, вытер снежинки с объектива и принялся делать новые кадры. Этертон с минуту постоял молча, а затем заговорил снова, как будто не останавливался вовсе.

— И после того, как Чингисхан пробил эти стены, он сделал то, что обещал. Он убил всех жителей города, более ста тысяч человек. Но на этом он не остановился. Говорят, он уничтожил даже всех животных на полях. Именно эти черные дела и снискали городу его нынешнее название. — Профессора невольно передернуло. — Шар-э-Голгола. Город Криков.

— А что случилось с дочерью здешнего царя? — спросил Джордан. Было видно, что ученый — нервный рассказчик. Древняя легенда понадобилась ему лишь затем, чтобы отвлечься от суровой реальности того ужаса, что случился с его коллегами.

— Чингисхан зарубил девушку мечом за то, что она предала родного отца. Существует поверье, будто ее останки, вместе с останками других обитателей крепости и животных, до сих пор погребены под тем холмом. Но до сегодняшних дней они так и не были обнаружены. — Профессор посмотрел на кровавый след, протянувшийся к расщелине горы в нескольких сотнях ярдов от них, и растерянно заморгал. Его нервный фальцет перешел в умоляющий шепот. — Но мы были близки к находке. Предполагалось, что до наступления зимы мы проделаем большую работу. Иного выхода у нас не было. Нужно было отыскать какие-нибудь древние артефакты, извлечь их из земли и пере-

править в безопасное место, прежде чем их постигла бы участь статуй Будды. Мы должны были работать как можно быстрее, чтобы откопать их. Чтобы спасти их.

— Скажите, на ваших коллег могли напасть по той причине, что они что-то отыскали за те последние две недели, когда вы отсутствовали? Может быть, они нашли какое-нибудь сокровище? Древний клад?

— Это невозможно, — решительно отмел это предположение профессор. — Если легенды об этом месте соответствуют действительности, то Чингисхан дочиста разграбил крепость, прежде чем ее разрушить. Мы не нашли здесь ничего ценного, за что можно было бы убить моих коллег. Однако суеверные местные племена не хотели, чтобы мы тревожили огромный курган, в котором были захоронены их далекие предки. Здесь в ходу всевозможные истории о призраках, джиннах, проклятиях, и они боялись, что мы разбудим дремлющее здесь зло. Возможно, это мы нечаянно и сделали.

— Меня больше тревожат наши живые, чем трупы наших врагов, — раздраженно фыркнул Джордан.

Слава богу, что их охраняют рейнджеры. Стоун не доверял ни профессору, ни местным жителям; не доверял даже своим подопечным, практикантам-афганцам. В этих краях лояльность понятие непостоянное, и все может измениться в считаные секунды. Доверия нет никому. Черт побери, царь Шансабани лишился царства из-за предательства собственной дочери!

Сержант отвернулся от развалин и посмотрел на пару вертолетов «Чинук CH-47», стоявших примерно в километре от них, на краю соседнего городка Бамиан. На лопастях пропеллера уже лежал снег. Вместе с рейнджерами была группа дознавателей, которые опрашивали местных жителей. Этой ночью, похоже, отдыхать не придется никому.

Джордан выключил видеокамеру. Отснятые кадры он изучит завтра; сейчас же ему хотелось поразмышлять, как

говорится, прочувствовать это место. Что он мог бы сказать о нем? Кто-то напал на археологов и убил с невиданной, звериной жестокостью. Повсюду кровь. Похоже, что убийцы пустили в ход ножи, а не огнестрельное оружие. Кровь расплескалась дугой брызг, как будто фонтаном била из колотых ран, а не вытекала отдельными крупными каплями, как это бывает при пулевых ранениях. Впрочем, количество крови мало что объясняло.

Кто это сделал? И почему?

Неужели талибы оскорбились в своих лучших религиозных чувствах из-за ведущихся здесь раскопок? Или это какие-нибудь негодяи из города захватили археологов в плен, рассчитывая получить за них выкуп? Или, может, профессор все-таки прав и суеверные местные жители убили ученых из опасений, что те могли потревожить дремлющие под землей силы зла? Джордан надеялся, что рейнджерам повезло больше, чем его группе. Он продолжал задавать себе вопросы, ответы на которые ему совсем не нравились.

Холодный туман становился все гуще, а снегопад — сильнее, медленно покрывая белым покрывалом окружающее пространство. Джордан уже не мог разглядеть ни вертолеты, ни очертания домов далекого Бамиана. Даже соседние руины Шар-э-Голголы почти полностью скрылись в туманной мгле, превратившись в неясные очертания гор битого камня. Казалось, будто весь мир сжался до размеров этой крошечной деревушки. И ее жутких тайн.

Профессор Этертон снял перчатку и наклонился, чтобы поднять что-то с земли.

— Стойте! — крикнул Джордан. — Это все еще место преступления!

Ученый указал на клочок зеленой ткани, примерзший к луже крови.

— Это куртка Шарлотты, — произнес он дрожащим голосом. — Ее куртка.

Джордан поморщился. О господи, как же много бессмысленных, варварских способов отнять человеческую жизнь!

— Извините, профессор Этертон.

Джордан перевел взгляд с испуганного лица ученого на свои собственные руки. Его правая машинально покручивала на пальце золотое обручальное кольцо. Дурная привычка. Он всегда крутит его, когда сильно нервничает. Джордан оставил кольцо в покое.

Откуда-то слева донеслись тяжелые шаги, быстрые и решительные. Выхватив оружие, пистолет-пулемет «Хеклер и Кох МП7», Джордан обернулся. Из тумана вынырнула фигура Пола Маккея, следом за ним появился практикант-афганец Азар.

— Сержант, посмотри на это!

Джордан сунул «Хеклер» в наплечную кобуру и жестом подозвал к себе Маккея.

Прикрывая массивным телом дорогой фотоаппарат, чтобы на него не попал снег, капрал подошел ближе.

— Я щелкнул вот эти следы.

— Следы ног?

— Нет. Вот, посмотри!

Сержант наклонился и посмотрел на крошечный цифровой экран видеокамеры. На свежевыпавшем снегу были отчетливо видны кровавые следы.

— Это чьи-то лапы?

Маккей показал еще несколько снимков и даже увеличил один из них.

— Явно какого-то животного. Может, это волк?

— Не волк, — влез в разговор Азар на плохом английском. — Снежный барс.

— Снежный барс? — переспросил Маккей.

Азар подошел ближе и кивнул.

— Снежные барсы живут здесь тысячи лет. Когда-то давно они были даже на гербе местного царя. Теперь

их осталось совсем мало. Может, всего несколько сотен. Они нападают на овец и коз здешних крестьян. Но на людей — никогда. — Афганец почесал бороду. — Мало дождей в этом году, ранняя зима. Наверно, они спустились сюда с гор за едой.

Что ж, это была не такая уж большая угроза, в отличие от прочих, которые до этого приходили на ум Джордану. Он испытал некоторое облегчение при мысли о том, что на археологов могли напасть дикие звери. Справиться с животными будет проще, чем с людьми. У снежных барсов нет оружия, их не станут укрывать местные жители. Такая версия также легко объясняла жесткость нападения, обилие крови и отсутствие стрельбы. Неужели это действительно были хищники?

Джордан выпрямился и покачал головой.

— Мы не знаем, кто именно убил археологов, дикие кошки или же люди. Барсы могли появиться здесь позже, чтобы полакомиться свежатиной. Может, именно поэтому мы и не нашли тел. Они утащили их туда, где обитает их прайд...

— Стая снежных барсов, — поправил его Маккей, даже больший сторонник точности, чем Джордан. — Прайды бывают только у львов.

Этертон слегка поежился.

— Если дикие кошки утащили тела, то они наверняка бродят где-то недалеко. — Он указал закованной в гипс рукой в сторону развалин. — Там имеется множество тайников. А еще земля там буквально нашпигована противопехотными минами — наследие нескольких десятилетий войны. Если будете ходить среди развалин, советую вам проявлять осторожность.

— Замечательно, — сыронизировал Маккей. — Мало нам проблем с барсами-людоедами. Нам только противопехотных мин не хватает.

У Джордана имелись карты местности, на которой были отмечены заминированные участки. Впрочем, в данный мо-

мент он не горел желанием отправляться на поиски тел в этот жуткий лабиринт — особенно в темноте, — хотя и понимал, что этим рано или поздно придется заняться. Любые улики, способные помочь им в разгадке гибели археологов, по всей видимости, кроются в самих мертвых телах. Но только это не барсы. Барсы не шепчут на древних языках. Так что эти слова были произнесены либо жертвой, либо убийцей. Нужно срочно уходить. Чем дольше они будут ждать, тем меньше проживут те, кто остался в живых, и тем скорее они смогут поймать тех, на чьей совести это кровавое преступление.

— Какого размера эти кошки? — уточнил Стоун.

Азар пожал плечами.

— Большие. Я слышал, самцы весят до восьмидесяти килограммов.

Джордан мысленно перевел килограммы в фунты.

— Это примерно сто семьдесят пять фунтов.

Жутковато, но бывает и хуже.

Маккей хмыкнул в знак несогласия.

— Тогда лучше посмотри на это, — произнес он и показал Джордану еще один снимок с изображением отпечатка лапы, рядом с которым он для сравнения положил «четвертак» — монетку в двадцать пять центов. Джордану впервые стало по-настоящему страшно. Наверно, точно в таком же страхе когда-то прятались от ночных хищников в пещерах их далекие предки. Он прикинул — отпечаток лапы никак не менее восьми дюймов в ширину, то есть размером с небольшую обеденную тарелку.

— Я нашел целую цепочку следов, — сообщил Маккей, указывая на цифровой дисплей.

Показ снимков он завершил изображением еще одного следа лапы. Опять-таки рядом был положен «четвертак». Этот след был размером поменьше, хотя и ненамного. Однако он точно принадлежал второй особи.

— Значит, там, по меньшей мере, бродят две дикие кошки, — подытожил Джордан.

— И обе будут весом побольше ста семидесяти пяти фунтов, — добавил Маккей. — По моим прикидкам, как минимум раза в два. Размером с африканского льва.

Джордан посмотрел на окутанные туманом развалины, и ему на ум пришла история про двух африканских львов по кличке Призрак и Ночка, которые на стыке столетий терроризировали Кению. Считается, что эти два хищника убили более сотни людей. Действуя, как правило, глубокой ночью, они вытаскивали своих жертв из палаток.

— Нам понадобится больше огневых средств, — произнес Маккей, как будто прочитав мысли Джордана.

К несчастью, их группа прибыла сюда налегке, имея всего по одной единице оружия на человека. Они рассчитывали прилететь в деревушку и вернуться обратно на базу еще засветло; кроме того, полагались на занявших позиции по периметру долины рейнджеров, видя в них надежную защиту. Увы, так было до того момента, как они прибыли сюда...

Треск радиопомех в передатчике заставил Джордана и Маккея встрепенуться. Поморщившись, словно от зубной боли, они схватились за наушники. Это был Купер.

— Заметил какое-то движение, — доложил он. — В деревне. Засек шевеление в одном из окон.

— Оставайся на связи! — приказал сержант. — Мы идем к тебе. И остерегайся снежных барсов. Возможно, мы тут не единственные.

— Вас понял. — Голос Купера прозвучал скорее раздраженно, чем испуганно. Но ведь он не видел следов лап. Затем Купер уточнил свое местонахождение, и Джордан повел группу на дальний край деревни.

Он нашел Купера и Фаршада возле груды камней, где те сидели пригнувшись, чтобы не открывать себя вероятному противнику. За ними возвышались развалины Шарэ-Голголы. При мысли о том, что придется занять позицию

спиной к этому древнему горному некрополю, Джордану стало слегка неуютно.

— Вот здесь, — произнес Купер и указал на небольшую глинобитную хижину под соломенной крышей, припорошенной снегом. Дверь была закрыта, но окно располагалось как раз напротив них. — Там точно кто-то есть.

— Может, ты просто испугался теней? — предположил Маккей. — Рейнджеры прочесали здесь каждый дом и ничего не нашли.

— Это вовсе не значит, что никто не мог прокрасться сюда после того, как они пошли дальше, — возразил Купер и повернулся к Джордану. — Клянусь, что видел, как в окне мелькнуло что-то белое. Но это был не снег и не клочья тумана. Что-то плотное. Точно тебе говорю.

Маккей показал ему фотоснимки с отпечатками гигантских лап. Купер пригнулся еще ниже и выругался.

— Я не вызывался на роль охотника на сафари. Говорю на тот случай, если тут бродит огромный лев...

— Барс, — поправил его Маккей.

— Да плевать мне на то, кто он такой, если у него есть зубы и он обожает человечину. Пусть начнет со сладкой задницы Маккея.

— Что же, пускай с нее, — согласился Маккей, — тем более что теперь нам доподлинно известно, что здесь бродят, по меньшей мере, две такие киски, а профессор считает, что они залегли вон на той горке позади тебя.

Купер посмотрел через плечо и снова выругался.

Джордан поспешил успокоить подчиненных:

— Купер и Фаршад, оставайтесь здесь с профессором. Мы с Маккеем и Азаром проверим этот дом.

Двигаясь практически бесшумно по свежевыпавшему снегу, Джордан, держа в руке «Хеклер», повел своих людей к указанному дому. Он был уверен в том, что огневой мощи его оружия будет достаточно против любого, кто может прятаться в доме. И все-таки внимательно

оглядывался по сторонам, сожалея о том, что у них мало боеприпасов.

Азар взял под прицел окно, а Джордан с Маккеем подошли к двери. Они скользнули на другую сторону и приготовились ворваться в дом. Джордан оглянулся на товарища. Капрал молчаливым кивком подтвердил готовность.

По сигналу сержанта Маккей шагнул вперед и пинком распахнул дверь. Та с громким скрипом распахнулась. Пригнувшись, Джордан вбежал внутрь, держа оружие на уровне плеча. Маккей, подстраховывая его, взял помещение под прицел. Дом являл собой одну-единственную комнату, все убранство которой составляли небольшой стол, сложенная из камней печка в углу и два лежака из соломы — один большой, а второй поменьше. Пусто. Как и сообщили прочесавшие деревню рейнджеры. Купер ошибся, подумал Джордан с досадой и облегчением одновременно. Он должен был это предвидеть...

— Не двигайся, сержант! — произнес стоящий у двери Маккей.

Уловив в голосе капрала тревогу, Джордан застыл на месте.

— Медленно посмотри наверх на точку в восемь часов.

Почти не двигая головой, Джордан поднял глаза. Его взгляд скользнул по глинобитной стене туда, где та смыкалась с соломенной крышей. Наполовину скрытая стропилами, на него сверху сверкнула пара глаз, как будто горящих внутренним огнем. В безмолвной комнате зашуршала солома — это таинственный наблюдатель зарылся еще глубже в своем гнезде. Идеальный тайник. Гниловатый запах соломы маскировал все другие запахи. Разумно.

Джордан сунул «Хеклер» обратно в кобуру и поднял вверх голые руки.

— Все в порядке, — тихо и спокойно произнес он, как будто успокаивая пугливого, норовистого жеребенка. — Тебя никто не обидит. Спускайся.

Сержант не знал, понимают ли его слова, однако надеялся, что тон и миролюбивое поведение делают его намерения доступными для понимания.

— Почему бы тебе не...

Нападение последовало немедленно. Загадочное существо соскользнуло со стропил вниз, обрушив на Маккея облако сухой соломы. Пистолет-пулемет в руке капрала дернулся вверх.

— Не стрелять! — рявкнул Джордан и вовремя подхватил слетевшую вниз фигурку. У себя дома в Айове он вырос вместе с целым выводком сестер и братьев, теперь же у него имелось множество племянников и племянниц. Хотя собственных детей у него не было, он сердцем угадал это простое желание. Оно не ведало ни языковых барьеров, ни государственных границ. Ребенок, которому нужны забота и ласка.

Детские ручонки обхватили его за шею, нежная щечка прижалась к его щеке. Тонкие ножки обвили его талию.

— Это девочка, — произнес Маккей.

До смерти напуганная маленькая девочка.

Дрожа от страха, она прижалась к нему.

— Не бойся, тебя никто не обидит, — успокоил ее Джордан, надеясь, что это действительно так. Он повернулся к Маккею. — Позови Купера и остальных, пусть заходят сюда.

Капрал выскочил из комнаты, оставив Джордана одного с девочкой на руках. По прикидкам сержанта, ей было лет десять, не больше. Он подошел к столу и сел. Затем, расстегнув на куртке «молнию» и укутав девочку, прижал к себе худенькое тельце. Она вся горела, исходящий от нее жар чувствовался даже сквозь похожий на пижаму наряд. В каждом ее пугливом движении и частом дыхании, готовом вот-вот сорваться на рыдание, чувствовался неподдельный страх. Что неудивительно, если учесть, какое потрясение ей пришлось пережить.

Что же она такого видела? Джордану ужасно не хотелось допрашивать маленького ребенка, особенно в ее нынешнем состоянии, однако только эта малышка была способна поведать о том, что здесь произошло.

В маленькую комнату вошли остальные участники их группы. Увидев их, девочка еще сильнее прижалась к Джордану и огромными глазами настороженно посмотрела на вошедших. Сержант, как мог, попытался успокоить ее. На маленьком круглом личике, обрамленном черными волосами, разделенными на прямой пробор, застыл испуг. Малышка не сводила с Джордана глаз, как будто желая убедиться, что он никуда не исчезнет.

— Вокруг дома следы барсов, сержант, — сообщил Купер. — Эти кошки как будто устроили тут вечеринку с танцами.

— Это дочь поварихи, — произнес стоявший возле двери Этертон. — Я не знаю, как ее зовут.

Девочка посмотрела на ученого и, как будто узнав его, еще плотнее прижалась к Джордану.

— Вы можете задать ей несколько вопросов? — спросил Джордан. — Чтобы выяснить, что случилось?

Этертон не стал приближаться к девочке. Он задавал ей вопросы так, как будто старался закончить импровизированный допрос как можно быстрее. Под глазом у него дергалось — нервный тик. Ребенок отвечал коротко, односложно, «да» или «нет», по-прежнему не сводя глаз с Джордана.

Все так же нежно прижимая ее к себе, Стоун обратил внимание на обоих афганцев — те стояли рядом с лежанкой, той, что поменьше размером. Один из них опустился на колени и, подняв с пола щепотку белого порошка, поднес его к губам. Порошок был с виду похож на соль. Судя по тому, что афганец сморщился и сплюнул, так оно и было — соль.

Джордан отметил, что лежанку окружало кольцо белого порошка, а со спинки кровати свисал обрывок веревки. Афганцы, склонив головы, о чем-то посовещались между собой и перевели взгляды с белого соляного круга на девочку. Как показалось Джордану, с подозрением и изрядной долей страха.

— В чем дело? — шепотом спросил у сержанта Маккей.

— Не знаю.

На его вопрос ответил Этертон:

— Согласно местному фольклору, в этих местах призраки или джинны часто нападают на спящих, и защититься от них можно, лишь окружив себя кольцом из соли. Мать, по всей видимости, решила таким образом защитить свою дочь. Ведь они работали в тени Шар-э-Голголы. Наверно, она так и поступила. Тут в горах творится такое, что в безопасности себя невозможно чувствовать даже в городе.

Джордан с трудом сдержался, чтобы не сделать круглые глаза. С другой стороны, он не горел желанием выслушивать профессорский вздор. Тем более в эти минуты.

— Что тут случилось, по словам девочки?

— Она сказала, что археологи вчера что-то нашли. — Ученый пощелкал по своему гипсу и состроил гримасу. — Понять трудно, меня-то здесь не было. В любом случае тоннель, который рыли мои коллеги, привел их к тайнику, где оказалась масса костей. И человеческих, и костей животных. В ближайшие дни они собирались выносить их наружу.

— А минувшая ночь? — спросил Джордан.

— Я как раз собирался об этом спросить, — ответил ученый с легким раздражением.

Он продолжил задавать девочке вопросы, и Стоун почувствовал, как напряглось детское тельце. Девочка покачала головой и закрыла лицо, отказываясь говорить

дальше. Дыхание ее участилось, а жар ее тела, казалось, вот-вот прожжет ему куртку.

— Не надо больше ни о чем ее спрашивать, — сказал сержант, чувствуя, что ребенку может стать еще хуже.

Но Этертон, не обращая внимания на его слова, бесцеремонно схватил девочку за руку. Джордан заметил, что у нее на запястье намотан обрывок веревки. Неужели ее привязывали к кровати?

Вопросы Этертона звучали резче и настойчивее.

— Профессор, она — несчастный, измученный ребенок, — сказал Джордан, убирая его руку. — Оставьте ее в покое!

Маккей грубо оттолкнул ученого в сторону. Тот попятился назад и вскоре уткнулся спиной в стену. Затем посмотрел на девочку так, будто она внушала ему страх. Но почему? Она всего лишь напуганный маленький ребенок. Девочка посмотрела на Джордана, и тому показалось, что она вот-вот сгорит прямо у него на руках. Глаза ее сверкали непонятным внутренним огнем. Она попробовала что-то сказать ему слабым, умоляющим голосом и тут же сникла, как будто впав в забытье. Когда же она в последний раз что-то пила или ела?

— Хватит на сегодня, — сказала Джордан Маккею. — Ей нужна медицинская помощь.

Вытащив фляжку, он отвинтил крышечку и заставил девочку сделать глоток. Малышка что-то еле слышно прошептала, но так тихо, что Джордан ничего не расслышал, как будто это были не слова, а вздохи.

Профессор Этертон мгновенно побледнел. Он посмотрел на двух афганцев, как будто желая удостовериться в том, что не ослышался. Азар молча попятился к двери. Фаршад приблизился к кровати и шагнул внутрь очерченного солью круга. Там он наклонился, чтобы подсыпать соли туда, где только что брал щепотку, и тем самым замкнуть круг.

— В чем дело? — спросил Джордан.

— Какого дьявола тут происходит? — это подал голос Маккей.

— Последние слова, которые сказала девочка, — наконец заговорил Этертон. — Это не местный диалект. Это бактрийский язык. Тот самый, что был на записи.

Вот как? Джордан не мог с точностью сказать, так ли это. Он был вообще не уверен, что девочка что-то сказала, а если и сказала, то вряд ли профессор мог ее услышать. Тогда в Кабуле он прослушивал запись раз за разом. Слова, прозвучавшие в самом ее конце, не были похожи на то, что только что сказала девочка. Он хорошо помнил те слова. Глубокие, как будто шедшие из самого человеческого нутра, они звучали злобно и яростно: «девочка наша».

Этот голос мог принадлежать лишь тому, кто властно заявлял о своей добыче. Может быть, это был ее отец...

— И все-таки что она сейчас сказала? — уточнил Джордан, чувствуя, как недоверие к профессору берет над ним верх. Как может десятилетний ребенок разговаривать на мертвом языке, на котором никто не говорит вот уже много столетий?

— Она сказала «не отдавайте меня ему».

Где-то снаружи, за стенами дома, пронзив ночной туман, раздался протяжный звериный рык. Через мгновение ему ответил другой.

Снежные барсы. Джордан посмотрел в окно, отметив про себя, что солнце село примерно полчаса назад и, как это бывает в горах, сумерки тут же сменились непроглядной ночью. С заходом солнца барсы снова выйдут на охоту.

Азар в панике бросился к выходу. Фаршад позвал товарища, умоляя вернуться, но тот его как будто не слышал. Еще секунда, и он исчез в темноте. Последовала долгая гнетущая тишина. До слуха сержанта доносилось лишь легкое шуршание падающего снега.

Затем, примерно через минуту, раздался треск автоматной очереди, а за ней жуткий, душераздирающий крик. Он доносился откуда-то издалека и одновременно как будто из-за двери. В этом крике смешались боль, кровь и первобытный ужас. Затем снова стало тихо.

— Маккей, прикрой вход! — рявкнул Джордан.

Капрал бросился вперед и плечом захлопнул открывавшуюся внутрь дверь.

— Купер, попытайся связаться с батальоном рейнджеров, расквартированным в Бамиане. Скажи, что нам срочно нужна помощь. Быстро!

Пока Маккей держал под прицелом дверь, сержант отошел от стола и, не выпуская девочку из рук, опустился на пол. Тяжело дыша, она прижималась к его боку.

Джордан снова вытащил оружие и взял под прицел окно, ожидая, что в него могут запрыгнуть огромные хищные кошки.

— Что будем делать, сержант? — спросил Маккей.

— Будем ждать прибытия небесной кавалерии, — ответил Джордан. — Надеюсь, они смогут быстро поднять своих стальных птичек в воздух.

Купер покачал головой и взял в руки радиопередатчик.

— Нет приема. Мертвый эфир. Нет смысла даже пытаться в такой снегопад.

Этертон посмотрел на девочку так, будто это она сломала их передатчик. Джордан еще крепче прижал ее к себе.

— Кто-то еще, кроме меня, слышит это? — спросил Маккей, немного склонив голову набок.

Джордан напряг слух и знаком велел остальным сохранять тишину. Из темноты, из-за стены падающего снега, до них донесся какой-то еле различимый шепот. Понять слова было невозможно, но этот звук действовал ему на нервы, как плохо настроенный радиопередатчик. Ему вспомнилось, что совсем недавно он подумал, что его уже ничто не способно удивить. Придется пересмотреть

эту точку зрения. Ведь то, что происходит с ним сейчас, не укладывается ни в какие рамки.

— Я думаю, что это тоже бактрийский, — произнес профессор с паническими нотками в голосе и сжался, как испуганный кролик, возле каменной печки. — Но я ничего не могу разобрать.

Что касается Джордана, тот вообще не назвал бы это человеческой речью. Возможно, от страха Этертону мерещится бог весть что. Кто знает, вдруг на той записи был вовсе не бактрийский язык?

Фаршад скорчился возле кровати, окруженной кольцом из рассыпанной соли. Он не сводил с девочки злобного взгляда, как будто она была причиной всех обрушившихся на них бедствий.

— Помните ту запись? — Этертон остекленевшим взглядом посмотрел куда-то мимо Джордана. — Как я перевел последние слова? «Девочка наша». Им нужна именно *она*.

Профессор дрожащим пальцем указал на ребенка.

Шепот в ночи сделался чуть громче, превратившись в бессвязное бормотание, едва различимый ухом безумный хор голосов. Казалось, будто слова въедаются, проникают в уши, пытаются впиться прямо в мозг. Но что, если это нормальные звуки, какие обычно издают барсы? Увы. Джордан не имел ни малейшего представления о том, какие звуки издают эти дикие кошки.

Этертон прижал руки к ушам и еще ниже склонился к полу. Фаршад, что-то прорычав на пушту, своем родном языке, навел винтовку сначала на Джордана и девочку, а затем на дверь. Эта пантомима и несколько брошенных слов на пуштунском языке, которые сержант понял, делали намерения афганца предельно прозрачными.

Выгони девчонку наружу!

— Ни за что, — спокойно ответил Джордан, не сводя с него тяжелого взгляда. Фаршад побагровел. В его темных

глазах вспыхнул свирепый огонь. Он снова что-то крикнул на пушту. Джордан разобрал лишь слова «джинн» и, кажется, «петра». Последнее слово афганец повторял раз за разом, воинственно тыкая при этом оружие в лицо сержанту. Затем грохнул выстрел, и рядом с коленом американца взметнулся фонтанчик земли.

Для товарищей Джордана этого оказалось достаточно. Защищая сержанта, Купер и Маккей одновременно выстрели в Фаршада.

Афганец упал спиной на соломенный тюфяк детской лежанки.

Девочка вскрикнула и уткнулась лицом Джордану в грудь. Из горла Этертона вырвался стон.

— Что там такое кричал Фаршад? — спросил у профессора Джордан. — Что такое «петра»?

Не поднимая головы, Этертон слегка качнулся вперед.

— Это древнее слово на санскрите. Его употребляют и буддисты, и племена, населяющие эти края. Оно переводится как «ушедшие дальше и пропавшие», но обычно оно относится к демонам, жаждущим пищи; неприкаянным, не нашедшим пристанища духам.

Услышав подобное объяснение, Джордан был готов рассмеяться, но у него не нашлось нужных слов.

— Фаршад был уверен, что девочка одержима вырвавшимся на волю джинном и что призраки тумана хотят, чтобы она вернулась к ним.

— То, что я сфотографировал здесь, — вмешался в разговор Маккей, — похоже на следы *барсов*, но не на следы *призраков*.

— Я... я не знаю, — продолжал раскачиваться Этертон. — Но, кто знает, вдруг он был прав. Быть может, девочку действительно нужно отдать демонам. Тогда они оставят нас в покое. Возможно, им нужна только она.

— Повторите, *кому* она нужна? — сердито отозвался Джордан. Он не отдаст ребенка на верную гибель.

Как будто в ответ на его вопрос что-то тяжело стукнуло сверху по крыше дома; с потолка посыпался дождь сухой соломы. Джордан вскинул свой «Хеклер» стволом вверх и дал по крыше очередь. Товарищи последовали его примеру. В тесном помещении оглушительно затрещали автоматные очереди. В ответ на стрельбу раздался скрежещущий вой, но не мучительный, а разъяренный. В следующее мгновение незримое существо с грохотом покинуло крышу. Судя по всему, пули не задели его, а лишь привели в еще большую ярость.

Неужели зверь хитроумно пытается заставить их расстрелять весь боезапас?

Джордан проверил пистолет-пулемет. Его товарищи, нахмурив брови, проделали то же самое. Скверно. Так они скоро останутся без боеприпасов. Со стороны двери послышался новый кошачий вопль. Купер и Маккей, как по команде, обернулись и навели оружие на вход. Джордан снова взял под прицел окно и посмотрел на окутанные туманом развалины.

— Если увидите их, стреляйте! Но боеприпасы расходуйте экономно!

— Понял, — отозвался Купер. — Ждать, пока не увидим белки глаз врага.

— Крыша долго не выдержит, — посетовал Маккей. — Еще несколько таких ударов, и она проломится, как картон. И тогда эти чертовы кошки свалятся нам прямо на голову.

Маккей был прав. Джордан понял всю тщетность попыток закрепиться в доме. У них слишком мало оружия, чтобы выдержать нападение пары свирепых кошек весом без малого триста фунтов, особенно в таком тесном пространстве. Они скорее перестреляют друг друга, нежели прикончат этих зверюг.

Все так же не выпуская девочку из рук, Джордан встал.

— У тебя появился план? — поинтересовался Купер.

Джордан посмотрел на дверь.

— Есть у меня один план... правда, не слишком хороший.

— Что ты собрался делать? — с тревогой в голосе спросил Маккей.

— Собираюсь дать им то, чего они хотят.

17 часов 18 минут

Низко пригнувшись, с безмолвной ношей на плечах, Джордан пробежался по снегу. Его щеки коснулся болтающийся рукав. От ткани пахло по́том и страхом. Джордан не знал, была ли малышка и в самом деле источником всех бед и пойдут ли барсы по следу ее запаха. Равно как не знал и того, был ли этот шепот в ночи эхом далеких звуков или чем-то другим.

В данный момент это ровным счетом ничего не значило. Если барсам нужна девочка, то пусть они идут по следу, наблюдают за его передвижениями. Джордан уходил все дальше от далеких огней Бамиана, двигаясь к развалинам Шар-э-Голголы. Он следовал указаниям Этертона. Профессор подсказал ему, где находится раскоп археологической экспедиции. Как выяснилось, до него было недалеко, ярдов пятьдесят. Теперь главной надеждой сержанта был некрополь.

К сожалению, у них было мало оружия и ограниченное количество боеприпасов. А эти хищные твари оказались хитрыми и опытными охотниками. Справиться с ними чрезвычайно трудно. Барсы как будто чувствовали, что их противник вооружен, и не спешили показываться на глаза. Джордану оставалось лишь надеяться, что он перехитрит диких кошек, заманит их в ловушку. Как только он разделается с ними, то займется теми, кто что-то там шепчет в тумане. Примерно таким был его план.

Пока он бежал, Маккей следовал за ним по пятам. Купера они оставили в доме — прикрывать их бегство через окно. Не исключено, что барсы попадутся ему в перекрестье прицела. В таком случае Купер их уложит, и все проблемы будут решены. Джордан преодолел последний отрезок пути, пробежав мимо брошенных тачек, куч вырытого песка и щебня, разбросанного инструмента прямо ко входу в раскоп. Морозный воздух пробирал до костей. Эх, как сейчас ему здорово пригодилась бы теплая куртка. Он же был в одной рубашке.

Добравшись до входа в тоннель, Джордан поправил на плече свою ношу и крепче сжал в руке пистолет. Маккей, тяжело дыша, остановился с ним рядом. Впрочем, задыхался капрал не от быстрого бега. Капрал Маккей трусил.

— Ты знаешь, что тебе делать, — произнес Джордан. Его слова прозвучали как приказ.

— Да, пойду-ка гляну, нельзя ли здесь чего откопать. В прямом смысле этого слова.

Сержант усмехнулся его шутке, отлично понимая, что за куражом товарища скрывается страх.

— Если я не вернусь через десять минут...

— Я понял с первого раза. А теперь пошли.

Зловещий вопль оборвал их разговор.

Хлопнув Джордана по плечу, Маккей взял карту и в следующую секунду исчез. Щелкнув ксеноновым фонариком, прикрепленным к пистолету, Джордан навел его луч на тоннель, который вел в самое сердце развалин.

Теперь нужно устроить ловушку...

Он пригнулся, стараясь не зацепиться одеждой девочки о грубую поверхность каменных стен. Нужно заманить сюда барсов, заманить пляшущим светом фонарика, безумным бегством из дома, заманить запахом девочки, исходящим от ее пропитанной по́том одежды. Низкий потолок не позволял бежать, выпрямившись

в полный рост. Приходилось постоянно нагибаться; плечи то и дело задевали то одну, то другую стену. Джордан посветил лучом фонарика в темные глубины развалин. Откуда-то снизу поднимались волны теплого воздуха. Они как будто стремились вытолкнуть его обратно наружу. Внутри развалин пахло влажным камнем. Впрочем, его нос уловил и какой-то химический запах, вроде горящей нефти. Было приятно вновь оказаться в тепле, однако вскоре глаза начали слезиться, а голова закружилась от нехватки кислорода.

Помнится, он где-то читал, что некоторые пещеры, созданные самой природой, дышат, издают вдохи или выдохи в зависимости от перепадов давления и температуры воздуха на поверхности. Не по этой ли причине археологи догадались, где следует копать? Неужели они заметили, какой именно участок Шар-э-Голголы дышит, открывая свои сокровенные тайны, а значит, копать следует именно там?

Еще несколько ярдов — и вот он, ответ на его вопрос. Вырытый людьми проход сменился тоннелем естественного происхождения с каменными стенами. Джордан нащупал под ногами вырубленные в камне ступеньки. Должно быть, археологи пробились к участку тайных коридоров, некогда пронизывавших гору под старинной цитаделью.

Что же они здесь нашли?

Неожиданно откуда-то сзади донесся животный вопль, исполненный дикой злобы, за которым эхом прокатился еще один.

Джордан представил себе двух гигантских кошек: вот они притаились у входа, зная, что их жертва загнана в ловушку. Он облегченно вздохнул, успокаивая Маккея.

Они все еще гонятся за мной...

Подстегиваемый этой мыслью, Джордан устремился вперед, так как точно знал, куда ему надо. Это место ему описал Этертон, хотя сам здесь никогда не был. Еще не-

сколько ступенек, и тоннель привел их в тупик, в огромную пещеру. Не глядя под ноги, Джордан поскользнулся на влажном камне и полетел на груду костей, конечностей, черепов, грудных клеток. Этот жуткий урожай смерти устилал пол пещеры, образуя нечто вроде зловещих берегов вокруг лужи черной воды. На ее дне в свете фонарика белели другие кости.

Джордан вспомнил рассказ профессора о подземном источнике, где находился запас воды, и о кровавой резне, устроенной здесь много веков назад.

Однако не все останки были древними. На верху кучи костей и черепов лежали окровавленные тела недавних жертв. Тела были разорваны, растерзаны на куски. Это были останки археологов. Вот, например, что осталось от тела матери маленькой девочки. Это тотчас подсказало Джордану, что он попал в логово снежных барсов. Найдя вход в пещеру, животные быстро превратили ее в свое обиталище. Как будто в ответ на вторжение чужака, где-то рядом прозвучал звериный рык. Хотя, возможно, и не рядом; это страх до предела обострил слух. От наполнявших пещеру миазмов кружилась голова, глаза нещадно слезились, в носоглотке чувствовалось неприятное жжение.

Нужно действовать предельно быстро.

Сержант подошел к краю кладбища костей и забросил свою ношу как можно дальше. Полы детского платьица распахнулись. Во все стороны полетела солома из матраца, которой Джордан туго набил приманку. Если звери идут по следу ее запаха, их следовало убедить в том, что жертва все еще с ним. Хотя кто знает... Вдруг это не имеет значения. Вдруг, как и в случае с Азаром, главное — привлечь к себе внимание хищников бегством? Ведь хищники преследуют тех, кто убегает от них.

На тот случай, если они все-таки не бросятся вслед за ним к пещерам, сержант оставил в глинобитной хижине Купера с девочкой и профессором. В сложивших-

ся обстоятельствах это был лучший способ обеспечить их безопасность, поскольку боеприпасов почти не осталось.

Отцепив от пистолета фонарик, Джордан зашвырнул его к противоположной стене. Луч фонарика, вращаясь на лету, чертил дуги света, отчего у Джордана еще сильнее закружилась голова. В конце концов фонарик приземлился на дальнем берегу подземного родника, и теперь его луч пронзал темноту, подобно далекому маяку. Джордан отбежал в сторону, к груде огромных камней, лежавших справа от входа в пещеру. Здесь он опустился на корточки и пригнулся, держа оружие наготове. Ждать пришлось недолго. Мускусный запах барсов ударил ему в ноздри еще до того, как первый хищник вошел в пещеру. Это было сильное животное, настоящий монстр девяти футов в длину, самец с черными пятнами на густом мехе. Мощной мускулистой волной он ворвался в пещеру — безмолвный, целеустремленный, неукротимый. Вслед за ним внутрь скользнул второй зверь, размером поменьше, — самка.

Барсы оглянулись по сторонам, пристально изучая окружающее пространство. Темные глаза хищников как будто горели внутренним огнем. Так же, как и глаза афганской девочки.

Джордан затаил дыхание.

Мир вокруг него сделался водянистым, расплывчатым и нечетким; головокружение усилилось. Любое движение казалось размытым пятном.

Хищник-самец метнулся к набитой соломой приманке, то и дело принюхиваясь и дрожа от нетерпения. Самка, припав к земле, двинулась дальше, на свет фонарика.

Внимание Джордана привлекла рябь на поверхности подземного источника. Отражение барса как будто дрогнуло, сделалось нечетким. На долю секунды сержанту показалось, будто вместо барса он видит другое отражение — сгорбленного, мертвенно-бледного, безволосого создания. Впрочем, стоило ему поморгать слезящимися глазами, как

оно исчезло. Джордан встряхнул головой и отвел взгляд в сторону. Он не осмеливался больше ждать.

Стараясь двигаться как можно тише, сержант выскользнул из своего потайного места и метнулся к выходу из пещеры, направляясь туда, откуда только что пришел. Ноги подкашивались. Чтобы держаться прямо, он то и дело опирался одной рукой о стену. Увы. В следующее мгновение какое-то неожиданное движение заставило его застыть на месте. Барс-самец, который все еще стоял задом к Джордану, поднял голову от набитой соломой одежды и издал злобный протяжный вопль, как будто понял, что его перехитрили.

Затем кости под его лапами пришли в движение. Одурманенному зловонием Джордану показалось, будто они сами зашевелились, глухо ударяясь одна о другую. Он несколько мгновений изумленно смотрел на них, пытаясь убедить себя, что это барс своим весом сдвинул их с места.

Увы, так и не смог.

Охваченный первобытным ужасом, сержант попятился к выходу из тоннеля. Дрожание горы костей сделалось еще более явственным. Краем глаза Джордан успел заметить, как поднялись растерзанные останки археологов. Он хотел оглянуться назад, но страх сковал его волю.

Прямо у него на глазах на изуродованных конечностях поднялся первый труп и, словно краб, пополз по груде останков: голова вывернута под неестественным углом, рот открыт. Из уродливой глотки донесся невнятный шепот. Он прозвучал на том же древнем языке, который Джордан услышал на записи. Затем зашевелился второй труп, у которого отсутствовала нижняя челюсть; на ее месте зияло разверстое горло. Он тоже присоединился к зловещему хору голосов.

Этого не может быть... У меня галлюцинации.

Ухватившись за эту призрачную надежду, Джордан бросился к выходу из тоннеля, каждые несколько шагов

натыкаясь на стены. Окружающее пространство продолжало раскачиваться, пол ускользал из-под ног. Сержант попытался нащупать в кармане фонарик-карандаш. Ага, вот он. Джордан щелкнул кнопкой. Увы, фонарик выскользнул у него из руки и покатился по каменному полу. Тем не менее даже этот скудный свет освещал ему путь вперед. Тем временем вой за его спиной становится все громче и громче. И Джордан побежал.

Затем он услышал слабый голос, нашептывавший ему прямо в ухо.

...торопись. Все готово.

Маккей.

Подталкиваемый в спину зловонным ветром, Джордан заставил себя рвануть вверх. В спину ему неслись жуткие вопли существ, скребущих по каменным стенам полусгнившими ногтями и костями. Вырастая от пола до потолка, их тени зловеще плясали на стенах тоннеля, обгоняли его, подстегиваемые языками адского пламени. Внезапно за его спиной, в тоннеле, загрохотали тяжелые шаги.

Вой в тоннеле, как по сигналу, стих. Началась безмолвная охота.

Боясь споткнуться, Джордан на ощупь прокладывал себе путь. При этом он больно ободрал о шершавую стену ладонь, но сделал вид, что не заметил этого. Шероховатость стен означала, что он покинул тоннель природного происхождения с его гладкими стенами и выскочил в проход, вырубленный человеческими руками.

За его спиной эхом отдавалось хриплое, надрывное дыхание. Вскоре свет крошечного фонарика погас, и вокруг Джордана сомкнулось плотное кольцо тьмы. Он побежал еще быстрее, ощущая, как легкие горят огнем. Он бежал, вдыхая запах подземных созданий, их омерзительные миазмы, которыми, волна за волной, обдавала его пещера. Зловоние гниющей плоти, крови и страха.

Вскоре впереди блеснул свет.

Выход.

Сержант со всех ног бросился к нему, устремляясь навстречу свободе. Он выскочил наружу и упал, больно ударившись при приземлении.

Маккей схватил его обеими руками и оттащил в сторону. Из тоннеля донесся вопль злобного разочарования и обещания неминуемой мести. Не успел Джордан отпрянуть в сторону, как из тоннеля вслед за ним выскочил барс-самец... В следующее мгновение окружающий мир взорвался.

Огонь. Дым. Град камней и колючего мелкого гравия.

Джордан высвободился из объятий Маккея, однако остался на четвереньках, жадно хватая ртом воздух, и попытался вновь обрести ясное сознание. Он ожидал, что в любую минуту из клубов дыма выскочат барсы, однако тоннель содрогнулся и исчез под лавиной камней, навсегда запечатавшей в глубинах горы и кладбище костей, и обоих хищников.

— Сколько противопехотных мин ты использовал? — задыхаясь, спросил у товарища Джордан. Грохот взрыва по-прежнему отдавался в ушах звоном.

— Всего одну. Мне не хватило времени выкопать еще пару-тройку штук. Да и этой одной вполне хватило.

Огромная темная масса окутанной дымом Шар-э-Голголы продолжала подрагивать. Джордан представил себе, как обломки камня заваливают подземную пещеру. Среди развалин, подняв в воздух клубы дыма и фонтаны обломков, прогрохотали еще несколько взрывов.

— Это от первого взрыва сдетонировали остальные мины, — пояснил Маккей. — Сержант, нужно поскорее уносить отсюда ноги.

Джордан не стал спорить, лишь мрачно посмотрел на развалины.

Они вернулись в крытый соломой дом. Им навстречу, прихрамывая, вышел Купер. Половина лица капрала была залита кровью.

— Что случилось? — спросил Джордан. Прежде чем тот успел ответить, он заглянул внутрь дома.

Какого черта?..

Его пронзила тревога за маленькую девочку.

— Как только ты вошел в пещеру, девчонка моментально юркнула в окно и скрылась. Я пытался догнать ее, но этот чертов профессор, как безумный, вцепился в меня и завопил: «Пусть уходит! Пускай демоны заберут ее!» Этот парень с самого начала показался мне чокнутым. Гнилой тип.

— Где они сейчас?

— Не знаю. Я только что пришел в себя.

Джордан пулей вылетел из хижины. Снег уже успел скрыть следы беглецов, но он все-таки сумел разглядеть отпечатки маленьких ног, которые вели куда-то на запад. Профессор, судя по всему, скрылся в восточном направлении. Значит, они разбежались в разные стороны.

Рядом с ним возник Маккей.

В следующий миг откуда-то издалека донесся приглушенный стрекот. Это, сверкая огнями, им на помощь из Бамиана спешил вертолет, напоминая мотылька, храбро устремившегося на пламя свечи. Рейнджеры наверняка услышали грохот взрывов.

— Отлично, — проговорил Маккей. — Вот и кавалерия мчится на подмогу.

— Что будем дальше делать, сержант? — спросил Купер.

— Пусть кто-нибудь другой ищет этого профессора, — ответил Джордан. Внезапно его охватила злость. Но, как ни странно, именно она подсказала, что ему делать дальше; помогла вновь сосредоточиться на главной задаче. — А мы пойдем искать девчонку.

Спустя три дня я сидел в своем уютном кабинете в здании Афганской полицейской академии. Все документы были разложены по папкам и подшиты, дело закрыто.

Вина за события той ночи была возложена на одну-единственную находку среди руин Шар-э-Голголы: истекавший откуда-то глубоко из-под земли газ. Газ этот был углеводородным соединением под названием этилен, которое, как известно, способно вызывать галлюцинации и состояния, близкие к трансу.

Мне вспомнилась моя собственная растерянность, то, что, — как мне казалось, — я видел перед собой в эти минуты. То, чего мне совсем не хотелось видеть. Но ведь ничего подобного в реальности не было, да и быть не могло. Все это мне лишь привиделось. Виноват во всем этот самый газ.

Научное объяснение меня устраивает. Ну, или, по крайней мере, я ничего не имею против. Кроме того, репортеры объясняли странное, агрессивное поведение барсов тем же самым: мол, животные надышались дурманящим газом.

Прояснились и другие вещи.

Профессор Этертон был найден в миле от руин Шар-э-Голголы — босиком, с безумными глазами, сильно пострадавший от переохлаждения. Дело кончилось тем, что он потерял практически все пальцы на ногах.

Маккей, Купер и я всю ночь занимались поисками девочки и в конечном итоге нашли ее в неглубокой пещере, целой и невредимой, и, главное, теплой, закутанной в мою куртку. Я был благодарен судьбе за то, что нашел ее, а также самому себе, что мне хватило выдержки довести поиски до конца. Кто знает, вдруг в один прекрасный день я все-таки вернусь на поля родной Айовы.

Девочка ничего не помнила про то, что случилось среди руин. Впрочем, это даже к лучшему. Я отвез ее к вра-

чу, после чего передал родственникам в Бамиане, полагая, что на этой истории можно поставить точку.

Однако пещера, где мы ее обнаружили — недалеко от тех самых руин, — оказалась не чем иным, как входом в небольшую крипту. Внутри покоились останки молодого мужчины, похороненного вместе с оружием и в богатой одежде монгольского воина благородного происхождения. Сейчас полным ходом ведутся генетические исследования, призванные определить, не принадлежат ли эти останки внуку Чингисхана, отправленному с миссией к царю Шар-э-Голголы, который несколько веков назад вероломно убил посланника, что повлекло за собой цепь событий, закончившихся падением цитадели.

То, как умер этот молодой человек, не дает мне этим зимним утром встать из-за рабочего стола, и я сижу, глядя на горы папок с нашими отчетами, и по-прежнему задаюсь тревожными вопросами.

Если верить рассказам Этертона, тот царь династии Шансабани убил жениха своей дочери, отрубив ему голову, после того как узнал, что они задумали бежать. У монгольского тела в гробнице головы не было.

Могли ли посланник и жених быть одним и тем же лицом? Могла ли царская дочь влюбиться во внука Чингисхана? Могла ли трагическая любовь привести к кровопролитию, которое за этим последовало? Почему-то принято думать, что любовь ведет только к хорошему. Неправда, порой она ведет к страшным вещам. При этой мысли я начинаю машинально крутить на пальце обручальное кольцо и, поймав себя на этом, говорю «прекрати!».

Не знаю почему, но, пока я сидел у себя в кабинете, раскладывая по папкам отчеты, мне вспомнились кое-какие новые подробности. Например, Азар сказал мне, что барсы были символом династии Шансабани. Или дру-

гое — Фаршад крикнул, будто девочка одержима джинном и что ее преследуют демоны.

Что, если он был прав? Что, если что-то вырвалось на свободу из открытой могилы? Что, если в девочку вселился дух давно умершей принцессы, в надежде, что живой человек приведет ее к давно потерянному возлюбленному?

Что, если эти барсы, символы царской власти, принадлежали ее отцу, все еще пылавшему гневом и мщением, и он хотел с их помощью затащить ее в подземелье, чтобы она увидела таящиеся под Шар-э-Голголой ужасы? И в конечном итоге что, если взрывы вновь запечатали пещеру и перезахоронили тело вместе с костями барсов, отчего призрак разъяренного царя вновь пустился преследовать дочь?

Или же это были обыкновенные хищники, которыми двигал самый обыкновенный голод, а ядовитый газ, проникший в их новое логово, лишь подогревал их агрессивность?

А те голоса? Неужели это были кошки? Я так и не смог найти второго бактрийского ученого, поэтому эти странные, потусторонние звуки перевел для меня сам профессор. Кто знает, может, он слегка двинулся рассудком из-за гибели своих коллег или же на него тоже подействовал газ, просачивавшийся из раскопа.

Я покачал головой, тщетно пытаясь остановить выбор на одном из двух. Либо на разумном, логическом объяснении, либо на потустороннем, мистическом. В целом я склонен к первому.

Наверно, все эти мысли были остаточным эффектом воздействия газа, которым я надышался в пещере. Но стоит мне вновь вспомнить слова профессора, как я лишаюсь былой уверенности. Там, в горах, происходят диковинные вещи, в которые с трудом верится, когда сидишь в городе.

Поток моих мыслей прерывает стук в дверь, и я мысленно благодарю судьбу.

Входит Маккей и делает шаг к моему столу. В руках у него листок.

— *Новое распоряжение, сержант. Похоже, что нас переводят.*

— *И куда же?*

— *В Масаду, в Израиль. Там после землетрясения имела место какая-то странная серия смертей.*

Я протягиваю руку к папке на столе и закрываю ее. Дело закончено.

— *Надеюсь, это задание будет полегче предыдущего.*

Маккей хмурит брови.

— *Не вижу ничего смешного.*

Весна 73 года нашей эры
Масада, Израиль

Мертвые продолжали петь.

В трехстах футах над головой Елеазара звучал хор голосов девятисот мятежников-иудеев, бросая вызов римскому легиону по ту сторону городских ворот. Жители города поклялись, что скорее покончат с собой, чем сдадутся врагу. Эти последние молитвы, обращенные к небесам, эхом отдавались в подземных ходах, вырытых в самом сердце горы Масада.

Оставив обреченных стоять под палящим солнцем, Елеазар оторвал взгляд от крыши прохода, вырытого в песчанике. Нет, он с великой радостью молился бы в эти минуты вместе со всеми, прося Господа ниспослать ему мужество для решающей битвы. Увы, его ждала иная судьба.

Иная тропа.

Елеазар взял в руки бесценный камень. Нагретый солнцем, тот был длиной ему от ладони до локтя, то есть размером с новорожденного младенца. Прижимая камень

к груди, он заставил себя войти в грубо вырубленный проход, который вел в самое сердце скалы. Каменщики закрыли за ним отверстие, чтобы за ним не мог последовать ни один человек.

Его сопровождали семеро солдат, которые шли впереди с факелами в руках. Их мысли наверняка вместе с их оставшимися наверху собратьями, теми девятью сотнями человек, что собрались сейчас на выжженной солнцем площадке наверху горы. Твердыня находилась в кольце осады вот уже несколько месяцев. Десять тысяч римских солдат разбили вокруг нее свои палаточные городки, зорко следя за тем, чтобы ни одна душа не выскользнула из ворот.

Закончив молитвы, восставшие поклялись, что, прежде чем римляне ворвутся в город, они собственноручно лишат жизни своих жен и детей, а потом и самих себя. Они молились, прося бога даровать им мужество поднять руку на своих близких.

Как должен поступить и я сам...

Задача, которую предстояло выполнить Елеазару, давила на него столь же тяжело, что и камень в его руках. Он мысленно вернулся к тому, что ждало в ближайшие часы евреев. Могила. Он провел немало часов в подземном храме, прижавшись коленями к каменным плитам, так близко подогнанным друг к другу, что в щель между ними не протиснулся бы и муравей. Он изучил гладкие стены и высокие, арочные потолки. И был вынужден признать, что строители, которые готовили это священное пространство, мастерски сделали свое дело.

Но даже тогда он не осмелился поднять глаза на саркофаг в храме.

Этот нечистый гроб сохранит для потомков святое Слово Божие.

Он еще крепче прижал камень к груди.

Прошу тебя, Господи, избавь меня от этой ноши.

Последняя молитва, как и тысячи до нее, осталась без ответа. Жертвам тех, что остались наверху, должны быть возданы почести. Их проклятая кровь должна сослужить более высокой цели.

Вскоре Елеазар дошел до входа в подземный храм, однако не смог заставить себя шагнуть внутрь. Остальные протиснулись мимо него и заняли свои места. Он припал лбом к холодной каменной стене, прося у Бога утешения.

Бог остался глух к его просьбе.

Тогда он посмотрел внутрь. Там уже мерцало пламя факелов, отбрасывая на кирпичный арочный свод потолка причудливые тени. Под потолком, в поисках выхода, собирались клубы дыма, но не находили его.

Выхода не было ни для кого.

Наконец его взгляд упал на маленькую девочку, которую солдаты заставили опуститься на колени и не давали ей встать. При виде ее сердце Елеазара обливалось кровью. Но нет, он не откажется от возложенной на него миссии, он выполнит порученное ему дело. Он лишь надеялся, что она закроет глаза и тем самым избавит его от необходимости заглянуть в них в самые последние мгновения.

Глаза чистые, как вода.

Именно такими словами когда-то описывала его ныне покойная сестра эти невинные глаза — глаза своей дочери, глаза малютки Азувы.

Елеазар посмотрел в глаза своей племяннице.

Они по-прежнему были детскими, эти глаза, хотя ими на него смотрел отнюдь не ребенок. Ибо она увидела нечто такое, чего ни один ребенок не должен видеть. А вскоре не увидит вообще ничего.

Прости меня, Азува.

Прошептав напоследок молитву, он шагнул в освещенную факелами гробницу. Подрагивающее пламя отражалось в хмурых глазах семерых солдат, которые уже

ждали его внутри. Они в течение долгих дней сражались с римлянами и отлично знали, что сражение закончится для них смертью. Но только не такой. Елеазар кивнул им и человеку в длинных одеждах, стоявшему среди них. Девять взрослых мужчин собрались, чтобы принести в жертву ребенка.

Мужчины склонили перед Елеазаром головы, будто перед ними был святой. На самом же деле они не догадывались, насколько он нечист. Лишь ему и тому, кому он служил, ведомо об этом.

Каждый из присутствующих имел кровавые раны: одни — полученные от римлян, другие — от девочки, которую они держали.

Пурпурные одежды, в которые ей пришлось облачиться, были ей велики, отчего она казалась еще меньше. Грязными ручонками малышка прижимала к себе старую куклу с одним глазом-пуговицей, сшитую из куска кожи цвета иудейской пустыни.

Как давно он подарил ей эту куклу? Ему вспомнилось, какой радостью при виде подарка осветилось крошечное личико, когда он опустился на колени, чтобы вручить его ей. Помнится, он тогда подумал, как много солнечного света способно вместить в себя крошечное тельце: казалось, оно в буквальном смысле светилось изнутри, переполняемое радостью по поводу простенького подарка из лоскутов кожи и ткани.

И вот теперь Елеазар заглянул ей в лицо в поисках того солнечного света.

Увы, на него смотрела тьма.

Девочка зашипела, обнажив зубы.

— Азува! — с мольбой в голосе обратился он к ней.

Глаза, которые когда-то были такими прекрасными, такими безмятежными, смотрели на него с животной ненавистью. Азува с шумом втянула в себя воздух, а затем плюнула ему в лицо кровавой слюной.

Елеазар пошатнулся, пораженный странным ощущением ее слюны на своей коже, железным привкусом крови. Дрожащей рукой он вытер лицо и, опустившись рядом с девочкой на колени, тряпицей осторожно вытер кровь с ее подбородка, после чего отшвырнул грязную ткань.

А затем он услышал *это*.

Как, впрочем, и она.

Оба тотчас повернули головы. Здесь, в подземелье, только они двое слышали крики, что раздавались на верху горы. Лишь они знали, что римляне прорвались за городские стены.

Наверху началась резня.

Человек в длинных одеждах заметил их движение и понял, что оно значит.

— У нас не осталось времени.

Елеазар посмотрел на старика в пыльной коричневой мантии. Шлемм. Он был среди них главный — это он потребовал, чтобы ребенок был крещен посреди творящегося наверху ужаса. Годы превратили его лицо в резную маску. Он стоял, закрыв темные глаза, и губы его шевелились в беззвучной молитве. Лицо его излучало спокойную радость человека, которому неведомы сомнения в своей правоте.

Наконец эти блаженные глаза открылись снова, и Шлемм пристально посмотрел на Елеазара, как будто выискивал его душу. Елеазару тотчас вспомнился другой взгляд другого человека, который много-много лет назад посмотрел на него точно так же.

И стремительно отвернулся, охваченный стыдом.

Солдаты встали вокруг открытого каменного саркофага в центре гробницы. Тот был высечен из цельного куска песчаника и имел довольно внушительные размеры: в нем без труда поместились бы трое взрослых.

И вот теперь в него ляжет всего одна маленькая девочка.

В каждом углу курились миро и ладан. Впрочем, сквозь их сладкую пелену Елеазар ощущал и другие, более тяжелые запахи: горьких солей и резких пряностей, собранных в соответствии с древним текстом ессеев.

Все было готово к тому, что сейчас свершится.

Елеазар в последний раз склонил голову, моля небеса об ином.

Возьми меня, а не ее.

Но ритуал требовал от каждого, чтобы он сыграл свою роль.

Девственница, утратившая целомудрие.

Рыцарь Христов.

Воин человечества.

Старик в долгополой мантии заговорил. Его суровый голос даже не дрогнул.

— Мы должны выполнить волю Господа. Спасти ее душу. И души всех остальных. Возьми ее.

Увы, не все пришли сюда по своей воле.

Азува вырвалась из рук державших ее солдат и, подобно быстроногой лани, бросилась к двери.

Догнать ее мог лишь Елеазар. Он схватил худенькое запястье. Азува начала вырываться, но его хватка была крепкой. Их со всех сторон обступили солдаты. Прижав к груди куклу, девочка рухнула на колени. О боже, какая же она маленькая!

Старик в мантии подал знак ближайшему солдату.

— Это должно свершиться.

Тот сделал шаг вперед и, схватив Азуву за руку, вырвал у нее куклу и отшвырнул в сторону.

— Нет! — выкрикнула она, все еще по-детски тонко и жалобно.

Гнев как будто придал ей сил. Она подскочила и, запрыгнув на солдата, отнявшего у нее куклу, обхватила его за талию ногами. Солдат пошатнулся и упал на камен-

ный пол. В ход пошли ногти и зубы. Она царапала и кусала ему лицо.

Двое других солдат бросились на помощь товарищу. Они оттащили обезумевшую девочку и прижали ее к каменному полу.

— Отведите ее к саркофагу, — приказал их главный.

Увы, солдаты не торопились исполнять его приказание. Они боялись даже пошевелиться. Девочка тем временем продолжала яростно отбиваться. Елеазар понял, что ужас малышки направлен вовсе не на тех, кто ее держал. Взгляд ее был прикован к предмету, который только что был вырван у нее из рук.

Тогда он поднял с пола куклу и поднес ее к окровавленному лицу Азувы. Помнится, это всегда успокаивало ее, когда она была маленькой. Елеазар попытался выбросить из головы воспоминания о том, как она вместе с сестрами заливалась смехом, играя ясным солнечным днем с этой куклой. Игрушка подрагивала в его руке.

Взгляд ее смягчился, теперь в нем читалась мольба. Девочка постепенно прекратила борьбу. Вырвав у солдат одну руку, она протянула ее за куклой.

Стоило пальцам прикоснуться к игрушке, как тело ее обмякло, как будто она приняла свою участь, смирилась с тем, что ей не уйти от неизбежного. Как когда-то в далеком детстве, кукла стала ее единственным утешением, ее верной наперсницей. Она не желала уходить во тьму одна. Поднеся тряпичную фигурку к лицу, Азува прижалась носом к носу куклы, как будто это могло принести ей облегчение.

Елеазар сделал знак солдатам, чтобы те отошли, а сам поднял девочку с пола. Он прижал ее холодное тельце к своей груди, и она в свою очередь, как когда-то в детстве, доверчиво прильнула к нему. Елеазар мысленно молил Господа даровать ему силы сделать то, что от него требует долг.

Камень, зажатый в свободной руке, напомнил ему о его клятве.

Стоявший чуть в стороне от них старик в мантии принялся нараспев читать древние заклинания, призванные связать небеса со своей жертвой. Произнося священный текст, он щепотка за щепоткой подбрасывал в огонь благовония. Тем временем наверху римляне проломили ворота, и защитники крепости лишили себя жизни.

Сейчас здесь тоже прольется кровь; она искупит ту, что пролилась наверху.

Держа в руке камень, Елеазар отнес девочку на несколько шагов, к открытому саркофагу. Тот уже был наполнен почти до краев — в нем, поблескивая, тихо плескалась жидкость. Он должен был выступить в роли *миквы* — ритуальной ванны для тех, кто хочет очиститься.

С той разницей, что вместо освященной воды саркофаг был наполнен вином. Вокруг него на полу стояли пустые глиняные кувшины.

Подойдя к нему почти вплотную, Елеазар заглянул в его глубины. В свете факелов вино казалось кровью. Азува уткнулась лицом ему в грудь. Он сглотнул застрявший в горле комок.

— Давай, — приказал главный.

Елеазар в последний раз прижал к себе детское тельце. Азува всхлипнула. Он посмотрел на темный квадрат двери. Он все еще мог спасти ее тело, но только ценой ее души. И своей тоже. Спасти ее душу могло лишь то, что сейчас произойдет.

Старший по рангу солдат взял у него из рук Азуву и, вознеся над открытым саркофагом, затем начал медленно опускать ее к кроваво-красной поверхности. Глядя глазами, полными ужаса, девочка по-прежнему прижимала к груди куклу.

До поверхности винной купели оставался буквально дюйм. Солдат остановился и посмотрел в глаза Елеазару. Тот протянул было к девочке руку, но затем убрал.

— Благословен будет наш отец небесный, — тем временем произнес старик в мантии.

Наверху, над ними, прекратилось пение. Азува, как будто это услышав, слегка повернула голову. Елеазар представил себе, как песок пропитывается кровью, как та просачивается сюда, в сердце горы. Всё. Довольно тянуть. Сейчас или никогда. Тем, что сейчас свершится, они запечатают эту гробницу.

— Елеазар, — произнес старик-жрец, — пора.

Елеазар протянул вперед руку, в которой был зажат бесценный камень. Его священная тайна — вот то единственное, что было способно подвигнуть Елеазара на исполнение своего долга. Он даже не чувствовал его веса. Если что-то и напоминало о себе болью в груди, так это сердце.

— Это должно свершиться, — произнес старик в мантии, правда, негромко.

Елеазар промолчал. Так было легче. Он шагнул к девочке.

Главный солдат опустил ее в вино. Худенькое тельце какое-то время извивалось в темной жидкости, тонкие пальчики хватались за края саркофага. Красная жидкость перетекла через край и пролилась на пол. Ощущая на себе взгляд ее глаз, полный мольбы и немого укора, Елеазар опустил ей на грудь камень и нажал. Тяжесть камня и сила его руки утопили детское тельце еще глубже.

Азува больше не сопротивлялась, лишь прижимала к груди куклу. А затем и вообще притихла и лежала недвижимо, как будто жизнь уже покинула ее. Но ее немые губы шевелились, произнося слова, которые исчезали вместе с ее лицом, что погружалось все глубже и глубже.

Каковы они были, ее последние слова?

Елеазар знал, что этот вопрос будет преследовать его до конца его дней.

— Прости меня, — выдавил он. — И прости ее.

Рукава его туники пропитались вином, отчего защипало кожу его рук. Но он продолжал удерживать недвижимое тельце, пока не отзвучали слова молитвы.

Эти минуты показались ему вечностью.

Наконец он убрал руки и выпрямился. Азува осталась лежать на дне саркофага, придавленная тяжестью священного камня. Теперь она навсегда его про́клятая хранительница. Елеазар молился, чтобы содеянное им очистило ее душу, даровав прощение за то зло, что в ней поселилось.

Моя маленькая Азува.

Он без сил рухнул рядом с саркофагом.

— Запечатайте его, — приказал старик.

Каменная плита, которую заранее сняли при помощи веревок, снова легла на место. Солдаты намазали края крышки смесью извести и золы, навсегда скрепив ее с саркофагом.

Елеазар прижал ладони к стенке вечной темницы Азувы, как будто надеялся, что тем самым принесет ей утешение. Впрочем, оно ей больше не нужно.

Он прижался лбом к холодному, бездушному камню. Разве был у него выбор? То, что он сделал, послужит высшим целям. Увы, понимание этого не облегчило боль. Ни его, ни ее.

— Пойдем, — окликнул его старик в мантии. — Мы исполнили свой долг.

Елеазар сделал надрывный вдох, набирая полную грудь затхлого воздуха. Солдаты кашлянули и, шаркая ногами по каменному полу, потянулись к выходу. Он же остался стоять рядом с ней посреди сырой пещеры.

— Здесь нельзя оставаться! — крикнул от двери старик. — Ты должен пройти иной тропой.

Елеазар, почти ничего не видя перед собой, ибо глаза ему застилали слезы, спотыкаясь, побрел на звук его голоса.

Как только они уйдут отсюда, вход в пещеру будет замурован. Ни одна живая душа не догадается, где он был. Любой, кто попробует в нее войти, обречен.

Елеазар поймал на себе взгляд старика.

— Ты сожалеешь о своем обете? — спросил тот. В голосе его прозвучало сочувствие, но слышались в нем и стальные нотки.

Именно эта твердость и снискала ему его имя. «Петр», иначе «камень», так назвал его сам Христос, сделав апостолом, опорой и фундаментом новой церкви.

— Нет, не сожалею, — ответил Елеазар, встретив его твердокаменный взгляд.

Призирает на землю, и она трясется;
Прикасается к горам, и дымятся.
Псал. 103:32

26 октября, 10 часов 33 минуты
по местному времени
Кесария, Израиль

Доктор Эрин Грейнджер легонько провела по древнему черепу своей самой мягкой щеточкой, а когда пыль осела, зорким глазом ученого вгляделась в него, подмечая тонкие соединения костей, открытый родничок. Затем ее глаза оценили степень мозолистости. Похоже, что череп принадлежал новорожденному младенцу, и, судя по расположению тазовых костей, — мальчику.

Он умер, прожив всего несколько дней.

Пытаясь извлечь ребенка из грязи и камня, она смотрела на него взглядом женщины, представляя себе новорожденного малыша: вот он лежит на боку, поджав ко-

лени и сжав крошечные пальчики в кулачки. Интересно, родители считали его пульс? Целовали нежную кожу? Наблюдали, как постепенно угасает, едва родившись, его крохотное сердечко?

Как когда-то она сама, когда умирала ее младшая сестричка?

Доктор Эрин Грейнджер закрыла глаза. Щетка замерла в воздухе.

Немедленно прекрати.

Она вновь открыла глаза, убрала за ухо прядь светлых волос, которая каким-то образом сумела выбиться из конского хвостика, и вновь сосредоточилась на костях. Она непременно выяснит, что здесь произошло много веков тому назад. Потому что, как и в случае с ее сестрой, этот ребенок умер не просто так. Его смерть была намеренной. С той разницей, что причиной смерти этого малыша был не плохой уход, а насилие.

Доктор Эрин Грейнджер продолжила свою работу. Теперь ее внимание было сосредоточено на крошечных конечностях. Кто-то, перед тем как похоронить мертвое тельце, попытался придать ему первоначальную форму. Увы, никакие усилия не смогли бы восстановить сломанные и отсутствующие кости, верный признак насильственной смерти. Даже две тысячи лет были бессильны скрыть преступление.

Доктор Эрин Грейнджер отложила щетку и сделала еще один фотоснимок. Время окрасило кости в тот же цвет выгоревшей сепии, что и землю, в которой они покоились, однако тщательно проведенные раскопки обнажили их форму. И все-таки понадобится еще не один час, чтобы окончательно извлечь остальные кости.

Чувствуя, как затекло одно колено, Эрин перенесла вес на другое. В тридцать два года ее никак нельзя было назвать старой, но именно такой она ощущала себя в эти минуты. Она провела в раскопе всего час, а колени уже

дали о себе знать. Будучи ребенком, Эрин могла проводить так гораздо больше времени, стоя на коленях в молитве на твердом земляном полу местной церкви. Тогда она, если того требовал ее отец, могла провести в такой позе полдня — и даже не пожаловаться. С другой стороны, она долгие годы пыталась забыть свое прошлое, и вот теперь, возможно, память подводила ее.

Поморщившись от боли, Эрин встала и потянулась. Теперь края раскопа доходили ей лишь до талии. Ее разгоряченное лицо тотчас охладил приятный ветерок, разгоняя тягостные воспоминания. Слева от нее на ветру хлопали полы палаток, а по всему лагерю летали облака песка.

Летающая взвесь песка и пыли поначалу ослепила ее, и ей пришлось поморгать, чтобы она не мешала смотреть. От песка здесь не было никакого спасения. Каждый день к вечеру ее светлые волосы приобретали серовато-красный оттенок пустыни. Песок набивался в носки, скрипел, как наждак, в кроссовках, мелкие песчинки забивались под ногти, даже во рту ощущался привкус песка.

И все же стоило ей посмотреть за желтую пластиковую ленту, которой был огорожен раскоп, как ее лицо освещала улыбка. Подумать только, ее обутые в кроссовки ноги ступают по древней земле, которая дышит историей. Сам раскоп располагался посреди древнего ипподрома, на котором когда-то проходили гонки колесниц. Сам ипподром раскинулся на берегу моря, этой колыбели цивилизации. Морская гладь сверкала ослепительной лазурью, солнечные лучи придавали ей причудливый металлический блеск. За спиной Эрин протянулись ряды каменных трибун. Их истертые за два тысячелетия ярусы высились своеобразным памятником давно умершему царю, планировщику и строителю города Кесарии, печально знаменитому Ироду. Тому самому, что запятнал себя в веках избиением младенцев.

Где-то неподалеку раздалось лошадиное ржание. Нет, оно донеслось не из прошлого, а из временной конюшни, наскоро построенной на дальнем конце ипподрома. Местные любители скачек готовились к международным соревнованиям. Скоро ипподром вновь оживет, пусть даже всего на несколько дней.

Эрин с нетерпением ждала этого момента.

Правда, до этого ей и ее студентам предстоит сделать ох как много работы!

Упершись ладонями в бедра, Эрин посмотрела на череп убитого мальчика. Может, чуть ближе к вечеру она обернет крошечный скелетик в пластик и начнет трудоемкий процесс извлечения его из земли. Ей не терпелось перенести его в лабораторию, где находку можно изучить под микроскопом. Эти косточки наверняка расскажут ей больше, чем все находки, какие только ей еще предстоит сделать.

Она вновь опустилась на колени рядом с детским скелетом. Почему-то ей не давала покоя бедренная кость — по всей ее длине имелись странные вмятины, похожие на отпечатки морских гребешков. Она склонилась ниже, и по спине ее тотчас пробежали мурашки.

Неужели это следы зубов?

— Профессор! — вывел ее из задумчивости гнусавый техасский говорок Нейта Хайсмита.

Эрин Грейнджер вздрогнула от неожиданности, больно ударившись при этом локтем о деревянную опалубку, которая подпирала стены раскопа, спасая его от вторжения песка.

– Простите, — ее студент втянул голову в плечи.

Утром она строго-настрого наказала, чтобы ее никто не беспокоил, и вот нате вам — один уже здесь, как будто ее не слышал... Чтобы не накричать на него, Эрин подняла со дна раскопа свою видавшую виды фляжку и сделала глоток тепловатой воды с противным, металлическим вкусом.

— Ничего страшного, — довольно неприветливо сказала она и, прикрыв глаза ладонью, посмотрела на него.

Нейт стоял на самом краю раскопа, темный силуэт на фоне палящего солнца. На его голове низко нахлобучена соломенная шляпа. Старые джинсы, выцветшая рубашка в клетку с закатанными рукавами, обнажавшими крепкие молодые мускулы. Эрин подозревала, что он специально закатал их повыше, чтобы произвести на нее впечатление. Разумеется, это не сработало, так что он зря старался. За годы, посвященные раскопкам, Эрин успела убедиться, что ее интересуют исключительно мертвые мужчины, особенно пролежавшие в земле не одно столетие.

Она взглядом указала ему на ничем не примечательный участок песка и камней. Там, брошенный всеми, находился электронный зонд, напоминая собой скорее газонокосилку, нежели высокотехнологичный прибор, способный заглянуть глубоко под слой камня и песка.

— Почему вы не занимаетесь тем, что вам поручено? Не зондируете тот сектор?

— Неправда, я его прозондировал. — Техасский говорок Нейта сделался еще заметнее. Так бывало всегда, когда он волновался. И еще Хайсмит для пущей убедительности сделал большие глаза.

Он явно что-то нашел.

— Так в чем дело?

— Если я вам скажу, вы мне не поверите. — Юноша покачался на пятках, готовый в любую секунду броситься бегом, чтобы продемонстрировать ей находку.

Эрин Грейнджер улыбнулась. Нейт прав. Она никогда ничему не верит, пока не увидит собственными глазами. Эту простую истину она, словно мантру, вбивала в головы своим студентам. *Пока вы не выкопаете находку из земли и не подержите в руках, считайте, что вы ее еще не нашли.*

Чтобы защитить свои труды, а также из уважения к детским косточкам, она осторожно накрыла скелет брезентом. После чего Нейт протянул ей руку и помог выбраться из глубокой траншеи. Как ей показалось, его рука сжала ее запястье на миг дольше положенного.

Тем не менее она постаралась не показать вида, что недовольна. Нейт отпустил ее руку, и она отряхнула с джинсов пыль. Хайсмит, в свою очередь, отступил назад и отвернулся, как будто понял, что переступил невидимую грань. Эрин не стала ему выговаривать. Какой от этого толк? Нельзя сказать, что знаки внимания со стороны мужчин оставляли ее равнодушной, но она никогда не давала для них повода, и уж тем более на раскопках. Здесь она ходила под слоем грязи, как некоторые женщины ходят под слоем косметики, и всячески избегала любых романтических приключений. Хотя Эрин была среднего роста, ей частенько говорили, что есть в ее осанке нечто царственное, как будто она на фут выше ростом. Что неудивительно, учитывая ее профессию и возраст.

Дома, в Америке, у нее было немало романов, но ни один из них не вылился в серьезные отношения. В конечном итоге мужчины находили ее чересчур ученой, что отпугивало многих из них, но зато каким-то уму непостижимым образом привлекало других.

Таких, как Нейт.

И все же Эрин не могла не признать, что Нейт отличный товарищ по раскопкам, с потенциалом хорошего геодезиста. Он наверняка перерастет свой интерес к ней. Так что со временем все разрешится само собой.

— Давайте, показывайте, — она зашагала в направлении палатки с оборудованием. Даже если это какая-то ерунда, все равно приятно хоть ненадолго скрыться от палящего солнца.

— Эмми уже внесла информацию в компьютер, — доложил Нейт, шагая через лагерь. — Это находка века, профессор. Тут, похоже, под землей целые горы костей!

Заставив себя сделать скептическое лицо, Эрин ускорила шаг, чтобы не отстать от длинноногого Нейта. Его порывистость не могла не восхищать. Но археология, как и сама жизнь, редко преподносит находки века всего за одно утро работы. А чаще — даже за десятилетия.

Она нырнула в палатку и придержала края, впуская вслед за собой Нейта. Шагнув внутрь, тот снял шляпу. Внутри палатки было сумрачно и на несколько градусов прохладнее, чем снаружи.

Гудел портативный аккумулятор, питая ноутбук и допотопный вентилятор. Последний гнал волны воздуха прямо на Эмми, двадцатитрехлетнюю выпускницу Колумбийского университета. Эта молодая брюнетка больше времени проводила в палатке, чем под солнцем. На ее рабочем столе, вся в капельках влаги, стояла банка диетической кока-колы. Эмми слегка полноватая, рыхлая и нетренированная. У нее за плечами еще не было десятка полевых сезонов, которые закалили бы ее, приучили бы сносить лишения сурового археологического быта. Зато у нее был дар работы с техникой. Не переставая летать одной рукой по клавиатуре компьютера, второй она подозвала к себе Эрин.

— Профессор Грейнджер, вы не поверите!

— Я это уже слышала.

В палатке находился и третий ее студент. Судя по всему, все они, как один, махнув рукой на работу, пришли поглазеть, что там нашел Нейт. Хайнрих застыл, склонившись над плечом Эмми. Это был серьезный двадцатичетырехлетний парень из Берлинского университета. Обычно отвлечь его от работы было трудно. И то, что он оставил свой участок, означало одно: это действительно что-то важное.

Темные глаза Эмми были прикованы к экрану компьютера.

— Я все пытаюсь увеличить изображение, но мне казалось, что вам захочется посмотреть и так.

Отстегнув с пояса лоскут ткани, Эрин вытерла со лба пот и грязь.

— Эмми, прежде чем я не забыла. Тот детский скелет, который я откопала. У него на бедренной кости какие-то странные вмятины. Я бы хотела, чтобы ты их сфотографировала.

Эмми кивнула, однако Эрин могла поклясться, что та не слышала ее.

Нейт продолжал крутить в руках свою шляпу.

Что же такое они нашли?

Эрин подошла и встала рядом с Хайнрихом. Эмми откинулась на спинку своего складного стула, давая Эрин возможность лучше разглядеть изображение на экране.

Там виднелись изображения участка, которые Нейт прозондировал сегодня утром. На каждой такой картинке был изображен тот или иной слой восьмого сектора, в зависимости от глубины залегания. Картинки напоминали серые квадратные лужи, прочерченные черными линиями, которые образовывали параболы — словно рябь на поверхности воды. Черные линии обозначали твердые материалы.

Сердце Эрин едва не выскочило из груди. Она наклонилась ниже, отказываясь верить собственным глазам.

У этой грязной лужи было слишком много волн. За десять лет полевых работ такое она видела впервые. Нет, такого не видел никто.

Этого быть не может!

Она проследила пальцем кривую на гладком экране. Эмми тотчас надула губы. Она не любила, когда кто-то водит по экрану грязным пальцем, оставляя следы на чистой поверхности. Но Эрин нужно было доказать, в пер-

вую очередь себе самой, что это не наваждение, не обман зрения.

Наконец она справилась с первым шоком и обрела голос:

— Нейт, какую площадь ты прозондировал?

— Десять квадратных метров, — без запинки отчеканил тот.

Эрин посмотрела на него. Лицо Нейта было серьезным.

— Всего десять метров? Ты уверен?

— Но ведь вы сами учили меня пользоваться георадаром! — Он слегка наклонил голову. — Помните?

Эрин рассмеялась.

— И ты добавил данные к этим результатам?

— Да, профессор.

Эрин поняла, что своими расспросами задела самолюбие юноши, поставив под сомнение его профессионализм. Но ей нужно было убедиться, что здесь нет ошибки. Она доверяла технике, но не всегда — людям, которые этой техникой пользовались.

— Я сделал все как надо. — Нейт подался вперед. — И предваряю ваш вопрос. Да, здесь все совпадает с найденным вами скелетом.

Неужели? Выходит, что слою, в котором он найден, две тысячи лет? Эрин вновь посмотрела на экран. Если данные верны, а ей наверняка нужно будет проверить их самой, но если они верны, то каждая такая парабола означала человеческий череп.

— Я примерно подсчитал, — прервал ее мысли Нейт. — Их тут около пятисот. И все, как один, в диаметре не больше четырех дюймов.

Четырех дюймов.

Не просто черепа — черепа младенцев.

Нескольких сотен младенцев.

Эрин про себя процитировала строчки из Библии. Евангелие от Матфея, глава вторая, стих шестнадцатый.

Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал у волхвов.

Избиение младенцев. Согласно преданию, Ирод отдал такой приказ с тем, чтобы быть до конца уверенным в том, что он убил младенца, который в один прекрасный день сменит его на престоле и станет царем иудейским. Но этот младенец бежал в Египет и позднее стал человеком, известным под именем Иисуса Христа.

Неужели она и ее студенты только что обнаружили доказательство того, что история про Ирода верна?

26 октября, 13 часов 03 минуты
по местному времени
Масада, Израиль

Пот щипал Томми глаза. Да, брови ему сейчас не помешали бы.

«Спасибо» химиотерапии.

Он привалился спиной к очередному желто-коричневому валуну. Все камни на этой крутой тропе были одинаково огромные, и все, как один, раскалены. Чтобы сидеть на них, Томми засунул под ноги ветровку, создавая дополнительный защитный слой между собой и обжигающим камнем. Как обычно, он задерживал группу. И как обычно, был не в силах двигаться дальше, не сделав остановку для отдыха.

Томми пытался отдышаться. Обжигающий воздух был разреженным и на вкус сухим, как бумага. Интересно, сколько в нем кислорода? Правда, другие члены их группы, похоже, не жаловались. Они едва ли не бегом взбежали наверх, словно им было по четырнадцать лет. Он же ощущал себя древним стариком. Они ушли далеко, он даже не слышал их голоса.

Каменистая тропа — ее еще называли Змеиной — извивалась вдоль отвесных склонов знаменитой горы Масада. До вершины оставалась лишь сотня ярдов, и он сможет укрыться от солнца среди руин древней еврейской крепости. С того места, где сидел Томми, ему открывался вид на запекшуюся, порыжевшую от зноя долину реки Иордан.

Томми вновь вытер со лба пот. Будучи родом из округа Ориндж[1], он был уверен, что жара для него — дело привычное. Нет, здесь он как будто оказался в раскаленной печи.

Он понурил голову, чувствуя, что его вновь потянуло в сон. Хотелось вновь оказаться в гостиничном номере с гудящим кондиционером, растянуться на прохладных простынях и, закрыв глаза, подремать. После чего, отдохнув и взбодрившись, поиграть в видеоигры.

Томми усилием воли стряхнул с себя сон. Сейчас не место и не время для отдыха. Но он так устал, а пустыня была такой притихшей от зноя... В отличие от людей, животным и насекомым хватало ума проводить дневную жару в дремоте. Со всех сторон Томми укутывала всеобъемлющая тишина. Интересно, после смерти будет примерно так же?

— С тобой все в порядке, дорогой? — раздался рядом с ним голос матери.

Томми вздрогнул. Как это он не услышал ее шагов? Неужели все-таки уснул?

— Да, — с трудом выдохнул он.

Мать прикусила губу. Они все знали, что с ним не все в порядке. Томми рывком натянул на левое запястье рукав, пряча уродливое коричневое пятно.

---

[1] Ориндж — один из крупнейших округов в США, расположен в Южной Калифорнии между побережьем Тихого океана и Национальным Кливлендским лесным заповедником.

— Мы можем подождать. Отдыхай, сколько тебе надо, — сказала мать, садясь с ним рядом. — Интересно, почему эту тропу называют Змеиной? Лично я не видела на ней ни одной змеи.

Она обращалась к подбородку сына. В последнее время родители избегали смотреть ему в глаза. Потому что когда они это делали, то начинали плакать. Так было последние два года, когда Томми то попадал на операцию, то проходил курс химиотерапии, то — облучения. И вот сейчас у него временный отдых от всего этого.

Может, они посмотрят ему в лицо, лишь когда он будет лежать в гробу?

— Для змей здесь слишком жарко, — произнес Томми, ненавидя себя за то, что вынужден буквально выдавливать каждое слово.

— Тогда бы это были змеиные бифштексы, — пошутила мать, делая долгий глоток воды из своей бутылки. — Поджаренные на солнцепеке и готовые к употреблению в пищу. Как и мы.

В следующую минуту к ним присоединился отец.

— Ну как, все в порядке?

— Я решила, что мне тоже пора отдохнуть, — солгала мать и, намочив платок, протянула его Томми. — Я тоже устала.

Томми хотел было ее поправить, сказать отцу правду, но не нашел в себе сил. Вместо этого он влажным платком протер лицо.

Отец начал что-то говорить, как с ним было всегда, когда он нервничал.

— Мы уже почти дошли. Еще несколько ярдов, и мы увидим крепость. Настоящую крепость Масады. Ты только представь себе!

Томми послушно закрыл глаза и представил себе бассейн. Голубой, прохладный, слегка попахивающий хлоркой.

— Десять тысяч римских солдат разбили лагерь вокруг этой горы. Десять тысяч солдат, с мечами и щитами, ждут под солнцем. Они перекрыли все пути к бегству и пытаются взять измором девятьсот мужчин, женщин и детей, которые спрятались на вершине плоской горы, — отец заговорил быстрее, взволнованнее. — Но мятежники готовы стоять до конца. И даже после смерти. Они никогда не сдадутся.

Томми пониже надвинул кепку на своей лысой голове и, прищурившись, посмотрел на отца.

— В конце концов они сдались, папа.

— Неправда, — возразил отец с удвоенной страстью. — Евреи решили умереть свободными, не пожелав сдаться на милость победителю. Они убили себя не от бессилия. Они сами выбрали свою судьбу. Такого рода выбор многое говорит о людях, о силе их духа.

Томми поднял плоский камешек и бросил им вдоль тропы. Тот, подпрыгнув, свалился вниз. Что бы сделал отец, будь у его сына возможность выбрать свою судьбу? Предпочел бы он сам уйти из жизни, вместо того чтобы стать жертвой рака? Вряд ли бы отец стал говорить об этом с такой гордостью.

Томми улыбнулся отцу. Люди часто говорили, что они с ним очень похожи: те же самые темные волосы, одинаковая улыбка. После того как химиотерапия отняла у него волосы, никто больше не заикнулся, что он-де копия отца. Интересно, подумал Томми, буду ли я когда-нибудь снова на него похож?

— Ну как, готов идти дальше? — спросил отец, поправляя на плечах рюкзак.

Мать сердито посмотрела на него.

— Мы еще можем подождать.

— Я же не сказал «вставай и иди», — обиделся отец. — Я лишь спросил.

— Готов, — сказал Томми. Ему было неприятно, что родители ссорятся.

Глядя на свои коричневые ботинки, он заставил себя сдвинуться с места. Один ботинок вперед, затем другой. Если переставлять ноги, он доберется до вершины, и родители будут рады, что он вместе с ними преодолел путь к древней крепости. Собственно, ради этого Томми и согласился на эту поездку, на это долгое восхождение — чтобы им было что вспомнить. Даже если они и отказывались это признать, вскоре воспоминания иссякнут. Так пусть останется побольше приятных.

Он начал считать шаги. Так легче преодолевать трудности. Вы идете и считаете. Потому что стоит сказать «раз», как потом следует «два», потом «три» и так далее. К тому моменту, как тропа привела его к плоской вершине, Томми досчитал до двадцати восьми.

Он дошел! Конечно, легкие горели огнем, но он преодолел себя и дошел!

На вершине стоял деревянный павильон. Впрочем, нет. «Павильон» — это громко сказано. Скорее, это были четыре тонких бревнышка, на которые для защиты от солнца криво положили еще несколько тонких бревнышек, отбрасывающих «ажурную» тень. И все же это лучше, чем стоять под палящим солнцем.

Внизу, под отвесным склоном горы, простиралась пустыня, прекрасная в своем иссушенном солнцем однообразии. Покуда хватало глаз, раскинулись рыжеватые песчаные волны, то там, то здесь накатываясь на камни. Тысячелетия выветривания выклевывали у этих камней зернышко по зернышку, придавая им причудливые формы. И ни души: ни людей, ни животных. Интересно, до того, как под стены крепости пришли римляне, взору ее защитников представал тот же самый вид?

Неужели лишь эта убийственная пустыня?

Томми поднял глаза на плато, туда, где две тысячи лет назад разыгралась кровавая драма. Вершина горы представляла собой плоское пространство длиной примерно пять футбольных полей и три в ширину, на котором высилось с полдесятка каменных руин.

И ради этого я приполз сюда?

Похоже, мать была тоже разочарована. Лицо пунцовое, не то от солнца, не то от напряжения, темные кудрявые волосы прилипли ко лбу.

— Похоже скорее на тюрьму, чем на крепость, — сказала она, смахивая от лица непослушные пряди.

— Так это и есть тюрьма, — возразил отец. — Тюрьма, где привели в исполнение смертный приговор. Живым отсюда никто не вышел.

— Никто вообще не выходит живым, — бросил ему Томми и тотчас же пожалел о своих словах, заметив, как мать отвернулась и засунула палец под солнечные очки — не иначе как смахнуть слезу. И все же он был по-своему рад, что ей по-настоящему больно. Это куда лучше, чем все время лгать.

В следующий момент к ним подскочила гид и своим появлением спасла ситуацию. Длинноногая, в шортах цвета хаки, с длинными черными волосами, которые по-прежнему лежали волосок к волоску, несмотря на долгое восхождение.

— Как хорошо, что вы наконец добрались! — воскликнула она с милым еврейским акцентом.

Томми улыбнулся ей, благодарный за то, что она отвлекла его от тяжких мыслей.

— Спасибо.

— Как я уже сказала всем минуту назад, название Масада происходит от слова «мецуда», что значит крепость, и вы сами видите почему, — с этими словами гид загорелой рукой обвела плато. — Собственно говоря, здесь было два ряда стен — одна внутри другой, — между ко-

торыми располагались жилые кварталы обитателей Масады. Перед нами Западный дворец, самое большое здание цитадели.

Томми оторвал глаза от ее губ и посмотрел, куда она указывала. Массивное здание меньше всего походило на дворец. Скорее, на его руины. В старых каменных стенах зияли огромные провалы, а те, что оставались, были все в строительных лесах. Создавалось впечатление, будто кто-то готовился здесь к съемкам очередной серии фильма про приключения Индианы Джонса.

За этими строительными лесами наверняка скрывались тайны древности. Увы, Томми ее не чувствовал, при всем своем огромном желании. Его отец любил историю, и, по идее, ее полагалось любить и ему, но с тех пор, как у него диагностировали рак, он оказался как бы вне времени, вне истории. В его голове просто не оставалось места для трагедий других людей, тем более тех, что мертвы вот уже две тысячи лет.

— Сооружение рядом с дворцом, по всей видимости, было частной баней, — продолжала щебетать гид, указывая на здание слева. — Внутри него были найдены три скелета с отрубленными головами.

Томми навострил уши. Наконец-то что-то интересное!

— С отрубленными головами? — недоверчиво переспросил он, подходя ближе. — То есть они покончили жизнь самоубийством, отрубая самим себе головы?

Губы гида скривились в усмешке.

— Собственно говоря, защитники крепости тянули жребий, кому выпадет очередь убить других. Самоубийство совершил лишь последний из них.

Томми покосился на руины. Поняв, что обречены, они убили своих детей. Почему-то он испытал нечто вроде зависти. Не лучше ли принять быструю смерть от рук того, кого ты любишь, чем медленно загибаться от рака? В следующий миг он устыдился этой мысли и посмотрел на ро-

дителей. Мать улыбнулась ему, обмахиваясь путеводителем; отец сделал его снимок.

Нет, у него язык не повернулся бы просить их о чем-то подобном.

Вздохнув, Томми вновь переключил внимание на бани.

— Те скелеты, они по-прежнему там? — Он сделал шаг вперед, чтобы заглянуть сквозь металлические ворота.

Гид поспешила грудью загородить ему путь.

— Извините, молодой человек, но внутрь нельзя.

Томми пытался заставить себя отвести глаза от ее пышного бюста, но не смог. Впрочем, прежде, чем он сделал хотя бы шаг, заговорила мать:

— Как ты себя чувствуешь, Томми?

Неужели она заметила, как он смотрел на гида?

— Нормально, мама, — ответил Томми и покраснел.

— Хочешь пить? У меня есть немного воды, — с этими словами она протянула ему пластиковую бутылку.

— Нет, спасибо, мам.

— Давай я намажу тебе кремом лицо, чтобы оно не сгорело, — мать потянулась к сумочке.

В другой ситуации Томми молча снес бы такое унижение, но гидесса улыбнулась ему красивой, ослепительной улыбкой, и внезапно ему стало неприятно, что с ним обращаются как с малым ребенком.

— Все в порядке, мам, — бросил он матери гораздо резче, чем предполагал.

Мать обиженно втянула голову в плечи. Гид отошла в сторону.

— Извини, — сказал Томми. — Я не нарочно.

— Ничего страшного, — ответила мать. — Я пойду вперед вместе с отцом. Можешь не торопиться.

И она ушла прочь. Он остался стоять, чувствуя себя последним мерзавцем.

Злясь на себя, он подошел к развалинам бань и прильнул к металлическим воротам, желая разглядеть, что там

внутри. Под его весом ворота со скрипом распахнулись, и Томми едва не упал внутрь. Он тотчас отпрянул назад, однако краем глаза успел заметить в одном углу нечто странное.

Нечто светлое, трепещущее, словно смятый лист бумаги.

Любопытство взяло верх. Томми огляделся по сторонам. На него никто не смотрел. К тому же чем ему грозит вторжение за ворота? Что произойдет в худшем случае? То, что хорошенькая гидесса за шкирку вытащит его оттуда? Что ж, он не против.

Томми сунул голову внутрь, глядя за подрагивающее нечто.

Небольшой белый голубь, хромая, заковылял по мозаичному полу, таща за собой левое крыло. Казалось, кончики перьев оставляют после себя в пыли какие-то загадочные письмена.

Бедняжка.

Голубя следовало вызволить. Иначе он умрет от обезвоживания или его кто-нибудь съест. Гиду наверняка известен какой-нибудь приют для птиц, куда его можно отнести. Дома, в Калифорнии, мать Томми помогала точно в таком приюте — до того, как у него обнаружился рак и для всей их семьи кончилась прежняя жизнь.

Томми проскользнул в ворота. Внутри помещение оказалось меньше, чем отцовский сарай с инструментами. Четыре гладких каменных стены. Выцветший от времени мозаичный пол, сложенный из малюсеньких плиток. Мозаика изображала восемь пыльных красных сердец, расположенных кругом, словно лепестки цветка, а ряды синих и белых плиток, скорее всего, символизировали волны. По периметру пол опоясывал бордюр цвета терракоты с белыми треугольниками, похожими на зубы. Томми попытался представить, как мастера прошлого, словно разрезную картинку, выкладывают эту мозаику, но почему-то вновь ощутил лишь усталость.

Он перешагнул порог, радуясь тому, что наконец оказался в тени, где его не достанут лучи жгучего солнца. Интересно, сколько людей встретили здесь свой смертный час? При мысли об этом по его спине пробежал холодок, и Томми поежился, представив людей, стоящих на коленях — ведь иначе не могло быть, — над которыми высился человек в грязной полотняной тунике. В его руках занесенный над головой меч. Он начал с самого юного, и, когда все было закончено, у него уже не осталось сил поднять руку. Но он превозмог себя. Затем тоже опустился на колени и ждал, когда меч его друга дарует ему быструю смерть. После этого все кончилось. По крошечным плиткам бежали ручейки крови, скапливались в тонких пазах, собирались в лужицы на мозаичном полу.

Томми покачал головой, стряхивая наваждение, и огляделся по сторонам.

Никаких скелетов.

Наверняка их уже забрали в музей или же захоронили.

Птица подняла голову и замерла посреди пола, глядя на Томми сначала одним глазом, затем другим, как будто примеривалась. Глаза у нее были ярко-зеленые, словно малахит. Томми никогда раньше не видел птиц с зелеными глазами.

Он опустился на колени и едва слышно прошептал:

— Подойди ко мне, малышка. Не бойся, я тебе ничего не сделаю.

Птица вновь посмотрела на него, затем сделала шаг навстречу.

Осмелев, Томми протянул руку и, осторожно взяв в ладони раненую птицу, выпрямился.

В следующее мгновение земля под ним содрогнулась. Или это от долгого восхождения у него закружилась голова? Томми попытался сохранить равновесие. Но нет,

между его подошвами возникла тонкая черная линия, пробежав через мозаичный пол, словно живое существо.

Змея, была его первая мысль.

Сердце тотчас наполнилось страхом.

Однако черная линия стала толще, и Томми понял, что это нечто более страшное. Не змея, а трещина. На одном ее конце наружу вырвался оранжевый дым, как будто кто-то уронил сигарету.

Неожиданно птица вырвалась из его рук, расправила крылья и улетела сквозь дым, словно в открытое окно. По всей видимости, ее ранение было легким. Взбитый птичьими крыльями дым застилал путь Томми. Как ни странно, у дыма оказался довольно приятный запах, чуть терпкий, с легкой ноткой благовоний.

Томми наморщил лоб и, подавшись вперед, подержал над дымом ладонь. Дым просачивался сквозь его пальцы, как ни странно, прохладный на ощупь, как будто поднимался из какого-то холодного места в глубине скалы.

Томми прищурился, чтобы лучше его рассмотреть. Но в следующую секунду мозаика под его ногами треснула, словно стекло. Он испуганно отскочил в сторону. Успел вовремя, потому что плитки стали соскальзывать в трещину. Вниз полетели синие, оранжевые, красные осколки. Трещина пожирала разноцветный рисунок, с каждым мгновением становясь все шире и шире.

Томми попятился к выходу. Из трещины, вместе с мелкими осколками мозаики, вырвались клубы красно-оранжевого дыма. Затем где-то в самом сердце горы как будто раздался стон, и стены содрогнулись.

Землетрясение.

Томми выскочил на улицу и больно упал на пятую точку. Находившееся перед ним здание вздрогнуло, как будто напоследок получив шлепок от рассерженного бога, и с грохотом провалилось в тартарары.

Трещина тем временем стала еще шире, ее край был в считаных футах от Томми. Он отпрянул назад. Казалось, будто трещина гонится за ним. Тогда юноша поднялся на ноги и побежал, но гора содрогнулась вновь, и он снова рухнул на землю.

Боже, помоги мне!

Где-то рядом он услышал голос матери и пополз сквозь дым на ее крик.

— Я здесь! Сюда! — крикнул он и закашлялся.

Тогда к нему бросился отец и рывком поставил его на ноги. Мать подхватила под локти. Вместе они потащили его к Змеиной тропе, как можно дальше от места разрушения.

Томми оглянулся. Трещина зияла еще шире, рассекая вершину горы. Вниз с грохотом падали обломки скалы и скатывались в пустыню. К голубому небу устремился столб черного дыма, как будто унося с собой к солнцу все ужасы, которые когда-то таились среди этих камней.

Томми вместе с родителями осторожно подошел к краю обрыва.

Землетрясение закончилось столь же внезапно, как и началось.

Его родители застыли на месте, боясь пошевелиться, как будто опасаясь, что любое движение способно вновь спровоцировать толчки. Отец обнял за плечи жену и сына. С вершины донеслись крики раненых.

— Томми. — В голосе матери звучал ужас. — Ты ранен.

— Ерунда, я всего лишь поцарапал ладони, — ответил Томми.

Отец убрал руки с плеч жены и сына. Сам он потерял шляпу и поцарапал щеку. Его обычный баритон был готов сорваться на визгливый фальцет.

— Как вы думаете, это были террористы?

— Я не слышала никакого взрыва, — ответила мать, поглаживая Томми по голове, как маленького ребенка.

На этот раз он не имел ничего против.

Облако черно-красного дыма неслось на них, как будто хотело столкнуть их с обрыва.

Отец, как будто поняв, чем это может для них кончиться, указал на тропу.

— Пойдемте. Вдруг оно ядовитое.

— Я вдохнул немного, — успокоил его Томми, вставая. — Ничего страшного.

Из облака, схватившись рукой за горло, выбежала какая-то женщина. Она бежала вслепую, ее веки распухли и кровоточили. Сделав еще несколько шагов, она упала и больше не пошевелилась.

— Пойдемте! — крикнул отец, толкая Томми впереди себя. — Быстрее!

Все трое бросились вниз по тропе. Увы, убежать от дыма им не удалось. Тот настигал их с каждым мгновением. Еще миг — и облако накрыло их. Мать закашлялась — это был неестественный, влажный, надрывный звук. Томми протянул к ней руки, не зная, что ему делать.

Родители остановились и рухнули на колени.

Все было кончено.

— Томми, — еле слышно прошептал отец. — Беги!

Но Томми опустился на колени рядом с ними.

Если мне все равно умирать, то уж лучше так. Вместе с родителями.

Ему тотчас стало легко и спокойно на душе.

— Все в порядке, пап.

Он пожал сначала руку матери. Затем отцовскую руку. И когда ему казалось, что он уже никогда не расплачется, из глаз его брызнули слезы.

— Я люблю вас обоих.

И тогда родители посмотрели ему в глаза. Несмотря на весь ужас их положения, он действительно их любил.

Томми крепко обнял обоих и не отпустил рук даже тогда, как их тела обмякли, как будто сдались силе тяжести, а не одной только смерти. Когда же у него больше не было сил обнимать их, он опустился на колени рядом с их телами и стал ждать, когда смерть примет в свои объятия и его самого.

Но минуты шли, а он все еще был жив.

Томми вытер о рукав мокрое от слез лицо и, шатаясь, поднялся на ноги. Он старался не смотреть на тела родителей, на их обожженные веки, на окровавленные лица. Как будто если он не посмотрит на них, то окажется, что они вовсе не умерли. Кто знает, вдруг это всего лишь сон?

Он медленно повернулся, лишь бы не смотреть в их сторону. Ветер уже успел разогнать ядовитый дым. Земля вокруг была усеяна телами. Насколько он мог судить, все эти люди были мертвы.

Значит, это не сон.

— Тогда почему же я жив? — удивился Томми. — Ведь это я должен был умереть, а не мать и отец.

Он вновь посмотрел на бездыханные тела родителей. Его горе было столь глубоким, что не оставляло места слезам. Он переживал их смерть гораздо сильнее, чем свою собственную.

Нет, здесь все не так. Это он был больным, это он должен был умереть. Он уже давно готовился к смерти, зная, что ему никуда от нее не деться. Это его родители должны были сохранить память о нем, навечно застывшем в возрасте четырнадцати лет на тысяче фотографий. Скорбь полагалась им, а не ему.

Он с рыданиями рухнул на колени и воздел руки к солнцу, одновременно умоляя и проклиная Бога.

Но, видимо, Бог еще с ним не покончил.

Томми продолжал тянуть руки вверх. Один рукав соскользнул, обнажая худое запястье, бледное и чистое.

Он опустил руки, широко открытыми глазами глядя на белую кожу.

Меланома исчезла.

Джеймс Роллинс
Ребекка Кантрелл

КРОВНЫЕ БРАТЬЯ

Рассказ

Наше время, лето
Сан-Франциско, Калифорния

Артур Крейн проснулся от аромата гардений. Паника охватила его еще до того, как он открыл глаза. Застыв от страха в напряженной позе, он лежал неподвижно, вдыхая тяжелое благоухание, настоянное на сладковатых нотах плюмерии и жимолости.

Быть этого не может...

В детстве Артур проводил долгие часы за чтением в оранжерее их фамильного поместья в британском Чешире. Он как сейчас помнил, какой жесткой была скамья в затененном углу теплицы, помнил боль в пояснице от долгой неподвижности за романом Диккенса или Конан Дойла.

Как легко было затеряться в мирах, восставших с книжных страниц, укрывшись от материнского гнева или ледяного молчания. И все же, как бы глубоко ни погружался Артур в выдуманные истории, его неизменно окружал этот запах. Запах всего его детства, его защита и душевное спокойствие. И вот теперь все изменилось.

Теперь этот запах означал лишь одно. Смерть.

Артур открыл глаза и повернулся к источнику запаха. Тот исходил от соседней пустой подушки. Лучи утреннего солнца проникали в окно спальни, падая на белую орхидею Brassocattleya. Орхидея лежала в углублении посередине этой самой соседней подушки. Нежные бахромчатые лепестки с потускневшей пурпурной полоской посередине касались края его наволочки.

Охваченный ужасом, он почувствовал, что задыхается. Сердце бешено колотилось о ребра. Он тотчас вспомнил сердечный приступ, случившийся с ним в прошлом году, — странный подарок судьбы на его шестидесятый день рождения.

Артур пристально посмотрел на цветок. В последний раз он видел точно такой, будучи молодым человеком, которому лишь недавно исполнилось двадцать. Та орхидея плавала в красной луже, и ее удушливый аромат смешивался с железистым запахом его собственной крови.

Почему же он видит ее снова... после стольких лет?

Артур сел в постели и обвел глазами небольшую спальню. На первый взгляд все вещи на своих местах. Окно плотно закрыто, одежда там, где он оставил ее, даже бумажник лежит на прежнем месте, на комоде.

Усилием воли Артур взял орхидею с подушки и положил ее холодную плоть себе на ладонь. Долгие годы он прожил в страхе вновь получить такой вот цветок.

Он выбрался из вороха простыней и подошел к окну. Его квартира располагалась на третьем этаже старого дома в викторианском стиле.

Артур выбрал его потому, что дом этот напоминал ему привратницкую в их фамильном поместье в Англии. Когда семейные бури в главном доме становились невыносимыми, он частенько находил там приют у садовников и служанок.

Крейн изучил глазами улицу. Ни души. Тот, кто оставил ему этот «подарок», давно ушел.

Вздохнув поглубже, Артур перевел взгляд на голубую гладь бухты на горизонте, зная, что может больше никогда ее не увидеть. Десятки лет назад он писал в газету репортажи о серии зловещих убийств, каждому из которых предшествовало появление такой вот орхидеи. Утром жертвы находили у себя этот цветок и в тот же вечер умирали. И на их окровавленных телах находили вторую орхидею.

Артур отвернулся от окна. Нет, появление цветка отнюдь не случайность. Два дня назад ему позвонил некий человек, утверждавший, что у него есть ответы на вопросы о некоей тайне, преследовавшей Артура не один десяток лет.

Позвонивший сказал, что имеет отношение к могущественной тайной организации, именующей себя «Велиал». Артур как-то раз наткнулся на это название, изучая убийства с орхидеями, однако так и не смог установить связь между ними. Ему было известно лишь то, что слово «велиал» происходит из еврейской Торы и приблизительно переводится как «демонический».

Значит ли это, что убийства с орхидеями были своего рода сатанинским ритуалом? И какое отношение имел к ним его брат?

— Кристиан...

Он прошептал имя брата и тотчас мысленно услышал мальчишеский смех, увидел блеск зеленых глаз и гриву темных непокорных волос.

Хотя прошли десятилетия, Артур так и не узнал, что стало с братом. Однако звонивший утверждал, что может рассказать ему правду.

Сегодня вечером.

Артур посмотрел на орхидею у себя на ладони. Проживу ли я столько, чтобы услышать этот рассказ?

Неожиданно на него нахлынули воспоминания.

Лето 1968 года
Сан-Франциско, Калифорния
Еще одни похороны

Проникая сквозь стекла витражей, лучи утреннего солнца отбрасывали зловещие тени на лица юных хористов в соборе Святого Патрика. Но их неземные голоса возносились к самому небу — чистые, прекрасные голоса, в которых звучала неподдельная скорбь.

Эти голоса были призваны утешать, но Артур не нуждался в утешении. Он не испытывал скорби. Он пришел сюда как самозванец — иностранец, молодой репортер лондонской «Таймс».

Он с интересом разглядывал большую фотографию, установленную на пюпитре рядом с резным гробом красного дерева. Как и большинство присутствующих в церкви, Артур лично не знал покойного, хотя его имя было известно во всем мире. Джеки Джейк, знаменитый британский певец в стиле фолк, ураганом покоривший сердца американских слушателей.

И вот теперь ураган утих.

Десять дней назад Джеки Джейк был найден мертвым в одном из переулков Сан-Франциско, неподалеку от Мишн-стрит. Лондонская газета, в которой работал Артур, в срочном порядке отправила его за океан писать репортаж о похоронах Джейка, причем по двум причинам. Во-первых, он был самым молодым репортером в редакции, во-вторых — единственным, кто признался, что слышал песни покойного.

Последнее утверждение было ложью. До этого задания Артур Крейн никогда не слышал песен Джеки Джейка, однако эта уловка позволила ему совершить путешествие в Калифорнию.

Впрочем, в Сан-Франциско он прибыл по иной причине. Теша себя надеждой... рассчитывая на шанс... исправить чудовищную ошибку.

Тем временем отпевание продолжалось. Присутствующие на скамьях устали и теперь громко шаркали ногами. Артура плотным облаком окружал запах немытых тел. Он успел рассмотреть эту публику, как только пришел сюда. Поклонницами Джеки Джейка были главным образом молодые женщины в длинных юбках и белых блузках. У многих в волосах были цветы. В позах неизбывной скорби они прильнули к своим спутникам, молодым мужчинам с бородами отшельников-аскетов.

В отличие от основной массы присутствующих, Артур, как и положено в таких случаях, был в черном костюме и начищенных ботинках. Как ни велик был соблазн отринуть железные заповеди, крепко усвоенные еще в родительском доме, он счел своим долгом прийти в церковь в надлежащем виде. К тому же для него было важно произвести благоприятное впечатление на полицейских, расследовавших убийство Джейка. Артур понимал: их симпатии отнюдь не на стороне этой толпы неопрятных хиппи.

Наконец отпевание закончилось, и народ потянулся к выходу. Артур моментально засек свою цель в дальней части нефа: фигура в черном с медной бляхой на груди. Полицейский. Артур намеренно наткнулся на него у выхода из храма.

— Простите, — извинился Артур. — Я не заметил вас.

— Ничего страшного, — ответил человек в черном с сочным калифорнийским акцентом, хорошо знакомым Артуру по голливудской кино- и телепродукции.

Глубоко вздохнув, Артур бросил взгляд на собор.

— Не могу поверить, что его больше нет...

Полицейский перехватил его взгляд.

— Вы близко знали усопшего?

— Вообще-то мы были друзьями детства, — ответил Артур и протянул руку в надежде замаскировать этим жестом ложь. — Меня зовут Артур Крейн.

Полицейский ответил Артуру крепким рукопожатием и коротко представился в ответ:

— Миллер.

С выражением отвращения на лице полицейский не сводил глаз с возбужденной толпы. Мимо него прошествовал тип в джинсах и сандалиях, оставив после себя ядреный шлейф запаха марихуаны. Полицейский стиснул зубы, но остался на месте.

Артур решил сыграть на этом его отвращении в надежде выудить из полицейского нужную информацию.

— Мы с Джеки были друзьями до того, как он переехал сюда и связался с этими... — он махнул рукой в сторону толпы хиппи, — с этим сбродом. Не удивлюсь, если выяснится, что его прикончил кто-то из этих «детей цветов». По своему опыту знаю, какая тонкая линия отделяет фанатов от фанатиков.

Не сводя глаз с пестрой толпы, Миллер пожал плечами.

— Возможно. Убийца оставил на его теле цветок, какую-то орхидею.

Вот так Артур впервые узнал про орхидеи.

Увы, прежде чем он успел задать вопрос, Миллер бросился в сторону. Как оказалось, некий тощий, как скелет, парень с гривой давно немытых, нечесаных волос схватил пюпитр с фотографией своего кумира, явно намереваясь забрать его себе на память. Темные глаза вора сверкали безумным блеском.

Заметив полицейского, хиппи бросил фото и, схватив в тощие руки пюпитр, замахнулся им, как дубинкой. Миллер попытался увернуться, но натолкнулся бедром на церковную скамью. Удар пришелся полицейскому в плечо, и он рухнул на колени. Вор замахнулся снова, намереваясь ударить копа во второй раз, причем по голове.

Долго не раздумывая, Артур бросился на помощь Миллеру. Это был безрассудный поступок. Так, скорее, посту-

пил бы Кристиан, окажись он на его месте. Что касается Артура, это было не в его духе.

И все же он полез в драку. Толпа испуганно отпрянула. Схватив нападавшего за руку, прежде чем тот успел нанести полицейскому смертельный удар, Артур дал Миллеру возможность встать на ноги. В свою очередь тот оттащил хулигана в сторону и, заведя ему руки за спину, надел на него наручники. Парень злобно озирался по сторонам. У него были огромные зрачки, на всю радужку, отчего глаза его казались совершенно черными. Он явно находился под действием какого-то наркотика.

Миллер посмотрел Артуру в глаза.

— Благодарю вас. Я ваш должник.

Тяжело дыша, Артур с трудом заставил себя кивнуть в ответ и стал проталкиваться к выходу.

О чем я думал?..

Наконец он шагнул из-под сумрачных сводов храма на улицу. Странно, но яркий и светлый Сан-Франциско показался ему мрачным местом, полным зловещих теней, рассеять которые был бессилен даже утренний свет. Артур прислонился к фонарному столбу и какое-то время постоял, чтобы отдышаться. Неожиданно его взгляд привлекло нечто белое.

К фонарю был приклеен листок бумаги. Обычное объявление. Сначала внимание Артура привлек крупный, написанный от руки заголовок. Увы, то, что он увидел ниже, заставило его окаменеть от ужаса. Это был черно-белый снимок красивого молодого человека лет двадцати пяти, темноволосого, со светлыми глазами. Хотя по снимку было трудно судить об их цвете, Артур знал: они пронзительно-зеленые.

На него смотрел его брат, Кристиан.

На листке не сообщалось никаких подробностей, был лишь указан номер телефона с просьбой позвонить, если кто-то видел пропавшего. Дрожащими пальцами Артур

скопировал номер в записную книжку и зашагал по многолюдной улице в поисках телефона-автомата. Наконец, найдя свободный таксофон, он бросил в прорезь монетку и стал ждать. Раздался один гудок, второй, третий, четвертый, пятый.

Но Артур не мог заставить себя повесить трубку.

Он продолжал слушать гудки, разрываясь между отчаянием и надеждой.

— Какого черта, чувак? Я сплю, — в конце концов ответил ему раздраженный мужской голос.

— Простите меня, — извинился Артур. — Я увидел на улице ваше объявление. О Кристиане Крейне.

— Ты нашел его? — раздражение в голос незнакомца сменилось надеждой. — Где он?

— Не знаю, — ответил Артур, подбирая слова. — Я его брат. Я надеялся, что...

— Черт побери! — оборвал его незримый собеседник. — Так ты тот самый англичанин? Его сводный брат... Я Уэйн... Уэйн Грэнтем.

Судя по его тону, он ожидал, что Артур узнает его. По всей видимости, Кристиан рассказывал ему о брате. Увы, Артур не общался с Кристианом уже более двух лет, во всяком случае, после той их драки в Англии. Именно из-за нее Артур и прилетел в Сан-Франциско — в надежде забыть старые обиды и начать все сначала.

Артур отогнал от себя эти мысли.

— И давно исчез Кристиан?

— Одиннадцать дней назад.

То есть за день до убийства Джейка. Было нелепо соотносить эти даты, однако убийство фолк-певца не давало ему покоя.

— Вы звонили в полицию? — поинтересовался Артур.

В ответ прозвучал презрительный смешок.

— Как будто в Сан-Франциско кому-то есть дело до пропажи взрослого человека! По словам копов, такое случает-

ся сплошь и рядом. Город Любви и все такое прочее. Мне ответили: ждите, вдруг он еще вернется.

— Но вы им не поверили?

— Нет, — ответил Уэйн, хотя и не сразу. — Он не мог уйти, не предупредив меня. Кто угодно, но только не Кристиан. Он не ушел бы, не поставив меня в известность.

Артур откашлялся и сказал:

— Меня он не предупредил о своем отъезде.

— Значит, у него имелись на то причины, верно?

Артура пронзило острое чувство вины.

— Имелись.

Уэйну было нечего добавить, и Артур был вынужден закончить разговор, так и не задав самый главный вопрос. Некоторые вопросы ему было неудобно задавать: мешали робость и предрассудки, а виной всему — строгое, консервативное воспитание.

Скомкав телефонный разговор, он поспешил в отель и записал свою историю, хотя и не стал распространяться о новой всплывшей подробности — орхидее. Зато счел своим долгом сообщить в полицию об исчезновении Кристиана.

Уэйн оказался прав. Полицейским не было никакого дела.

* * *

На следующее утро не успел Артур проснуться, как кричащие газетные заголовки оповестили его о втором убийстве. Он читал газету, стоя у кухонного стола с чашкой остывшего кофе в руке. Как и в случае с Джеки Джейком, горло второй жертвы было разодрано. Тело молодого человека — служащего юридической конторы — было обнаружено всего в нескольких кварталах от собора Святого Патрика, где накануне состоялось отпевание убитого фолк-

певца. Автор газетной статьи намекал на связь между двумя убийствами, однако избегал вдаваться в подробности.

Через два часа Артур сидел напротив офицера Миллера в кафе. В ответ на его любезность он поведал о том, что является журналистом газеты «Таймс».

— Я не могу сообщить вам больше того, что было опубликовано в «Кроникл», — признался полицейский, щелкнув пальцем по местной газете. — Но там, на месте преступления также был обнаружен цветок, еще одна орхидея. По словам соседа по комнате, жертва нашла орхидею в спальне еще утром, в день убийства. Это своего рода визитная карточка убийцы.

— Скажите, а были свидетели? Видел ли кто-то на месте преступления подозрительных людей... или того, кто оставил орхидею?

— Ничего конкретного. Кто-то вспомнил, будто видел в церкви тощего темноволосого типа, примерно в то же время, когда произошло убийство. Он там фотографировал, так что это мог быть обычный турист.

Ничего больше у копа Артур так и не смог выудить. Загадочный фотограф представлялся важной деталью для его будущего репортажа, хотя этот факт и не так впечатлял, как вторая орхидея.

Ближе к вечеру Артур закончил и отправил в Лондон по телеграфу свою статью, в которой назвал преступника «убийца с орхидеей». На следующий день это словосочетание замелькало в заголовках всех британских газет, а репутация Крейна как журналиста существенно упрочилась.

Главный редактор «Таймс» поручил ему написать и о других убийствах. Артур даже убедил газету выделить ему небольшую сумму, чтобы снять убогую комнатенку в районе Хейт-Эшбери, где обе жертвы проводили почти все свое время. На оставшиеся деньги Артур купил радиоприемник, который настроил на волну полицейского радио.

В последующие дни Крейн работал и ел, не выключая радиоприемника. По большей части разговоры полицейских не содержали ничего интересного, но на четвертый вечер радиоэфир нарушил срочный телефонный звонок. В нескольких кварталах от дома, в котором Артур снимал квартиру, было обнаружено мертвое тело — по всей видимости, третья жертва «убийцы с орхидеей».

Артур сел в такси и быстро добрался до нужного места, однако полицейские уже выставили кордон, закрыв доступ представителям прессы.

Стоя за желтой лентой ограждения, Артур прильнул к окуляру своего «Никона», оснащенного мощным телеобъективом. Кристиан подарил ему фотоаппарат по случаю окончания школы, сказав, что дополнительный глаз ему не помешает. Артур все еще был не слишком ловок в обращении с «Никоном», предпочитая работу журналиста, а не фоторепортера, но, оказавшись в Сан-Франциско один, был вынужден взяться и за фотосъемку.

Чтобы найти более выигрышный ракурс, он отошел от полицейского ограждения и поднялся на пару ступенек крыльца соседнего дома в викторианском стиле. Прислонившись для равновесия спиной к колонне, взял место преступления в видоискатель фотоаппарата. Правда, ему не сразу удалось настроить нужные для хорошего снимка резкость и выдержку.

Убитый лежал на тротуаре, на спине. На горле — темное пятно, которое растекалось и по земле. Кровь. Одна рука вытянута в направлении улицы, как будто покойный взывал о помощи, которую так и не получил. В открытой ладони трупа виднелось что-то белое.

Артур увеличил изображение, чтобы определить, что это такое. И разглядел смятые лепестки цветка. Это была орхидея, но орхидея особенная. Желудок Артура тотчас скрутило узлом.

Это была орхидея Brassocattleya.

Цветок этого вида довольно широко распространен. Благодаря сильному запаху и долгой сохранности их часто используют как украшения. Его мать выращивала этот сорт, потому что ей нравился их запах.

Артуру вспомнилась еще одна подробность. Кристиан тоже любил орхидеи.

Он мысленно вернулся к объявлению на столбе, к портрету брата на нем — с застывшей улыбкой и глазами, такими живыми даже на черно-белом фото.

Артур смотрел на орхидею в руке убитого человека, и ему казалось, что даже на расстоянии он чувствует терпкий аромат цветка, что, разумеется, было невозможно. Он стоял слишком далеко, но даже воображаемого аромата было достаточно, чтобы пробудить в нем полузабытые воспоминания...

Держа в руке садовый нож, Артур сидел на каменной скамье в углу оранжереи. Его окружали привычные запахи орхидей и древесной коры. Лучи дневного солнца, проникавшие сквозь стеклянные стены и потолок, нагревали воздух, и хотя снаружи была зима, внутри царило душное, влажное лето.

Он смотрел на длинные столы, уставленные горшками с экзотическими цветами. Некоторые из орхидей были ему давно знакомы. Они то зацветали, то вновь отцветали на протяжении всего его одинокого детства.

Маленьким мальчиком он часто приходил сюда, чтобы понаблюдать за тем, как его мать ухаживает за орхидеями. Она что-то напевала им, бережно опрыскивала, с нежностью гладила их листья, одаривая любовью, какой у нее не было даже для сына. Ибо, в отличие от него, цветы эти были особыми, редкими и красивыми.

У него была тайная мечта: когда он вырастет, то сделает что-то столь прекрасное, что она оторвется наконец от этих горшков с цветами и заметит его.

Увы, этого так и не произошло.

Мать умерла два дня назад, покончив с жизнью в приступе черной меланхолии. Сегодня маму, подобно ее любимым орхидеям, опустили в землю.

Артур потрогал большим пальцем острие ножа.

Он подслушал разговоры прислуги о том, сколько может стоить коллекция орхидей его матери. Мать собирала их всю свою жизнь, покупая цветок за цветком у забавного маленького человечка, одевавшегося в черное и носившего шляпу-котелок. Он приобретал их в ботанических садах всего мира, скупал у других коллекционеров или у путешественников, что совершали дерзкие вылазки в далекие тропические леса, откуда в джутовых мешках привозили редкие образцы.

И вот теперь все эти бесценные орхидеи или погибнут, или будут распроданы.

По стеклянной крыше, скатываясь струйками по прозрачным стенам, застучал легкий зимний дождь. Артур приложил холодное лезвие ножа к теплой коже запястья.

Она поступила точно так же...

Увы, не успел он последовать ее примеру, как дверь оранжереи распахнулась. Артур невольно вздрогнул.

Нож со звоном полетел на выложенный плиткой пол.

Лишь один человек во всем поместье имел наглость вести себя так. Кристиан попал в их лондонский дом, когда им обоим было по четырнадцать лет. Его родители погибли в автокатастрофе в пригороде Сан-Франциско. Отец Артура приходился отцу Кристиана троюродным братом и взял мальчика к себе в дом. Хотя Артур и Кристиан и были родственниками, то лишь по крови, но не по поведению.

— Арти! — позвал он. — Отзовись, я знаю, что ты здесь!

Сидевший на скамье Артур пошевелился. Кристиан заметил его и подошел ближе. Каштановые волосы брата слиплись от дождя, а ярко-зеленые глаза были опухшими и красными. В отличие от Артура, Кристиан плакал, ког-

да ему было больно. Типично американская черта. Чего никогда не потерпели бы отец и мать Артура.

Подойдя к скамье, Кристиан снял темную крышечку с объектива фотоаппарата. Он практически не расставался с ним. Весь день он снимал, а ночи проводил в импровизированной фотолаборатории. Мать Артура утверждала, что у него настоящий талант, а она всегда говорила правду.

Кристиан хотел стать фотожурналистом. Он мечтал путешествовать по всему миру, бывать в зонах боевых действий, снимать ужасы войны, чтобы своим искусством изменить мир, сделать его чище и лучше. Он даже убедил Артура, что тот тоже должен пробовать свои силы на журналистском поприще. Они будут работать единой командой. Артур не был уверен в собственных способностях, но фантазии Кристиана ему нравились. Брат обладал неистощимым оптимизмом, заражая своими идеями и Артура.

Но сегодня даже его было недостаточно.

Кристиан сфотографировал брошенный на пол садовый нож, затем нацелил объектив на столы с образцами орхидей. Он выбрал свою самую любимую, орхидею Brassocattleya. Сначала взял крупным планом сам цветок, затем отщипнул сухой лист и пощупал его края, желая убедиться, действительно ли тот сух. Именно так поступала их мать.

— Она будет скучать по этим цветам, — задумчиво произнес Кристиан.

Конечно, даже больше, чем по мне, кисло подумал Артур.

Кристиан сорвал цветок, и Артур испуганно ахнул. Мать никогда не допустила бы подобного.

Кристиан бросил цветок на колени Артуру и поднял с пола садовый нож.

Артур с опаской посмотрел на лезвие. Он представил себе, как оно врежется ему в запястье, как на месте пореза соберется кровь, а затем начнет капать на пол. Его мать хорошо это знала. Взяв на кухне длинный острый нож, она, сидя в ванне, полоснула себя по запястьям. Когда Артур нашел ее, вода была уже такая красная, что можно было подумать, что ванна заполнена одной кровью.

Кристиан потрогал запястье Артура. Его пальцы прошлись туда-сюда по тому самому месту, которое разрезала ножом мать.

— Думаешь, это было больно? — спросил он, которого никогда не смущали неловкие вопросы. Его рука по-прежнему касалась запястья брата.

Артур пожал плечами. Неожиданно он занервничал — не столько из-за самой темы, сколько из-за интимности момента.

Кристиан убрал руку и прикоснулся к запястью Артура холодным лезвием садового ножа.

Артур замер, ожидая, что будет дальше.

Кристиан сделал глубокий вдох и провел ножом по запястью брата, правда, не слишком глубоко. Оказалось не так больно, как ожидал Артур. Не больнее обычного укола.

На месте пореза начала собираться кровь. Братья, как зачарованные, смотрели на алую линию на фоне белой кожи.

— Меня она тоже бросила, — произнес Кристиан и вложил в ладонь брата цветок.

Артур сжал пальцы в кулак, давя орхидею. Кровь из раны потекла сильнее.

— Знаю.

— Теперь моя очередь, — сказал Кристиан и сделал надрез на своем запястье.

— Что ты делаешь? — удивился Артур.

Кристиан прижал порезанное запястье к запястью Артура. Кровоточащие раны соединились. Кровь, сбежав вниз по рукам, закапала на чисто выметенный пол.

Держа фотоаппарат в свободной руке, Кристиан сделал несколько снимков: красные капли на белой кафельной плитке, смятый окровавленный цветок на скамье. Напоследок он вытянул руку вперед, чтобы оба попали в объектив, и сфотографировал себя и Артура, как они прижимаются друг к другу порезанными запястьями.

— Я никогда не покину тебя, — шепнул ему Кристиан. — Мы теперь с тобой кровные братья, отныне и навсегда...

В первый раз после того, как Артур нашел мать в ванне, полной алой воды — светлые волосы, словно водоросли, плавают на поверхности, голова откинута назад, безжизненные глаза устремлены в потолок, — он не выдержал и расплакался.

А в следующий момент чья-то рука бесцеремонно толкнула его в спину, вернув с небес на землю.

— Прочь с моего крыльца!

Обернувшись на голос, он увидел перед собой женщину средних лет в домашнем халате. На вид незнакомка была ровесницей его матери, останься та жива. Женщина резко отчитала его и прогнала с крыльца. Полы ее халата развевались на ночном ветру.

В Артуре тотчас проснулся его репортерский инстинкт.

— Вы что-нибудь видели? — спросил он.

— Не ваше дело, что я видела, а что нет! — ответила женщина и, скрестив на груди руки, смерила его колючим взглядом. — Зато мне точно не нравится, во что превратилось это, с позволения сказать, лето Любви.

Позднее, когда Артур уже вовсю работал над статьей, ему в голову пришел заголовок: «Лето Любви сменилось Летом Смерти».

* * *

— О Кристиане никаких вестей, — сказал Уэйн по телефону три дня спустя. — Ни у меня, ни у наших друзей в городе.

Артур нахмурился и еще крепче прижал трубку к уху, перебирая стопки полицейских рапортов и отчетов судмедэкспертизы по третьему убийству. Новую жертву — молодого человека — звали Луи Мей; он недавно приехал в Сан-Франциско из Канзас-Сити, как и Кристиан, привлеченный в Калифорнию «золотой лихорадкой» — лихорадкой свободной любви. Увы, вместо любви он встретил здесь смерть: его нашли лежащим на мостовой со вспоротым горлом и цветком в руке.

Вдруг и с Кристианом случилось то же самое? Просто его тело до сих пор не нашли?

— Но сегодня утром случилось нечто странное, — добавил Уэйн.

— Что? — Артур выпрямился и положил бумаги на стол.

— В безбожно ранний утренний час в мою дверь постучал незнакомый католический священник.

— Священник? Что ему было нужно?

— Он спросил меня, знаю ли я, где Кристиан и где он мог бывать ночью. Странно, не правда ли?

«Странно» — это мягко сказано. Несмотря на свое имя, Кристиан был далек от религии. Более того, не скрывал своего презрения к тем, кто благочестиво склонял колени перед равнодушным божеством, — как, например, родители Артура. С какой стати священнику интересоваться Кристианом?

Как будто услышав его немой вопрос, Уэйн пояснил:

— Священник сказал, что ему крайне важно найти вашего брата и поговорить с ним. По его словам, бессмертная душа Кристиана висит на волоске. Священник попросил меня передать вашему брату, что ему еще не поздно от-

ринуть того, кем он стал, и, приняв в свое сердце Христа, тем самым обрести спасение. Он так и сказал. Это были его точные слова.

Артур сглотнул застрявший в горле комок. Слова Уэйна прозвучали эхом его собственных слов, сказанных в ту последнюю ночь, слов, которые нелегко взять обратно. Он отчитывал Кристиана, требовал, чтобы тот изменился, говорил, что путь, на который тот ступил, приведет его к одиночеству и смерти. Их ссора разгоралась, делаясь все жарче и жарче. В конце концов каждый остался при своем мнении.

А на следующий день Кристиан бесследно исчез.

— Вам надо было видеть его глаза, — продолжил Уэйн, имея в виду священника. — Скажу вам честно, они напугали меня до смерти. Никогда не встречал подобных служителей культа. Как вы думаете, что ему было нужно?

— Понятия не имею.

Повесив трубку, Артур еще долго сидел в крошечной комнатке, которую он снимал, и разглядывал приклеенные скотчем к стене фотоснимки и газетные вырезки. Подобно Кристиану, все жертвы были молоды, двадцати с небольшим лет. Все как один были брюнетами красивой наружности. Артур впился взглядом в рекламный снимок Джеки Джейка. Черные волосы фолк-певца падали ему на лоб, делая похожим на Кристиана. Более того, у Джеки были точно такие же зеленые глаза.

Внезапно до Артура дошло, что у него нет ни одной фотографии брата. После той ссоры он в приступе ярости уничтожил все фотографии Кристиана. В известном смысле Артур был столь же вспыльчив и подвержен перепадам настроения, как и его мать, а значит, и столь же поспешен в суждениях.

Боже, каким глупцом он был тогда! И только теперь это понял. Ему хотелось найти Кристиана и извиниться

перед ним, но, похоже, такой возможности у него никогда не будет. Своей вины ему никогда не загладить.

Следующие три дня Артур с головой погрузился в изучение загадочных убийств, смутно чувствуя, что его брат каким-то образом с ними связан. Кем он был — жертвой или пособником убийцы? Последнее представлялось ему невероятным. Затем он вспомнил безумца в соборе, пытавшегося украсть фотографию певца. Что, если члены некой сатанинской секты одурманили Кристиана наркотиками или подвергли его промывке мозгов, сделав из него безжалостного монстра?

Пытаясь найти ответы на эти вопросы, Артур начал с орхидей. Откуда они могли появиться? Увы, в городе было полно цветочных магазинов. Артур показывал продавцам фотографию с объявления Уэйна, но никто не смог вспомнить каких-то особенных покупателей в те дни, когда произошли эти убийства. Впрочем, ничего удивительного. Стояло лето, и орхидеи сотнями покупали для танцевальных вечеринок богатеев — самодовольных, совершенно оторванных от жизни тех, кто жил на улице или в заброшенных домах или умирал, сжимая в руке цветок.

Каждый день Артур поддерживал контакт с Миллером в надежде получить от него новые сведения. Город тем временем, затаив дыхание, ждал очередного убийства. От Миллера Артур узнал, что последняя жертва, подобно всем предыдущим, получила орхидею утром, в день своей смерти. Кто-то оставил цветок на крыльце дома Луи Мея, а спустя двенадцать часов молодой человек был найден мертвым.

С чашкой кофе в руке Артур размышлял над этим обещанием смерти, доставленным прямо к порогу. Вернувшись к себе в комнату, он приготовился сесть за заваленный бумагами стол.

Но что это? На клавиатуре пишущей машинки лежал белый цветок. Орхидея Brassocattleya.

* * *

— Послушайте, мистер Крейн, — успокоил его Миллер. — Могу представить себе, как вы напуганы, но мои коллеги считают, что это рекламный трюк. Так сказать, способ увеличить тираж вашей газеты.

Артур растерянно посмотрел через плечо Миллера на переполненное помещение полицейского участка. Он пришел сюда сразу после того, как обнаружил у себя дома орхидею. В данный момент та лежала перед ним на поцарапанной металлический столешнице.

— Неужели вы думаете, что...

Миллер не дал ему договорить, вскинув мясистую руку.

— Нет. Я всецело вам доверяю, однако ничем не могу вам помочь. Мои руки связаны.

Сердце Артура упало. Он уже несколько часов пытался взять полицию измором, надеясь хотя бы на некое подобие защиты, но никто не воспринимал его слова всерьез.

— А что, если я останусь в полицейском участке? На целые сутки?

— Я не могу вам это позволить. — На веснушчатом лице Миллера читалась тревога, но его подбородок сохранял обычную твердость. Сдаваться он не собирался.

— Тогда арестуйте меня.

Миллер рассмеялся ему в лицо.

— На каком основании? За что?

Кулак Артура врезался прямо в его веснушчатый нос.

* * *

Лишь через три дня редакция «Таймс» смогла добиться, чтобы Артура Крейна выпустили под залог. Между

тем орхидею получила четвертая жертва — и встретила свою смерть. Новое убийство еще больше убедило полицию в том, что британский журналист либо солгал, сказав об орхидее, либо кто-то сыграл с ним жестокую шутку.

Артур был уверен, что это не так.

И все же, что это значит? Неужели убийца прошел мимо? Или же он не торопится, отложив свое черное дело на какое-то время?

Не имея ответов на эти вопросы, Артур не спешил возвращаться домой и провел свою первую ночь свободы в круглосуточной закусочной. Захватив с собой гигантскую стопку бумаг, он всю ночь просидел, составляя план будущей книги об этих загадочных убийствах. Два года назад вышла книга Трумена Кэпота «Хладнокровное убийство». Помнится, тогда повествование от лица убийц произвело на него неизгладимое впечатление. Может, и ему создать нечто подобное? Вдруг у него получится прояснить обстоятельства этих смертей, проникнуть в душу убийцы, а потом бесстрастно изложить все это на страницах будущей книги...

Сидя за угловым столиком закусочной, откуда были хорошо видны все выходы, Артур жевал уже третий кусок яблочного пирога, запивая его бог весть какой по счету чашкой кофе. Игнорируя косые взгляды официантки, он, не вставая из-за стола, просидел в закусочной целую ночь.

Постепенно небо сделалось жемчужно-серым, и Артур понял, что пора уходить. Он не может навеки поселиться в этой закусочной. Журналист собрал свои бумаги, оставил официантке щедрые чаевые и поплелся к себе домой, на ходу потирая воспаленные от бессонницы глаза. Прищурившись, посмотрел, как над заброшенным домом с забитым досками фасадом поднимается солнце. Пятиэтажное здание давно стало пристанищем сквоттеров. Полиция регулярно проводила здесь облавы. Незваных

жильцов выселяли, но проходило какое-то время, и дом обретал новых.

Проходя мимо, он машинально взвесил на руке стопку бумаг. Черт, а ведь из этих историй может получиться отличная книга! Мрачная, увлекательная, основательная. Благодаря ей он тотчас сделает себе имя.

В нескольких метрах от него из дверного проема заброшенного магазина, старясь держаться в тени, отделилась чья-то фигура. Хотя человек этот был едва различим в утренних сумерках, Артур узнал его и, не веря своим глазам, застыл на месте.

— Кристиан?..

Прежде чем он успел сообразить, что происходит, брат набросился на него и сжал в объятиях, одновременно дружеских и угрожающих. Его пальцы больно впились Артуру в плечо и локоть.

Артур ахнул и попытался высвободиться, но это было сродни попытке согнуть железо. От боли он выронил сумку с бумагами.

— Пойдем со мной! — шепнул ему на ухо Кристиан.

Его дыхание было каким-то ледяным, от него веяло сырым мясом и гнилью. Тон был скорее требовательным, нежели дружеским. Не дожидаясь ответа, Кристиан поволок его за собой, как мать, которая тянет по улице упирающегося ребенка.

Вскоре они шагнули в дверной проем и по шаткой лестнице поднялись в комнату наверху. Взгляду Артура предстал пол, заваленный мусором и каким-то хламом. Вдоль стен грязные, дырявые одеяла, оставленные прежними обитателями. Единственным островком порядка среди этого океана хаоса был стоявший посредине комнаты дубовый стол с отполированной до блеска столешницей, крайне неуместный в этом жалком пространстве.

А еще запах.

Сквозь отвратительные миазмы пота, гниющих отбросов и мочи пробивался сладковатый аромат жимолости и гардении. Запах этот исходил от белых орхидей Brassocattleya.

Если у Артура и были сомнения в причастности брата к недавним убийствам, то при виде цветов они окончательно развеялись. Стол был похож на святилище или алтарь некоего злобного божества.

Артур тщетно попытался высвободиться из железной хватки брата. Несмотря на все усилия, Кристиан прижал его к стене, бесцеремонно и сильно. Теперь на плече наверняка остался синяк. Опасаясь за свою жизнь, Артур решил воспользоваться единственным имевшимся у него оружием, тем самым, что когда-то развело братьев в разные стороны.

Оружием этим было слово.

Но что он мог сейчас сказать?

В ужасе от того, что предстало перед его взглядом, Артур посмотрел на брата. Внешне Кристиан ничуть не изменился, и вместе с тем его было трудно узнать. Лицо и осанка остались прежними, но двигался он со скоростью и силой, неподвластной разуму. Но, что страшнее всего, его некогда улыбчивое лицо сменилось маской жестокости. Глаза, некогда светлые и радостные, теперь сверкали злобой.

Артур решил, что все это последствия употребления наркотиков. Он вспомнил безумца в церкви, вспомнил прочитанные им ужасные истории о наркоманах, принимавших новый препарат под названием фенилциклидин, или «ангельская пыль». Наркотик появился в районе Хейт-Эшбери всего год назад.

Неужели в этом следует искать объяснение?

— Ты должен начать новую жизнь, — попытался убедить брата Артур. — Я в состоянии помочь тебе. Помогу вылечиться.

— Вылечиться? — Кристиан скривил губы в презрительной гримасе и рассмеялся мерзким смехом, нисколько не похожим на его прежний.

Изменив тактику, Артур попытался воззвать к их общему прошлому, заставить брата вспомнить, каким он был раньше.

— Орхидея Brassocattleya, — сказал он, кивком указав на стол. — Их так любила выращивать мама.

— Они предназначались тебе, — сказал Кристиан.

— Орхидеи?

— Убийства, — недобро оскалился брат. — Орхидеи нужны были лишь затем, чтобы ты приехал ко мне в Сан-Франциско. Я знал, что ты работаешь на «Таймс», и надеялся с их помощью заманить тебя сюда. Вот я и начал с того певца из Лондона.

Артур представил себе лицо Джеки Джейка и похолодел от ужаса. Получается, что он сам косвенно виновен в убийстве певца.

— Ты прибыл раньше, чем я ожидал, — признался Кристиан. — Я надеялся оставить более длинный след приглашений, прежде чем развлечь тебя здесь.

— Теперь я здесь. — Плечо Артура ужасно ныло, отдаваясь болью даже в зубы. — Что бы ни было между нами, мы можем загладить былые обиды.

Кристиан поднял руку и повернул ее к брату, чтобы стал виден тонкий шрам на запястье. У Артура на запястье был точно такой же.

— Верно, — согласился он. — Мы же братья по крови.

— Навсегда... — В голосе Кристиана прозвучал неподдельная грусть.

Артур надеялся, что это знак того, что Кристиан наконец вынырнул из темной, свинцовой бездны, в которую его погрузили наркотики.

— Мы можем снова стать братьями.

— Но только по крови, — произнес Кристиан, холодно глядя ему в глаза. — Разве не так?

Не успел Артур ему что-то ответить, как брат толкнул его и, когда Артур полетел на пол, набросился на него и уселся ему на грудь. Бледное лицо Кристиана зависло над ним всего в нескольких дюймах. Глаза брата читали его мысли, как книгу.

Артур попытался сбросить его с себя, но не смог.

Кристиан пригнулся ближе, как будто собираясь поцеловать брата. Щек Артура коснулось его холодное дыхание. Затем большим пальцем он приподнял ему подбородок, открывая горло.

Артуру вспомнились фотографии из морга: у всех жертв Кристиана было распорото горло.

Нет...

Он снова попытался высвободиться, столкнуть с себя брата. Увы, его усилия были тщетны. Острые зубы вонзились ему в шею.

Его крик захлебнулся в хлынувшей крови.

Он сопротивлялся, как мог: боролся, отбивался, кричал, но через считаные секунды борьба отобрала у него последние силы. Теперь он лежал, чувствуя, как на его израненное тело накатывают волны боли и невиданного ранее блаженства, и с каждым затухающим ударом сердца оно возносило его ввысь. Конечности сделались тяжелыми, как будто налитыми свинцом, глаза сомкнулись. Он стремительно слабел, возможно, умирал, но ему было все равно.

В эти жуткие мгновения он понял, что это за связь, которую люди ищут в любви, наркотиках и религии. Теперь он обрел ее. С Кристианом...

Все правильно.

Но уже в следующий миг их единение было грубо оборвано, как будто отсечено холодным лезвием.

Артур открыл глаза и увидел, что брат смотрит на него сверху вниз и с его подбородка капает кровь.

В глазах Кристиана Артур прочитал ужас... и сожаление, как будто кровь одержала победу там, где оказались бессильны его слова. Кристиан положил холодную, как лед, руку на горло брата, как будто надеялся этим прикосновением остановить бившую оттуда кровь.

— Слишком поздно, — прохрипел Артур.

Кристиан прижал руку еще крепче. В его глазах собрались слезы.

— Прости. Прости. Прости...

Брат смотрел на него так, как будто боролся с вселившимся в него зверем. Артур видел, как трепещут его ноздри, как будто брат принюхивается к запаху свежей крови.

От этого страстного желания Кристиан застонал, но Артур услышал и сдавленный голос внутренней борьбы.

Боже, как он хотел в этот миг помочь Кристиану, забрать его боль, избавить от мучительного поединка с самим собой.

Он не стеснялся своих чувств, и его взгляд был полон братской любви.

По щеке Кристиана скатилась слеза.

— Я не могу... только не тебя...

Подхватив Артура обеими руками, он подтянул его к окну и вышвырнул на улицу. Вылетая вместе с каскадом осколков стекла, Артур успел оглянуться и заметить, как брат отпрянул от окна обратно в тень и навсегда исчез, как будто растворился в темноте.

В следующий миг Артур больно ударился о мостовую.

Хотя было еще светло, темнота приняла его в свои объятия. Но за миг до того, как погрузиться во тьму, он успел увидеть орхидею. Она упала на асфальт рядом с его головой и теперь плавала в луже крови — его крови. Артур уловил ее сладкий аромат. Последний аромат, который ему было дано почувствовать в этой жизни.

Его мать наверняка была бы счастлива.

* * *

Спустя неведомое ему число дней Артур очнулся от боли. Он лежал на койке, больничной койке. Потребовалось несколько вдохов-выдохов, чтобы понять, что его ноги в гипсе и поставлены на вытяжку. А каких адских трудов стоило просто повернуть голову! В окно проникал слабый дневной свет.

— Вижу, что вы не спите, — раздался рядом знакомый голос.

По другую сторону койки сидел Миллер. Полицейский протянул руку к столу и, взяв стакан воды с соломинкой, вставил ее ему между губ. Артур не сопротивлялся. Более того, он выпил всю теплую воду, опустошив стакан до дна.

Утолив жажду, Артур откинулся на подушку. Даже такая простая вещь, как питье, отняла немало сил. И все же от его внимания не ускользнул синяк под глазом у Миллера, оставленный его собственным кулаком.

Полицейский как будто угадал его мысль и потрогал больное место.

— Извините, мистер Крейн, что мы не отнеслись к вам более серьезно.

— Я тоже приношу извинения, — прохрипел Артур.

— Я должен вас кое о чем спросить... Вы узнали человека, который напал на вас?

Артур закрыл глаза. По правде говоря, он не знал, что за существо напало на него, зато узнал того, кто вышвырнул его на солнечный свет, вырвав из кровавых объятий жуткого монстра. Да, его жизнь спас Кристиан. Неужели он теперь его выдаст?

— Мистер Крейн!

Артур представил лицо Джека Джейка и окровавленное человеческое тело на мостовой. Даже если он простит Кристиану, что тот напал на него, нельзя допустить, чтобы чудовище, поселившееся в душе брата, и далее безнаказанно отнимало человеческие жизни.

Артур открыл глаза и заговорил. И говорил до тех пор, пока его не сморил сон.

Когда он проснулся, была ночь. Его терзала страшная жажда, а ноги все так же возвышались перед ним, словно некая причудливая скульптура.

Откуда-то слева доносилось тихое бормотание, — по всей видимости, от поста медсестры. Крейн потянулся было за колокольчиком...

Он был на улице и видел окружающее пространство чужими глазами. Впереди маячила высокая кирпичная башня. Церковь. Посередине башни — дверь, из которой на темные ступени крыльца струится свет.

Рыдая, он с нечеловеческой скоростью устремился к свету. Рядом с ним стоял гул транспорта, где-то вдали взвыла автомобильная сирена. Но все это было абсолютно неважно. Он должен непременно добраться до башни. Должен войти в ту самую дверь.

Когда же он приблизился к церкви, на ступенях возникла человеческая фигура, словно омытая струившимся изнутри теплым светом. Священник. Хотя их разделяло изрядное расстояние, до слуха Артура донесся голос святого отца:

— Это священная земля. Знай, она враждебна живущему внутри тебя проклятию. Если ты войдешь внутрь, у тебя будет только один выбор. Вступить в наши ряды или умереть.

Слова странного священника обернулись правдой. С каждым шагом его силы стремительно убывали, как если бы сама земля высасывала из него жизненную энергию. Его ногам сделалось горячо. Какое-то мгновение это было даже приятно, потому что он страшно замерз. Однако вскоре жар этот сделался невыносимым.

И все же Артур не остановился. Он с великим трудом передвигал тяжелые, как свинец, ноги, отчаянно борясь

с жаром и слабостью. Он непременно должен дойти до этой двери и до священника. От этого зависит все.

Артур был уже близко к храму и мог различить позеленевший от времени готический рисунок, выгравированный на меди высоких дверей. Разглядел он и белый воротничок католического священника, полотняный, а не современный, пластмассовый. Шатаясь от слабости, Артур подошел к святому отцу. Внутренний голос подсказывал ему, что священник такой же, как и он — проклятый, но противостоящий проклятию.

Но как?

Священник сделал шаг назад, приглашая его войти внутрь. Артур упал на порог и вполз в огромный неф. По обе стороны от него высились колонны и арки. Впереди — алтарь с зажженными свечами.

Стоя на коленях, Артур горел в обретенной здесь святости. В его теле бушевало пламя.

— Добро пожаловать, Кристиан, — произнес за его спиной священник.

Артур забился в постели. Тело по-прежнему изнутри пылало огнем. Одна из веревок, удерживавших на весу его ногу, оборвалась. Его тотчас пронзила новая боль, вытеснившая огонь из его сна.

В палату влетела сиделка в белой шапочке. Через несколько секунд Артур почувствовал, как в руку ему впилась игла шприца, и он погрузился в блаженную темноту.

Через несколько дней он проснулся снова. Голова была ясной; правда, во всем теле ощущалась страшная слабость. Медсестры пытались убедить его, что образ огня, опалившего его в храме, был побочным действием морфия или горячечного сна. Артур не поверил ни в то, ни в другое. Зато он мысленно повторял последние слова, звучавшие в его сознании — слова, что навечно врезались в его память.

Добро пожаловать, Кристиан!

И все же Артур знал: пусть на короткое, мучительное мгновение, между ним и братом возникла некая связь, своего рода дар, родившийся из крови, которой они обменялись.

Ему вспомнилось описание святого отца, который, по словам Уэйна, искал Кристиана. Неужели это тот самый священник? Неужели это он предлагал брату некую формулу спасения, путь, которым тот все еще может следовать? Или это был лишь горячечный бред, «плохой улёт», как выражается сейчас молодежь Сан-Франциско?

Так или иначе, Артур медленно шел на поправку. Оставаясь все время в постели, он часами диктовал свою новую книгу помощнице, нанятой для него газетой. Ее имя было Марни, и он вскоре, как только встал на ноги, женился на ней.

После нападения на Артура убийства прекратились, однако интерес к ним публики не остывал. Спустя год его книга «Убийца с орхидеей» стала международным бестселлером. Артур разрешил загадку для всего остального мира, пусть даже полиция так и не арестовала Кристиана.

Его брат просто исчез с лица земли. Большинство людей считали, что он мертв или предположительно свел счеты с жизнью. Но Артур никогда не забывал свой сон, в котором он на коленях заползал в церковь, чтобы сгореть, осененным ее святостью.

Он продолжал цепляться за надежду, что Кристиан жив. Но если это так, то кто же тогда выжил в церкви? Его брат или тот монстр?

Наше время, лето
Сан-Франциско, Калифорния

Солнце медленно опускалось за горизонт. Артур поднес орхидею к лицу и вдохнул ее аромат. Прикосновение лепестков нежно щекотало кожу. Затем он отнес цветок

в кабинет. Здесь на полках теснились ряды книг, а дубовый письменный стол был завален бумагами.

За годы после исчезновения Кристиана Артур большую часть времени проводил в путешествиях: писал репортажи, отслеживал слухи о жестоких убийствах и загадочных культах. И все это время он пытался отыскать брата или по крайней мере понять, что с ним случилось. Марни разделяла его страсть, пока полгода назад смерть не унесла ее в могилу. Теперь Артур хотел лишь одного: закончить работу и раз и навсегда поставить точку. На всем сразу.

Он не сомневался, что развязка близка.

Несколько лет назад до Артура дошли слухи о тайном ордене, свившем гнездо в недрах католической церкви, вернее, уходящем корнями в глубь веков. Кровавом культе Ордена сангвинистов.

Артур подошел к столу и вырвал лист из потрепанной записной книжки. К странице был приклеен фотоснимок. Некий аноним прислал его Артуру два года назад, сопроводив короткой запиской, намекавшей на важность этого фото. Это было «Воскрешение Лазаря» работы Рембрандта. Художник изобразил Христа, воскрешающего мертвеца. Поля страницы пестрели пометками: это были его бесчисленные вопросы о загадочном ордене и окружавших его домыслах.

Он выпустил листок из рук, вспомнив сон про пылающий в церкви огонь.

Неужели брат когда-то вступил в этот тайный орден?

Артур посмотрел на орхидею. *Если это так, то зачем приходить за мною, Кристиан?*

Ему казалось, что он знал причину. Догадка таилась в аккуратной стопке бумаг на столе. За несколько десятилетий Артур собрал внушительную и, на его взгляд, достоверную информацию о тайном Ордене сангвинистов, пустившем корни в лоне католической церкви. Сегодня вечером к нему должен был прийти его осведомитель —

представитель группировки, известной как «Велиал», и принести последнее доказательство, этакую информационную «бомбу», которая больше не позволит скрывать от людей правду.

Артур оторвал от орхидеи нежный лепесток. В цветке он видел угрозу, предупреждение, попытку заставить его молчать.

Но Артура было не запугать. День тянулся дальше, и он несколько раз подряд пытался связаться со своим источником из «Велиала» — человеком по имени Симеон, чтобы сдвинуть их встречу на более ранний час, но так и не дозвонился. К середине дня Артур уже подумывал о том, чтобы бежать, однако тотчас понял бессмысленность этой затеи. Ведь куда ему спрятаться? Слишком глубоко он втянут в эту историю

К тому же после смерти Марни им завладела необъяснимая дерзость. Ему было все равно.

В ожидании вечера Артур заказал в итальянском ресторане свое любимое блюдо, которое дополнил бутылкой прекрасного «Пино нуар». Он не видел причин отказывать себе в удовольствиях. Если это его последний ужин, почему бы не насладиться им сполна? Он съел его в кухне, глядя, как за мостом Золотые Ворота небо постепенно окрашивается в оранжевый цвет.

Наконец в дверь постучали.

Артур подошел к двери и заглянул в глазок. С той стороны на площадке стоял мужчина, одетый в синий матросский костюм. Его лицо и коротко стриженные волосы были Артуру знакомы по фотографии, которую ему показали в одном из берлинских баров. Симеон.

Артур открыл дверь.

— Мистер Крейн? — Голос мужчины был хриплым, и в нем явственно слышался славянский акцент, хотя Артур и затруднялся сказать, какой именно. Может быть, чешский?

— Да, — сказал он, отступая в сторону. — Входите поскорее. Оставаться снаружи небезопасно.

В ответ на эти слова мужчина улыбнулся. Похоже, предостережение Артура его позабавило. С другой стороны, откуда ему было знать про Кристиана и орхидею?

Гость вошел. Артур на всякий случай выглянул на площадку и посмотрел на лестницу, что вела вниз, к старому викторианскому крыльцу. Стояла солнечная погода, и все же по спине Артура пробежал холодок, а тонкие волоски на затылке встали дыбом, как будто он кожей ощутил грозящую ему опасность. Затем быстро нырнул вслед за Симеоном внутрь и, захлопнув за собой дверь, задвинул засов.

Симеон ждал его в прихожей.

— Пройдем ко мне в кабинет, — предложил Артур и повел за собой гостя.

Симеон проследовал за ним. Войдя, он шагнул к письменному столу и огляделся по сторонам. Его взгляд упал на испещренную заметками страницу с репродукцией «Воскрешения Лазаря». Симеон жестом указал на картинку.

— Вижу, вы уже ознакомились с кровавым происхождением сангвинистов, — сказал он. — Этот Лазарь был первым из них.

— Я слышал массу самых невероятных домыслов, — сказал Артур. — Историй о монстрах и ночных созданиях. Одна невероятней другой. Подозреваю, все они призваны отпугнуть любопытных от правды.

Артур выразительно посмотрел на Симеона в надежде услышать из его уст правду.

Вместо этого гость потрогал лицо Христа — потрогал удивительно длинным ногтем.

— О сангвинистах говорят много такого, во что с трудом верится.

Артур не знал, что на это сказать, и потому промолчал.

Симеон провел ногтем по странице.

— Покажите мне, что вам уже известно.

Артур протянул ему папку с рукописью, над которой работал. Страницы были испещрены пометками, куда, в какое место следует вставить тот или иной документ и картинку.

Симеон быстро пробежал глазами страницы — слишком быстро, чтобы успеть хотя бы что-то прочесть.

— Скажите, вы это кому-то показывали?

— Пока никому.

Симеон впервые посмотрел ему в глаза. Его собственные были темно-карими, с густыми ресницами — красивые глаза. Но больше всего Артура поразил их немигающий взгляд. От этого взгляда у него тотчас зашевелились волоски на руках. Он отшатнулся от Симеона, неожиданно поняв: то чувство опасности, которое он ощутил несколько минут назад, исходило от этого человека, а отнюдь не от того, кто мог прятаться где-то на лестнице.

— Ты близок к правде, — сказал Симеон, более не скрывая угрозы в голосе. Он как будто даже сделался выше ростом. — Гораздо ближе, чем ты можешь догадываться. Слишком близко, чтобы мы могли оставить все так, как есть.

Артур сделал еще один шаг назад.

— «Велиал»...

— Сангвинисты бросают нам вызов на каждом шагу, но об этой войне никто не должен знать, — сказал Симеон, неумолимо надвигаясь на него. — Наша тьма не выносит света.

Внезапно за окном проехал мотоцикл. Треск мотора отвлек Артура. Он повернул голову, и в следующий миг Симеон уже набросился на него.

Артур рухнул на пол. Симеон навалился на него сверху. Артур отбивался, но его противник был наделен чудовищной силой. С такой он за всю свою жизнь столкнулся лишь однажды, когда Кристиан едва не убил его.

— Ты хотел правды, — прохрипел Симеон. — Так получи ее!

Губы Симеона растянулись в оскале, обнажив невероятно длинные, острые зубы. Артур невольно вспомнил Кристиана. Вспомнил то, что пытался не вспоминать, что держал на задворках сознания. Держал до сих пор.

Этот мир полон монстров.

Он удвоил усилия, хотя и понимал, что минуты его сочтены.

Внезапно в спальне раздался треск деревянных рам и звон разбитого стекла, как будто там взорвалось окно. Увы, он был на третьем этаже...

Артур обернулся. В следующий миг в комнату влетела черная тень и набросилась на монстра. Задыхаясь, Артур на четвереньках отполз прочь, пока не уперся спиной в холодный камин.

Тем временем в небольшой комнате разыгралось настоящее сражение. Впрочем, уследить за тем, кто с кем бился, было невозможно: противоборствующие стороны слились в одно размытое пятно, посреди которого, подобно молниям среди грозовых туч, мелькали серебряные вспышки. Затем сражение переместилось на его письменный стол и далее к книжным полкам. Раздался грохот — это на пол полетели десятки книг. Через секунду грохот битвы перекрыл оглушительный нечеловеческий крик, полный крови и ярости.

А спустя еще секунду, словно мяч по деревянному полу, покатилась, разбрызгивая кровь, чья-то голова. Голова Симеона.

Затем из-за стола показалась тень и, стряхнув с себя темноту, явила взору черную кожаную байкерскую куртку, под которой виднелся белый воротничок католического священника. Незнакомец шагнул из-за стола. Его бледное лицо было все в царапинах, из которых сочилась кровь. В руках он держал по короткому мечу. Их лезвия

блестели подобно жидкому серебру. Оба клинка были все в той же черной крови, что и золотистые доски пола.

И что было уже совсем невозможно, незнакомец улыбнулся ему и засунул мечи назад в ножны. Странно, но в его зеленых глазах Артур заметил знакомый лукавый блеск.

— Кристиан?..

Отбросив страх, Артур посмотрел на брата. Хотя прошло уже сорок лет, Кристиан почти не изменился. По сравнению с морщинистым лицом Артура его лицо было гладким, почти мальчишеским.

— Но как? — спросил Артур у того, кто стоял перед ним.

В ответ Кристиан лишь улыбнулся еще шире, подошел к нему и протянул руку.

Артур сжал бледные пальцы брата — твердые и холодные, словно высеченные из мрамора. Кристиан помог ему подняться на ноги. При этом Артур заметил на его запястье старый шрам — такой, как и его собственный. Хотя в это верилось с трудом, перед ним действительно был Кристиан.

— Он тебя ранил? — спросил брат.

Артур не сразу покачал головой. Как ответить на такой вопрос, когда жизнь всего за один миг изменилась до неузнаваемости?

Кристиан отвел его назад в кухню, к столу, на котором все еще стояли остатки последнего ужина. Усадив Артура на стул, он взял со стола пустую бутылку «Пино нуар».

— Отменное вино, — сказал он, понюхав горлышко. — Чувствуются нотки дуба и табака.

Наконец к Артуру вернулся дар речи.

— Ты... ты чем занимаешься?

Кристиан лукаво выгнул бровь. Боже, как хорошо был Артуру знаком этот взгляд! Он как будто переместился сюда из их юности вместе с чертами лица.

— Ты сам это отлично знаешь, Артур. Главное — смирись с этим.

Он потянулся к ноге и отстегнул кожаную фляжку, украшенную папской печатью — скрещенными ключами и короной. Взяв со стола пустой бокал, наполнил его из фляжки и протянул брату.

Артур с подозрением посмотрел на бокал.

— Вино?

— Освященное вино, — поправил его Кристиан. — Превращенное святым таинством в кровь Христа. Это то, что я дал обет пить. То, что поддерживает меня, моих братьев и сестер.

— Орден сангвинистов.

— Кровь Христа позволяет нам ходить среди бела дня и сражаться с теми, что затаились в темных уголках мира.

— Как, например, воинство Велиала... — Артур вспомнил острые зубы Симеона.

— Они не одни.

Кристиан нашел на кухне еще один бокал, наполнил его вином из фляжки и сел рядом с братом за стол.

Артур сделал глоток из своего бокала. На вкус — обыкновенное вино. Никогда не заподозришь хранимое им чудо. Но на какой-то миг он принял правду.

Кристиан сначала пригубил вино, затем сделал жадный глоток из своего бокала и воздел его над головой.

— Теперь мы с тобой снова кровные братья.

Ответом на его слова стала робкая улыбка Артура.

Кристиан потянулся и чокнулся с ним бокалами.

— За тебя, мой неутомимый, упорный брат. Я и раньше говорил тебе, что из тебя выйдет отличный журналист.

— Тебе известно, что я обнаружил?

— Я наблюдал за тобой все эти годы, не выпускал из поля зрения. Но своими действиями ты разворошил осиное гнездо. А ведь есть те — включая и кое-кого из моих собратьев, — кто жить не может без тайн.

Артур тотчас вспомнил слова Симеона о воинстве Велиала.

Наша тьма избегает света. Похоже, что сангвинисты также нуждались в тени.

— За твое спасение, — сказал Кристиан. — Я пытался тебя предупредить.

Артур все еще ощущал слабый запах гардений.

— Орхидея?

— Я был вынужден соблюдать осторожность, используя те средства связи, которые поймешь только ты. Я надеялся, что ты сам прекратишь свое расследование, но, как видно, зря. Когда я понял, что ты не отступишься, я не мог допустить, чтобы кто-то причинил тебе вред.

— Ты спас мне жизнь.

Кристиан на мгновение задумался.

— Зато ты спас мою душу.

Артур нахмурился.

— Это все твоя любовь, — счел нужным пояснить Кристиан. — Наша братская привязанность друг к другу в конце концов заставила меня отыскать сангвинистов и то, что они могли мне предложить, — путь служения Господу и искупление грехов.

Артуру тотчас вспомнилась пылающая церковь и священник в дверном проеме. Кристиан снова улыбнулся и выпрямил спину.

— Итак, я спас тебе жизнь, а ты спас мою душу. Считай, что мы квиты.

Но у Артура нашлись и другие вопросы. На одни он получил ответы, на другие — нет. В конце концов он был вынужден смириться. Что поделаешь, если кто-то обожает секреты и тайны?

Наконец Кристиан встал.

— Мне пора. Советую тебе на пару дней перебраться в отель. Я кого-нибудь пришлю — из тех, кому я доверяю, — чтобы он починил твое окно и все хорошенько тут убрал.

Иными словами, избавился от тела. Артур проводил брата до двери.

— Увижу ли я тебя снова?

— Это запрещено, — ответил Кристиан, и его глаза наполнились печалью и сожалением. — По идее, меня сейчас здесь не должно быть.

Артура пронзила боль, грозившая разбить его далеко не молодое сердце.

Кристина обнял его — нежно, но крепко.

— Я всегда буду с тобой, брат, — он разомкнул объятия и положил ладонь ему на грудь. — Вот здесь.

Артур заметил, что под ладонью у него что-то есть. Нечто такое, что брат прижимает к его груди. Кристиан убрал руку, и на пол полетел небольшой квадратик плотной бумаги. Артур нагнулся и подхватил его кончиками пальцев.

Когда же он выпрямился, то увидел, что дверь открыта, но Кристиана нигде нет. Он вышел в коридор, но и здесь не было ни души. Тогда он посмотрел на квадратик плотной бумаги у себя на ладони. Прощальный подарок брата.

Это было черно-белое фото, слегка пожелтевшее, с помятыми уголками. На заднем плане виднелось окно с капельками дождя, а на переднем в объектив скорбно смотрели два юноши. Кристиан поднял камеру высоко, Артур прильнул к нему — два брата, связанные одной кровью, чтобы никогда не расставаться.

Кристиан все эти годы носил этот снимок с собой. Теперь он принадлежал Артуру. Отныне и навсегда.

ЭПИЛОГ

Так заканчивается история двух братьев, навсегда связанных одной кровью, хотя каждый пошел по жизни своей тропой, чтобы глубже проникнуть в тайны Ордена сангвинистов. Следите за приключениями Кристиана[1], когда он снова будет призван исполнить свой долг — выследить ангела, явившегося на землю во плоти, — в эпическом полотне, полном ужасов и прозрений, под названием «Невинные».

[1] В романе «Невинные» Кристиана зовут Христиан.

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «НЕВИННЫЕ»

Вот, Бог принял вашу жертву от рук священников, то есть служителей заблуждения.

Евангелие от Иуды 5:15

Лето 1099 года от Рождества Христова
Иерусалим

Крики умирающих устремлялись к жгучему пустынному солнцу. Костлявые пальцы Бернарда сжимали висевший на шее крест. Прикосновение благословенного серебра обожгло его мозолистую ладонь, оставило на его проклятой плоти печать. Не замечая запаха обожженной кожи, он еще сильнее сжал крест, принимая боль. Ибо боль эта имела цель — служение Господу.

Вокруг него солдаты-пехотинцы и конные рыцари входили в Иерусалим, несомые вперед волной крови. В течение последних месяцев крестоносцы мечом прокладывали себе путь по враждебной земле. Девять из каждых десяти так и не дошли до Священного Града: кто-то пал в сражениях, кто-то стал жертвой безжалостной пустыни и дурных болезней. Те, кому повезло остаться в живых, увидев перед собой Иерусалим, плакали, не стесняясь слез. Нет, не напрасно была пролита кровь, ибо граду вновь сужде-

но стать христианским, а победа была отмечена гибелью тысяч неверных.

Бернард прошептал короткую молитву за успокоение павших. На большее времени не было.

Встав рядом с конной повозкой, он пониже натянул на глаза капюшон, спасая под ним от палящего солнца седые волосы и бледное лицо. Затем взял под уздцы жеребца и погладил его теплую шею, слыша ухом и чувствуя пальцами, как учащенно стучит сердце животного, разгоняя по жилам ужас, который каплями пота блестел на круглых боках.

И все же в конце концов конь сделал шаг вперед, увлекая за собой по пропитанным кровью камням мостовой деревянную повозку. На повозке стояла железная клетка, едва вмещавшая сидевшего в ней пленника. Сверху клетка была обтянута лоскутами кожи, пряча того, кто сидел внутри. Но Бернард знал, кто это. Как знал и конь, который испуганно прядал ушами и тряс нечесаной черной гривой.

Шагая плотной фалангой впереди него, темные братья Бернарда, рыцари Ордена сангвинистов, прокладывали себе путь по улицам города. Все они до одного ставили эту священную миссию выше собственной жизни, сражаясь с яростью и напором, которыми не мог похвастать ни один смертный.

Один из его братьев, с мечом в руке, подпрыгнул высоко в воздух, демонстрируя свою нечеловеческую натуру не только блеском мелькнувшей в воздухе стали, но и оскалом острых зубов. Когда-то все они были нечистыми животными — как то, что сидело сейчас, заключенное в железную клетку, — лишенные душ и брошенные до тех пор, пока Христос не открыл им путь назад, к спасению. Каждый дал клятву убить в себе жажду человеческой крови — но лишь отведав священной крови Христа — благословения, которое позволяло им ходить наполовину в тени,

наполовину на солнце, балансируя с мечом в руке между проклятием и благодатью.

Присягнувшие Церкви, они теперь служили Господу как воины и священники. Именно эти обязанности и привели Бернарда и его рыцарей к воротам Иерусалима.

Деревянная клетка катила вперед, прокладывая себе путь среди криков и кровопролития. Сердце Бернарда наполнял страх: ему казалось, что колеса повозки крутятся слишком медленно.

Нужно поторопиться...

И все же его сжигала изнутри другая потребность. Он шагал вперед, а вокруг него со стен капала кровь, под ногами бежали кровавые реки. Он ощущал ее на своих губах. Соленый, железистый привкус кружил ему голову, проникал до самых костей. Он облизывал сухие, запекшиеся губы, как будто пытался отведать запретную пищу.

Он не единственный, кто сейчас страдал.

Почуяв кровь, зверь в клетке взвыл. Его крики взывали к тому же монстру, что затаился внутри Бернарда. С той лишь разницей, что его монстр не был заточен в клетку, а удерживался на месте обетом и благословением. И все равно в ответ на этот вопль животного голода зубы Бернарда вытянулись и заострились, а жажда вспыхнула с новой силой.

Услышав эти крики, его братья еще быстрее устремились вперед, как будто спасались бегством от самих себя.

Чего нельзя было сказать о лошади. Стоило монстру взвыть, как жеребец замер на месте. Что ж, его можно понять.

Того, кто сейчас сидел в клетке, Бернард поймал десять месяцев назад во Франции, в Авиньоне. Эти проклятые создания были уже много веков известны под разными именами. Будучи когда-то людьми, теперь они населяли темные, уединенные места, питаясь кровью людей и животных.

Как только Бернард заточил монстра в клетку, он обмотал ее несколькими слоями обрывков толстой кожи, чтобы в нее не проник даже лучик света. Это также защищало зверя от палящего дневного солнца. Впрочем, такая защита имела свою цену. Бернард держал его на голодном пайке, давая попить крови лишь затем, чтобы зверь не умер с голоду, но никогда не насытился.

Этот голод сегодня послужит Господу.

Их цель была уже мучительно близка, и Бернард снова попытался сдвинуть лошадь с места. Он поглаживал потный нос коня, но тот не желал успокаиваться, дергался и мотал головой, пытаясь избавиться от поводьев.

Сангвинисты вокруг Бернарда исполняли знакомую ему пляску смерти. Крики умирающих эхом отскакивали от холодных, бездушных стен. Зверь внутри клетки исступленно метался. Словно по барабану, бил по кожаной обмотке, кричал, требуя, чтобы его выпустили на волю, чтобы дали наконец досыта напиться крови.

Лошадь ржала и испуганно мотала головой.

Теперь от ближайших улиц и переулков валили клубы дыма. Ноздри щекотал запах паленой шерсти и плоти. Это крестоносцы подожгли некоторые части города. Бернард опасался, что они могут уничтожить ту часть Иерусалима, в которую он пытался пробиться, — ту его часть, где можно найти священное оружие.

Понимая, что от лошади теперь толку мало, Бернард обнажил меч и несколькими ловкими движениями обрубил сбрую. Жеребец моментально почувствовал свободу. Рванув вперед, он сбил с ног одного сангвиниста и галопом понесся через горы окровавленных тел.

Давай, беги, пожелал ему Бернард.

Зная, что ни один из его братьев не оставит сражения, он шагнул к задней части повозки. Последние шаги он должен проделать один.

Как Христос, когда тот тащил на себе крест.

Сунув меч в ножны, Бернард навалился плечом на заднюю стенку повозки.

Оставшееся расстояние он будет толкать ее сам. В другой жизни, когда его сердце по-прежнему билось, он был сильный, крепкий мужчина. Теперь же с ним по силе не сравнится ни один смертный.

Воздух был пропитан запахом крови и, скорее, напоминал густой пар. Бернард сделал осторожный вдох. На периферии зрения тотчас возникла алая жажда. Боже, как он алкал крови их всех — каждого мужчины, каждой женщины, каждого ребенка в этом городе! Это желание было столь велико, что грозило взорвать его изнутри.

Вместо этого он еще сильнее сжал раскаленный крест, дабы священная боль остудила темное желание.

Превозмогая себя, Бернард сделал шаг, и колеса, словно нехотя, описали один оборот, затем еще один... И каждый новый оборот колеса приближал его к заветной цели.

Увы, одновременно с каждым шагом в нем нарастал страх.

Что, если я опоздал?

* * *

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Бернард увидел свою цель. К этому времени он уже валился с ног от усталости, до последней капли растратив всю свою нечеловеческую силу.

В конце улицы, где отчаянно сражались последние защитники города, к равнодушно-синему небу вздымался свинцовый купол мечети. Ее некогда безупречно белый фасад был весь в пятнах крови. Даже с расстояния Бернарду было слышно, как бьются сердца мужчин, женщин, детей, что искали защиту за ее толстыми стенами.

Он вновь подтолкнул плечом повозку и прислушался, как они молят о пощаде своего чужеземного бога. Увы,

пощады им не будет — об этом позаботится зверь, которого он сейчас везет в клетке. Пощады можно ждать от кого угодно, только не от него.

Их никчемные жизни не значили ничего по сравнению с тем, к чему стремился Бернард. Ему нужно оружие, которое бы очистило мир от скверны.

Замечтавшись, Бернард не заметил, как переднее колесо угодило в глубокую трещину в мостовой и прочно застряло между камнями. Повозка вздрогнула и остановилась.

Как будто почувствовав преимущество, неверные прорвали фалангу защитников повозки. К Бернарду, потрясая искривленным мечом, бросился какой-то худой мужчина с всклокоченными черными волосами. Он явно пытался встать на защиту своей мечети, своей семьи, своей жизни.

Бернард принял его жертву — всего один взмах холодной стали, и мужчина уже лежал на земле.

Брызнула кровь, запятнав мантию Бернарда. Хотя это было строжайше запрещено, за исключением крайних случаев, он потрогал пятно, после чего поднес пальцы к губам и слизал языком кровь.

Кровь. Лишь она даст ему сил двигаться дальше. Покаяние за это он примет позже — если понадобится, то на сто лет вперед.

Начиная от кончика языка, Бернарда изнутри опалил огонь. Его члены тотчас наполнились силой, поле зрения сузилось до одной точки. Он налег плечом и, поднатужившись, сдвинул повозку с места. Та покатилась дальше.

Губы тотчас прошептали молитву — взывая к Господу дать ему силу и прощение за только что свершенный грех.

Он толкал повозку вперед, а его братья тем временем прокладывали для него дорогу.

Двери мечети маячили прямо перед ним, ее последние защитники умирали на ее пороге. Бернард оставил повозку, широким шагом подошел к мечети и с силой, неведо-

мой простым смертным, ударом ноги разнес запертые изнутри на засов двери.

Внутри, эхом отражаясь от узорчатых стен, раздался хор испуганных голосов. Исполненные ужасом сердца бились в унисон. Их биение слилось в один звук, напоминающий рев прибоя. Из темноты под куполом на него смотрели испуганные глаза.

Бернард встал в дверном проеме, чтобы они увидели его на фоне пылающего города. Они должны узнать жреческое одеяние и серебряный крест, должны понять, что христиане победили их.

Но что еще важнее, они должны понять, что спасения им нет.

Братья-сангвинисты подоспели к нему и встали позади него плечом к плечу перед входом в мечеть. Отсюда не убежит ни одна душа. Огромное пространство мечети было пронизано ужасом. Казалось, он поднимался от плиток пола к куполу над головами.

Бернард прыжком вернулся к повозке и, сняв с деревянного настила тяжелую клетку, потащил ее по ступенькам к двери. Железное основание оставило после себя на каменных ступенях длинный черный след. Стена сангвинистов расступилась, пропуская его внутрь, затем сомкнулась снова.

Внутри мечети Бернард поставил клетку вертикально на полированный пол. Один взмах меча — и замок полетел на мраморные плиты. Отступив на шаг назад, Бернард распахнул заржавевшую дверь клетки. В ее скрипе и скрежете потонули и удары сотен сердец неверных, и их надрывное дыхание.

Впервые за многие месяцы получив свободу, зверь шагнул вперед. Длинные руки потрогали воздух, как будто пытаясь нащупать ставшие привычными железные прутья.

Бернарду с трудом верилось, что это существо когда-то называлось человеком. Кожа зверя была мертвенно-

бледной, как у покойника, длинные золотистые волосы свисали на спину спутанной гривой. Конечности тонкие, как у паука.

При виде чудовища толпа отшатнулась. Неверные, в ужасе давя друг друга, прижались к стенам. Какой изысканный аромат крови и страха исходил от них!

Бернард вскинул над головой меч и подождал, когда зверь повернется к нему лицом. Он ни в коем случае не должен сбежать на улицу. Его работа — здесь. Он должен навлечь зло и скверну на это священное место. Должен разрушить даже малейшие остатки чуждой сакральности. Лишь тогда храм можно будет заново освятить во славу Божию.

Зверь как будто прочел его мысли и повернул к нему морщинистое лицо, на котором тускло светились молочно-белые глаза. Кожа монстра давно не видела солнца, да и в зверя он превратился уже немолодым.

Где-то в глубине помещения заплакал ребенок. Нет, такому зверю, как этот, не устоять перед искушением. Взмахнув тощими конечностями, монстр повернулся и бросился на добычу.

Бернард опустил меч — он ему больше не нужен, ибо не нужно больше держать зверя в страхе. Кровь и человеческие муки — вот что на какое-то время удержит чудовище внутри этих стен.

Бернард заставил себя сдвинуться с места и сделал шаг вслед за монстром. Проходя под куполом, он зажал уши, чтобы не слышать истошных воплей и жарких молитв. Он старался не смотреть на окровавленные тела на полу, через которые был вынужден перешагивать — боялся поддаться соблазну. Ведь здесь, внутри мечети, кровью был пропитан даже воздух.

И все же сидевший в нем самом зверь, только что подпитанный несколькими каплями крови, напоминал о себе, мечтая присоединиться к своему собрату, утолить давний

голод. Чтобы впервые за много лет сполна напиться человеческой крови.

Страшась утратить контроль над собой, опасаясь поддаться искусу, Бернард ускорил шаг и вскоре уже был рядом с лестницей в дальнем конце мечети. А в следующий миг замер на месте, сраженный странной тишиной.

Сердца людей позади него прекратили биться. Тишина заключила его в объятия, и он остался стоять, не в силах сдвинуться с места, чувствуя, как его собственное сердце наполняет чувство вины.

Через секунду, как будто сорвавшись вниз с купола, донесся нечеловеческий вопль. Это его братья-сангвинисты убили монстра. Зверь выполнил свою миссию.

Боже, прости меня...

Сбросив с себя оковы тишины, Бернард бросился вниз по ступенькам, устремившись узкими коридорами в глубь подземелья. Подземная тропа вела его все глубже и глубже в чрево города.

И пока он спешил, его, подобно затаившемуся в темноте призраку, преследовал запах крови. Но вдруг ему в ноздри ударил другой запах. Вода.

Опустившись на четвереньки, он вполз в узкий тоннель. Впереди, притягивая его к себе, как мотылька к пламени свечи, мерцал свет. На другом конце тоннель расширялся, заканчиваясь пещерой высотой в человеческий рост.

Оказавшись в ней, Бернард выпрямился. Со стены свисал камышовый факел, отбрасывая подрагивающий свет на темную поверхность воды. Потолок пещеры покрывал толстый слой сажи, явно копившейся не один десяток лет.

Бернард уже сделал шаг вперед, когда из-за валуна поднялась женщина в простой белой рубашке. Блестящие черные пряди змеятся по плечам. Янтарного оттенка кожа гладкая и чистая. С золотой цепочки на изящной шее свисает острый осколок металла длиной с ее ладонь.

Он покоится в ложбинке между пышных грудей, что четко вырисовываются под полупрозрачным холщовым лифом.

Бернард давно дал обет безбрачия, но тело его тут же отреагировало на ее красоту. Усилием воли он заставил себя посмотреть ей в глаза. Ее собственные смотрели на него оценивающим взглядом.

— Кто ты? — спросил он у нее. Незнакомка не удостоила его даже словом, но он тотчас понял, что она не заточенный в клетку зверь и даже не такая, как он сам. Даже на расстоянии Бернард ощущал исходивший от ее тела жар.

— Ты хозяйка источника?

Это имя было написано на древнем папирусе, вместе с картой, что лежала под ним.

Она не удостоила его ответом.

— Если не готов к тому, что ищешь, — просто сказала незнакомка. Слова были сказаны на латыни, но с древним акцентом — гораздо более древним, чем его собственный.

— Я ищу лишь знание, — возразил Бернард.

— Знание? — Это слово прозвучало скорбно, как заупокойная молитва. — Здесь обрящешь ты лишь разочарование.

И все же она, похоже, увидела его решимость. Отступив в сторону, женщина смуглой рукой с длинными изящными пальцами поманила его, приглашая подойти ближе к воде. Ее предплечье украшал тонкий золотой браслет.

Бернард шагнул мимо нее, и их плечи почти соприкоснулись. Женщину, подрагивая, обволакивало теплое облако, сотканное из аромата цветов лотоса.

— Совлеки ризы твои, — повелела она. — Да внидешь в воду такоже наг, якоже пришед на свет.

Стоя у кромки вод, Бернард принялся снимать с себя мантию, одновременно борясь с недостойными картинами, что переполняли его мысли.

Она не стала отводить глаз.

— Ты осквернил смертью священное место, о, жрец креста.

— Оно очистится от скверны, — сказал он в свое оправдание. — Будучи посвященным единому Богу.

— Лишь *одному*? — В ее темных глазах затаилась печаль. — Еси уверен?

— Аз есмь.

Женщина пожала плечами. От этого движения рубашка соскользнула с них и с легким шорохом упала на каменный пол. В свете факела Бернарду предстало тело такой красоты, что он забыл о своем обете и впился в нее взглядом. Его глаза заскользили по ее упругим грудям, по впалому животу, по стройным бедрам.

Она повернулась и беззвучно, почти без плеска, нырнула в темную воду.

Оставшись один, Бернард спешно расстегнул ремень, сбросил с ног окровавленные сапоги и сорвал с себя мантию. Оставшись нагим, он вслед за хозяйкой источника нырнул в ледяную воду. Та тотчас смыла с его кожи кровь и окрестила его самого в невинность.

Бернард выдохнул из легких воздух — как сангвинисту, он ему не требовался, — быстро погрузился под воду и поплыл вслед за ней. Где-то внизу под ним мелькали ее голые руки и ноги, а затем она, словно рыба, метнулась в сторону и исчезла.

Бернард устремился глубже, но женщина исчезла. Потрогав крест на шее, он стал молить Господа, чтобы тот не оставил его и наставил на путь истинный. Что ему делать дальше? Искать ее или продолжить свою миссию?

Ответ на вопрос был прост.

Бернард повернулся и, мысленно следуя карте, которую когда-то обнаружил среди древних папирусов, поплыл вперед извивающимися проходами в тайное святилище, запрятанное глубоко под Иерусалимом.

Быстро, насколько ему хватило решимости, он нырнул в кромешную тьму и поплыл запутанными коридорами. Любой смертный уже умер бы несколько раз. Одной рукой Бернард касался стен, считая коридоры. Дважды он упирался в тупик и был вынужден повернуть назад. Бернард боролся с паникой, убеждал себя, что неверно прочел карту, ведь то место, которое он ищет, существует на самом деле.

В какой-то момент его отчаяние достигло пика, а в следующий миг мимо него в ледяной воде промелькнул неясный силуэт, и он ощутил течение воды в ту сторону, из которой только что приплыл. Испуганный, Бернард потянулся за мечом, но вспомнил, что оставил его лежать вместе с ворохом одежды у кромки омута.

Он протянул руку, пытаясь поймать женщину, но та вновь исчезла.

Тогда он повернул в ту сторону, откуда она появилась, и заработал конечностями с удвоенной силой, одновременно пытаясь побороть нараставший страх, опасаясь, что отныне ему суждено вечно плыть в темноте в ледяной воде и никогда не найти то, что он ищет.

Наконец Бернард нырнул в просторную пещеру, чьи стены широко разошлись в разные стороны. И хотя в кромешной тьме ничего не было видно, он знал, что приплыл туда, куда нужно. Вода стала заметно теплее, наполненная святостью, которая щекотала ему кожу. Подплыв к краю, Бернард приподнял дрожащие руки и ощупал стену.

И ощутил ладонью нанесенный на камень орнамент.

— Наконец-то...

Его пальцы поползли по каменной поверхности, пытаясь опознать вырезанные на ней образы. Образы, которые могли спасти их. Образы, которые могли дать им в руки тайное оружие.

Его пальцы нащупали контуры креста, нашли распятую на кресте фигуру, а над крестом, обратив лик к небе-

сам, распростер в небе руки тот же самый человек. Между телами была прочерчена линия, соединяя возносившуюся к небесам душу с прибитым к кресту телом.

Бернард водил пальцами по камню, и подушечки пальцев как будто жгло огнем — предупреждение о том, что линия эта сделана из чистого серебра. От креста огненная дорога тянулась вдоль изгиба стены к другому рисунку. Здесь он обнаружил группу мужчин, вооруженных мечами, пришедших арестовать Христа. Рука Спасителя касалась виска одного из них.

Бернард знал, что здесь изображено. *Исцеление Малха*[1].

Последнее чудо, сотворенное Христом до его воскресения.

Плывя вдоль стены, Бернард следил за серебряной линией по чудесам, которые Христос сотворил при жизни: умножение рыб, воскрешение из мертвых, исцеление прокаженных. И каждая такая картина откладывалась у него в голове, как будто он видел ее своими глазами. Бернард пытался сдерживать себя, свою надежду, свое возбуждение.

Наконец он доплыл до изображения свадьбы в Кане, во время которой Христос превратил воду в вино. Это было первое из сотворенных им чудес.

Но серебряная линия, словно путеводный огонь, повела его сквозь тьму дальше, прочь от Каны.

Но куда? Неужели ему откроются неведомые чудеса?

Бернард на ощупь двинулся дальше. Увы, теперь под его пальцами был лишь крошащийся камень. В отчаянии он водил ладонями по стене, пытаясь нащупать новый рисунок.

Куски перекореженного серебра, торчавшие из каменной стены, больно обжигали ему кожу. Это боль привела его в чувство, и его сердце тотчас наполнил еще больший страх.

---

[1] Малх — персонаж Нового Завета, раб первосвященника, участвовавший в аресте Иисуса Христа в Гефсиманском саду.

Часть рисунков здесь была уничтожена.

Бернард как можно шире развел руки, пытаясь нащупать новый рисунок. Согласно древнему папирусу, здесь должна была быть запечатлена история сотворенных Христом чудес, которая позволяла узнать, где спрятано самое священное оружие, одним прикосновением которого можно уничтожить даже самую сильную из проклятых душ.

Бернард завис на месте. Он знал правду.

Секрет уничтожен.

И он даже знал, кем.

Слова хозяйки источника эхом отдавались в его голове. *Знания? Здесь обрящешь ты лишь разочарование.*

Она сочла его недостойным, потому пришла сюда и стерла со стен картину, прежде чем он смог ее увидеть. Слезы, что текли из его глаз, смешивались с холодной водой. Бернард плакал — нет, не о том, что было утрачено. Истина была куда более жестокой.

Я не справился.

Каждая смерть сегодняшнего дня была напрасной.

Глава 2

18 декабря, 11 часов 12 минут
восточного поясного времени
Арлингтон, штат Вирджиния

Шагая в синей парадной форме, сержант Джордан Стоун чувствовал себя обманщиком. Сегодня он предаст земле последнего из их бывшей команды — молодого капрала по фамилии Сэндерсон. Как и в случае с другими его товарищами, тело Сэндерсона так и не было найдено.

Спустя два месяца поисков, во время которых они перелопатили тонны битого камня, некогда бывшего горой Масада, военные прекратили поисковые работы. И вот

сейчас, пока Джордан шагал вместе с другими товарищами, ему в бедро больно впивался пустой гроб Сэндерсона.

Декабрьский снегопад набросил на Национальное Арлингтонское кладбище белое покрывало, скрыв увядшую коричневую траву, припорошив голые ветви деревьев. Снег холмиками лежал на мраморных могильных камнях — кстати, их здесь было столько, что невозможно сосчитать. Каждый пронумерован. На большинстве — имена. Все до одного солдаты, что покоятся под ними, были с честью и достоинством преданы земле.

Среди них и его жена, Карен, погибшая год назад во время боевых действий. Собственно, хоронить было нечего, кроме знаков отличия. Ее гроб был так же пуст, как и гроб Сэндерсона. В течение нескольких дней Джордан отказывался поверить, что ее больше нет, что он больше никогда не принесет ей цветы, что не получит в ответ полный благодарности поцелуй. Теперь единственные цветы, которые он может подарить ей, это те, что он положит на ее могилу. Вот и сегодня, прежде чем отправиться на похороны Сэндерсона, он принес ей красные розы.

Джордан представил себе веснушчатое лицо Сэндерсона. Его юный товарищ серьезно относился к своему делу, если не сказать, лез из кожи вон и стремился всем угодить. И что получил за это? Одинокую смерть на вершине горы в Израиле... Джордан крепче сжал холодную ручку гроба. Как жаль, что все закончилось именно так...

Еще несколько шагов мимо голых деревьев, и Стоун с товарищами внесли гроб в холодную часовню. Внутри простых, побеленных стен Джордан чувствовал себя куда уютнее, чем в сверкающих позолотой соборах Европы. Наверно, Сэндерсон тоже чувствовал бы себя здесь куда уютнее.

Внутри их уже ждали мать и сестра покойного, обе — несмотря на снег и мороз — в почти одинаковых черных платьях и строгих туфлях на тонкой подошве. У обеих мо-

лочно-белая, как у Сэндерсона, кожа, даже зимой усыпанная веснушками. Носы и глаза красны от слез.

Они оплакивали его. И Джордан был бессилен им чем-то помочь.

Рядом с ними навытяжку застыл его командир, капитан Стэнли. На всех похоронах капитан стоял по левую руку от Джордана — сжав губы, он наблюдал, как гробы опускаются в землю. Бравые солдатики, все до одного.

Стэнли свято чтил устав и безупречно провел допрос Джордана. В свою очередь тот постарался ни на йоту не отступить от той лжи, которую приготовил Ватикан: гора рухнула в результате землетрясения, и все погибли. Он и Эрин по чистой случайности оказались в том углу, который остался цел, и три дня спустя были спасены из-под завалов присланной из Ватикана поисковой командой. На первый взгляд все правдоподобно и просто.

Увы, это была ложь. Но что еще хуже, лжец из Джордана никакой. Неудивительно, что командир заподозрил, что он что-то не договаривает. Как о том, что случилось в Масаде, так и о том, что было потом.

Джордана уже сняли с активной службы и отправили на консультации к психиатру. Кто-то наблюдал за ним все это время, ждал, когда же он наконец расколется.

Ему же хотелось одного — вернуться в действующую армию и делать свое дело дальше. Как член Объединенного экспедиционного криминалистического корпуса, он работал в Афганистане, где исследовал места военных преступлений. Он был специалист своего дела и хотел и дальше им заниматься. Что угодно, лишь бы чем-то себя занять, лишь бы не сидеть сложа руки.

И вот теперь вместо этого Стоун стоял навытяжку рядом с еще одним гробом, чувствуя, как сквозь подметки от холодного мраморного пола начинают замерзать пальцы ног. Рядом с ним дрожала от холода сестра Сэндерсо-

на. Как жаль, что он не может предложить ей свой парадный китель.

Джордан не особо вслушивался в слова военного капеллана, скорее, следил за интонацией его голоса. У священника на всю заупокойную службу было лишь двадцать минут. В Арлингтоне каждый день проходят похороны, так что хочешь не хочешь, а нужно выдерживать график.

Вскоре Джордан уже выходил из часовни, а еще через пару минут стоял перед свежевырытой могилой. Он проделывал этот путь уже столько раз, что ноги сами несли его. Гроб Сэндерсона стоял на присыпанной снегом земле рядом с задрапированной ямой.

Холодный ветер мел поземку, и снежинки на мерзлой земле то извивались, подобно щупальцам, то напоминали перистые облака — те самые, что можно часто увидеть в пустыне, в которой погиб Сэндерсон. Джордан молча выстоял всю церемонию. Винтовки дали три прощальных залпа, затем тишину прорезали скорбные ноты горна. Капеллан вручил матери Сэндерсона сложенный в несколько раз флаг.

Так бывало всякий раз, когда они хоронили очередного своего товарища. Правда, легче от этой мысли Джордану не стало.

Когда все закончилось, он пожал руку матери Сэндерсона, такую тонкую и холодную, что он испугался, что ненароком сломает ее.

— Позвольте выразить вам соболезнование по поводу вашей утраты. Капрал Сэндерсон был прекрасный солдат и хороший человек.

— Он к вам хорошо относился, — с печальной улыбкой ответила мать. — Говорил, что вы умный и храбрый.

Джордан попытался изобразить ответную улыбку.

— Приятно это слышать, мэм. Но он и сам был умный и храбрый.

Мать заморгала, смахивая с ресниц слезы, и отвернулась. Он было шагнул вслед за ней, хотя и не знал, что ей сказать, но не успел сдвинуться с места, как ему на плечо легла рука капеллана.

— Думаю, сержант, нам есть о чем поговорить. У меня к вам дело.

Джордан пристально посмотрел на него. На капеллане была та же парадная форма, что и на нем самом, с той единственной разницей, что на лацканы кителя были нашиты кресты. Кожа слишком бледная, даже для зимы, каштановые волосы длинноваты, да и осанка отнюдь не военная. Капеллан ответил ему немигающим взглядом зеленых глаз.

От этого взгляда на затылке у Джордана волосы встали дыбом.

Даже сквозь перчатку от руки капеллана исходил холод. Причем рука была холодной отнюдь не потому, что сам капеллан слишком много часов провел на морозе. Рука была холодной, как будто не была теплой вот уже долгие годы.

Джордан и раньше встречал ему подобных. Перед ним стоял хищник-мертвец, вампир, известный как стригой. Но чтобы выйти к людям среди бела дня, для этого нужно быть сангвинистом — стригоем, который принес обет не пить человеческой крови, служить католической церкви и питаться лишь кровью Христа — вернее, вином, которое во время таинства причастия превращалось в кровь Спасителя. Такой обет делал это существо менее опасным. Хотя и не сильно.

— Я не уверен, что осталось какое-то дело, — ответил ему Джордан.

С этими словами он отступил прочь от капеллана, готовый при необходимости вступить с ним в поединок. Он не раз видел, как сражались сангвинисты, и не сомневался, что этот тщедушный капитан выйдет победителем. Но это еще не значит, что сам он сдастся ему без сопротивления.

В следующий момент между ними вырос капитан Стэнли и прочистил горло:

— Это дошло до самого высшего начальства, сержант Стоун.

— Что дошло, сэр?

— Он вам все объяснит, — ответил капитан и жестом указал на капеллана. — Идите с ним.

— А если я откажусь? — Джордан затаил дыхание, не зная, что прозвучит в ответ.

— Это приказ, сержант. — Капитан смерил его холодным взглядом. — И он исходит отнюдь не от меня, а от людей гораздо выше.

Джордан негромко простонал.

— Виноват, сэр.

Капитан Стэнли слегка скривил уголок рта, что у человека более веселого нрава наверняка вылилось бы в смешок.

— Я верю вам, сержант.

Джордан отдал салют — уж не в последний ли раз? — и вслед за капелланом зашагал к припаркованному у тротуара лимузину. Такое впечатление, что сангвинисты в очередной раз вторглись в его жизнь, готовые растоптать своими бессмертными ногами остатки его карьеры.

Капеллан открыл для него дверь, и Джордан забрался внутрь. Внутри пахло кожей, бренди и дорогими сигарами. Совсем не таким он представлял себе автомобиль простого священника.

Стоун расположился на сиденье. Стеклянная перегородка была поднята, и ему была видна толстая шея водителя, его короткие светлые волосы и форменная фуражка.

Перед тем как сесть, капеллан слегка приподнял брючины, чтобы не испортить стрелки, после чего со стуком захлопнул за собой дверь. Джордан подумал, что оказался в капкане.

— Пожалуйста, включите отопление для нашего гостя, — распорядился капеллан, обращаясь к водителю, по-

сле чего расстегнул парадный китель и откинулся на сиденье.

— Если не ошибаюсь, мой командир сказал, что вы мне все объясните, — произнес Джордан и сложил на груди руки. — Я слушаю.

— Вы многого хотите. — Молодой капеллан налил себе бренди, поднес его к носу и сделал глубокий вдох. Затем вздохнул, опустил стаканчик и предложил его Джордану. — Прекрасный, выдержанный напиток.

— В таком случае выпейте его.

Не сводя глаз с янтарно-коричневой жидкости, капеллан покрутил бренди в стакане.

— Думаю, вам прекрасно известно, что я при всем желании не могу это сделать.

— Я предпочел бы другое объяснение, — холодно откликнулся Джордан.

Капеллан поднял руку, и машина взяла с места.

— Приношу свои извинения по поводу всей этой таинственности в духе романов плаща и кинжала. Хотя, наверно, правильнее было бы сказать, в духе рясы и креста.

Он снова понюхал бренди и задумчиво улыбнулся.

Джордан нахмурился. Ему не нравилось это жеманное существо. С другой стороны, этот стригой был не так чопорен и высокомерен, как другие сангвинисты, с которыми ему до этого приходилось иметь дело.

Капеллан снял белую перчатку и протянул руку.

— Мое имя Христиан.

Джордан не отреагировал на этот жест.

Поняв, что тот не собирается отвечать на его рукопожатие, капеллан поднял руку и пробежал пальцами по густым волосам.

— Да, я ценю иронию. Сангвинист по имени Христиан. Думаю, таково было желание моей матери.

С этими словами он фыркнул.

Джордан не был уверен, что должен о нем думать.

— Думаю, мы почти повстречались в Эттальском аббатстве, — произнес капеллан. — Но Рун выбрал Надию и Эммануила для полноты его трио в Германии.

Джордан представил себе смуглое лицо Надии и тяжелый взгляд Эммануила.

Христиан покачал головой.

— Не думаю, что для вас это сюрприз.

— Зачем вам все это?

Сангвинист выгнул бровь.

— Полагаю, для отца Руна Корцы я пока еще не кусок мешковины и не горка пепла.

Джордан с трудом подавил улыбку.

— Думаю, он от этого не в восторге.

Христиан поставил бренди на поднос рядом с дверью и подался вперед. Его зеленые глаза были серьезны.

— Собственно говоря, я здесь из-за него, из-за отца Корцы.

— Он прислал вас ко мне?

Впрочем, это плохо укладывалось в голове. Вряд ли Рун хотел иметь хоть какое-то дело с ним, с Джорданом. Они с ним расстались далеко не друзьями.

— Не совсем, — ответил Христиан и уперся тощими локтями в коленки. — Кардинал Бернард пытается замять это дело, но Рун исчез, не сказав никому ни слова.

Что ж, очень даже в его духе.

— Скажите, он пытался связаться с вами, после того как вы в октябре покинули Рим? — спросил Христиан.

— С какой стати ему это делать?

Санвгинист задумчиво наклонил голову.

— А почему бы нет?

— Я его ненавижу. — Джордан решил, что в данном случае лучше сказать правду. — И он это знает.

— Рун не тот, кто сразу располагает к себе, — согласился Христиан. — Но что он такого сделал, чтобы вы его ненавидели?

— Помимо того, что он едва не убил Эрин?

Священник нахмурил брови.

— Мне казалось, он спас ей жизнь... как и вам.

Джордан стиснул зубы. Он вспомнил лежащую на полу Эрин, ее бледную кожу, ее намокшие в крови волосы.

— Рун ее укусил, — хрипло произнес не. — Он выпил ее кровь и бросил умирать в подземном лабиринте под Римом. Не наткнись мы на нее случайно с братом Леопольдом, ее уже давно не было бы в живых.

— Отец Корца выпил кровь Эрин? — Христиан откинулся на сиденье. Было видно, что священник изумлен. Несколько секунд он, не проронив ни слова, пристально смотрел на него, как будто отказывался верить услышанному. — Вы уверены? Вдруг он...

— Они оба подтвердили это. Эрин и Рун, — Джордан сложил на груди руки. — В противном случае я не единственный, кто солгал.

Христиан поднял руки — мол, я вам верю.

— Извините, я не собирался ставить под сомнение ваши слова. Просто это несколько... странно.

— Только не для Руна, — Джордан снова положил руки на колени. — Ваш золотой мальчик и раньше совершал промахи.

— Лишь раз. И Элисабета Батори жила столетия назад. — Христиан снова взял в руки бокал с бренди и внимательно на него посмотрел. — Вы хотите сказать, что брат Леопольд был в курсе всего, что случилось?

— Безусловно.

Судя по всему, Леопольд его же и покрыл. Это расстроило, но не удивило Джордана. Сангвинисты своих не сдают.

— Он укусил ее, — повторил Христиан, глядя в бокал, как будто пытался найти в нем ответ. — Это значит, что теперь он носит в себе ее кровь.

При этой мысли Джордан передернулся от омерзения.

— Это все меняет. Мы должны поехать к ней. Прямо сейчас. — Христиан наклонился и постучал в перегородку, чтобы привлечь к себе внимание шофера. — Отвезите нас в аэропорт! Немедленно!

Тот моментально нажал на газ. Машина с лязгом и скрежетом взлетела на вершину холма и понеслась прочь от кладбища.

Христиан посмотрел на Джордана.

— В аэропорту мы расстанемся. Думаю, оттуда вы доберетесь домой самостоятельно.

— В принципе, да, — согласился Джордан. — Но если дело касается Эрин, то я полечу с вами.

Христиан сделал глубокий вдох и громко выдохнул. Затем достал из кармана мобильник и набрал номер.

— Надеюсь, кардинал Бернард тогда прочел вам лекцию о том, какой опасности вы подвергаете свою жизнь и душу, ввязываясь в наши дела?

— Прочел.

— В таком случае ради экономии времени притворимся, что я сделал то же самое, — Христиан поднес телефон к уху. — Пока же я должен заказать чартерный рейс в Калифорнию.

— То есть вы не против, если я полечу с вами?

— Вы любите Эрин и хотите ее защитить. Кто я такой, чтобы этому мешать?

Для ходячего мертвеца этот Христиан был очень даже неплох. И все же, пока лимузин летел по заснеженному городу, тревога в душе Джордана нарастала с каждой новой милей.

Эрин была в опасности. Снова. И похоже, по вине Руна Корцы. Может, и впрямь будет лучше, если этот мерзавец потеряется навсегда...

СОДЕРЖАНИЕ

ТРОПА МЕРТВЫХ 5

Что правда, а что нет 42

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ДЬЯВОЛЬСКАЯ КОЛОНИЯ» 44

Историческая справка 44

Научный комментарий 45

Пролог 47

Часть первая 59

Глава 1 59

Глава 2 71

Глава 3 96

Глава 4 108

Глава 5 118

НОЧНАЯ ОХОТА 129

ГОРОД КРИКА 175

КРОВНЫЕ БРАТЬЯ 253

Эпилог 294

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «НЕВИННЫЕ» 295

Глава 2 308

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Джеймс Роллинс

ТРОПА МЕРТВЫХ

Ответственный редактор *В. Хорос*
Редактор *В. Лебедев*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Духанина*
Компьютерная верстка *Т. Граблевская*
Корректор *И. Гончарова*

Разработка серии *С.Шикина*
Иллюстрация на обложке *А.Дубовика*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул Зорге, д 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Өндіруші «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page www eksmo ru E-mail info@eksmo.ru
Тауар белгісі «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ , Домбровский көш , 3«а», литер Б, офис 1
Тел 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс 8 (727) 251 58 12 вн 107, E-mail. RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген
Сертификация туралы ақпарат сайтта www eksmo ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: http://eksmo.ru/certification/

Подписано в печать 12.09.2014. Формат 60x90$^{1}/_{16}$.
Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0.
Тираж 15 000 экз. Заказ 6613

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-75976-7

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел 411-50-74.
E-mail. **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail **international@eksmo-sale.ru**

International Sales International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел +7 (495) 411-68-59, доб 2261, 1257*
E-mail· **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш , д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail. **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: www **kanc-eksmo.ru**

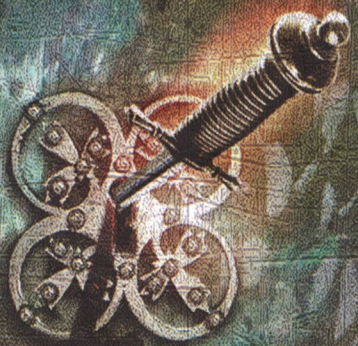
В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д 46
Тел +7(812)601-0-601, www bookvoed ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел (812) 365-46-03/04
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр Стачки, 243А Тел. (863) 220-19-34
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д 75/1, литера «Е». Тел (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул Прибалтийская, д. 24а.
Тел +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3
Тел +7 (383) 289-91-42 E-mail **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
В Донецке: ул Артема, д 160 Тел +38 (032) 381-81-05.
В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д 8 Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153
Тел /факс (0652) 22-90-03, 54-32-99
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д 3а
Тел./факс (727) 251-59-90/91 **rdc-almaty@mail.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной· 8 (800) 444-8-444 Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru
Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел · +7 (495) 745-89-14. E-mail **imarket@eksmo-sale.ru**

Не так давно Сейхан, наемная убийца, работала на зловещую организацию «Гильдия». Но сейчас она сбежала из нее, примкнув к группе «Сигма», выполняющей секретные задания американского правительства. И теперь Сейхан необходимо выведать всю возможную информацию о своих бывших работодателях. Она нашла ученого из «Гильдии», который готов передать ей важные документы при личной встрече в Париже. Однако там девушка угодила в ловушку. Чтобы освободиться и получить документы, она должна спасти сына ученого, попавшего в лапы кровавой религиозной секты. Для этого Сейхан придется пройти тропой мертвых и добыть ключ к древнему и страшному секрету. Ключ, который откроет «Сигме» двери всех тайн...

Впервые на русском языке! Новое произведение Джеймса Роллинса, являющееся предысторией романа «Дьявольская колония»!

ISBN 978-5-699-75976-7